

Барсень Иванъ фронъ Нволикенъ

ЗМРІЕВО

РОМАНЪ



Баронъ Иванъ фонъ Нолькенъ.

ЗАРЕВО

РОМАНЪ.



1927 г.

Складъ изданія: М. Дидковскій, Рига, Ткацкая, 9.

**Эта книга напечатана
въ типографіи А. Нитавскаго,
Рига, ул. Меркеля 6.**

**Всѣ права сохранены
за авторомъ.**

I.

Въ серединѣ іюля 1912 года около двѣнадцати часовъ дня московскій скорый поѣздъ подошелъ къ платформѣ кисловодскаго вокзала. Изъ спальнаго вагона вышелъ высокій и представительный капитанъ въ формѣ офицера генеральнаго штаба.

— Князь, какими судьбами? Вотъ не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить, — окликнулъ капитана на платформѣ небрежно одѣтый господинъ средняго роста, лѣтъ пятидесяти, съ симпатичнымъ, смуглымъ лицомъ, обрамленнымъ слегка сѣдѣющей бородкой, и красивыми, хотя и устало глядящими, карими глазами.

— А, Георгій Ивановичъ! Какъ я радъ! Вотъ такъ сюрпризъ, — радостно здороваясь съ окликнувшимъ его знакомымъ, отвѣтилъ капитанъ, — я пріѣхалъ сюда въ отпускъ. Ну, а вы что здѣсь дѣлаете? Гдѣ живете? Что составляетъ предметъ вашихъ теперешнихъ заботъ?

— Живу я у Ганешиныхъ, пробуду здѣсь еще недѣли три, а заботы мои тѣ же, что и пять лѣтъ тому назадъ: поглощенъ дѣятельностью нашего военнаго вѣдомства, то есть, вѣрнѣе, возмущаюсь его бездѣятельностью и все собираю матеріалъ для своихъ будущихъ выступлений въ Думѣ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ поговоримъ послѣ, а пока скажите мнѣ, гдѣ вы будете жить?

— Для меня знакомый занялъ двѣ комнаты въ Ребровой балкѣ; я туда и направляюсь.

— Вотъ что, дорогой князь, сегодня я устраиваю для друзей маленькій обѣдъ въ ресторанѣ Читаева. Очень прошу и васъ пожаловать на этотъ обѣдъ часамъ къ шести.

Будутъ интересныя дамы и пріятныя мужчины... Непременно приходите. Даете слово?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Варваринъ. — Такимъ образомъ, я сразу „съ корабля на балъ“. Итакъ, до скорого, Георгій Ивановичъ!

На этомъ они разстались. Капитанъ передалъ носильщику квитанцію отъ багажа и въ ожиданіи сталъ разсматривать гуляющую на платформѣ публику. Георгій Ивановичъ же подошелъ къ двумъ дамамъ, видимо, матери и дочери, судя по ихъ сходству. Старшая изъ нихъ перешла уже тотъ „предѣльный“ возрастъ, когда женщина можетъ нравиться мужчинѣ только потому, что она женщина, младшая же, дѣвушка лѣтъ двадцати, была въ апогее своей дѣвичьей красоты. Хорошенькая ея головка съ большими темными глазами обращала на себя вниманіе своими молодостью и свѣжестью. Фигура ея, высокая и стройная, чуть-чуть склонная къ полнотѣ, напоминала скорѣе фигуру не молоденькой дѣвушки, а сложившейся уже вполнѣ молодой дамы.

Старшая Липская — эту фамилію носили дамы — когда къ нимъ подошелъ Георгій Ивановичъ, забросала его вопросами о томъ, что онъ вчера дѣлалъ, кого видѣлъ, слышалъ ли, какъ въ ресторанѣ курзала нѣсколько человекъ отравилось тухлой рыбой, и въ заключеніе спросила:

— Что это за „моментъ“, съ которымъ вы говорили? Видимо, это вашъ хорошій знакомый?

— О, да! Это мой пріятель, — отвѣтилъ Георгій Ивановичъ, — я знакомъ съ нимъ уже лѣтъ десять. Зовутъ его княземъ Варваринымъ. Кстати сказать, вы скоро познакомитесь съ нимъ, такъ какъ я пригласилъ его на обѣдъ. Это молодой человекъ, подающій большія надежды. Раньше онъ служилъ въ Преображенскомъ полку. Что-жъ, пойдемъ завтракать?...

— Мы уже позавтракали, — отвѣтила Липская, но пойдемъ вмѣстѣ, мы доведемъ васъ до парка. Вы вѣдь тамъ всегда завтракаете?

Хотя Георгій Ивановичъ все время говорилъ съ матерью, но взоръ его часто подолгу останавливался на дочери, которая имѣла нѣсколько скучающій видъ и, казалось, не слушала, что говорилось около нея.

— Что вы, Татьяна Ипполитовна, сегодня такая сосредоточенная? Не въ духахъ мы? — обратился Георгій Ивановичъ къ дѣвушкѣ, когда они входили въ галлерею, которая вела въ паркъ.

— Я? Не въ духѣ? Ничего подобнаго! — воскликнула

барышня, при чемъ смуглыя щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ, — впрочемъ, пожалуй, вы правы, сегодня мнѣ, дѣйствительно, какъ-то не по себѣ. Что то безъ всякой причины волнуетъ меня.

— Во время обѣда мы постараемся прогнать вашу грусть-тоску, эту коварную злодѣйку. Я хочу, чтобы вы всегда улыбались, всегда были веселы.

Въ это время Липская-мать остановилась и заговорила съ проходившимъ мимо нея старичкомъ-генераломъ.

Георгій Ивановичъ же съ Татьяной Ипполитовной прошелъ дальше и, убѣдившись, что никто ихъ не слышитъ, тихо, печально и сдержанно-страстно заговорилъ:

— Таня! Какъ вы божественно хороши, какъ вы дивно прекрасны! Какъ я до безумія влюбленъ въ васъ!

— Вотъ глупости!.. Перестаньте!.. — прошептала дѣвушка, хотя чувствовалось, что говоритъ она это только для соблюденія формы и готова слушать изліянія своего спутника и дальше.

— Да, да! — съ еще большимъ жаромъ продолжалъ тотъ, понижая голосъ. Я люблю васъ такъ, какъ никто и никогда уже васъ любить не будетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, я отлично знаю, что для васъ я старичекъ, хотя и молодой, но все же только старичекъ!.. Я вѣдь понимаю, что любовь моя совершенно безпочвенна, безцѣльна. Вѣдь вы, богиня молодости и красоты, можете меня только жалѣть, уважать и позволять себя любить; это все, на что я могу рассчитывать. И женать то вѣдь я, и дѣти у меня есть, и борода уже цвѣта *sel et poivre*, и все это безконечно комично, а вотъ ничего со слабымъ своимъ во всѣхъ смыслахъ сердцемъ подѣлать не могу. Глупо!.. Глупо, а какъ увижу васъ, дивная богиня моя, все на свѣтѣ забываю и хочется одного: безъ конца любоваться вами, упиваться вашей волшебной красотой, быть съ вами, при чемъ, замѣтьте это, почувствуйте это, — безъ всякой надежды на что бы то ни было...

— Неужели я вамъ такъ нравлюсь? — вдругъ вырвалось у Тани, при чемъ голосъ ея дрогнулъ, и вся она вспыхнула.

Но Георгій Ивановичъ отвѣтитъ ей не успѣлъ, такъ какъ къ нимъ подошла Александра Николаевна Липская, кончившая свой разговоръ съ генераломъ. Мошковъ направился въ ресторанъ, а дамы пошли по направленію къ „Краснымъ камнямъ“.

По полученіи багажа Варваринъ поѣхалъ на Ребровую

балку, гдѣ одинъ его знакомый московскій докторъ, ежегодно прѣѣжающій на сезонныя воды, нанялъ для него комнаты.

Помѣщеніемъ своимъ изъ двухъ небольшихъ чистыхъ комнатъ съ отдѣльной уборной князь остался доволенъ.

— Какъ мнѣ устроиться съ ванной? Нельзя ли мнѣ сейчасъ принять нарзановую ванну? — обратился Варваринъ къ добродушной съ виду пожилой горничной, которая вертѣлась въ его комнатѣ, помогая ему разбирать вещи.

— Идите, баринъ, въ Грандъ-отель. Это два шага отсюда. Тамъ вы всегда получите ванну, а казенныя ванны сейчасъ на время обѣда закрыты, — отвѣтила горничная.

Варваринъ безъ труда нашелъ указанную гостиницу, гдѣ можно было заказать нарзановую ванну во всякое время. Онъ былъ въ Кисловодскѣ впервые и до сихъ поръ ему никогда еще не приходилось принимать углекислыхъ ваннъ. Когда онъ опустился въ воду и пузырьки газа покрыли все его тѣло, чуть-чуть щекоча кожу, онъ почувствовалъ себя особенно пріятно и подумалъ:

— Славная штука! Бодритъ! Не даромъ старые генералы такъ любятъ „нарзаниться“. Препрiятно! Буду купаться каждый день.

Ванна очень освѣжила князя послѣ дороги, и вернулся онъ къ себѣ въ особенно приподнятомъ настроеніи. Онъ имѣлъ привычку мысленно обращаться къ себѣ съ цѣлыми монологами. Такъ и теперь, направляясь бодрой и эластичной походкой къ своему жилищу, Варваринъ мысленно сталъ разсуждать:

— Ловко же, Саша, ты устроился! Хорошо тебѣ здѣсь будетъ! Славная штука вообще жизнь, а моя въ особенности. Все, кажется, есть. Хорошо бы здѣсь романчикъ завести! Ну, вѣроятно, и это будетъ... Тебѣ, вѣдь, каналья, по этой части везетъ!.. Повезетъ, вѣроятно, и въ Кисловодскѣ...

Тутъ нить размышлений мечтателя была прервана, такъ какъ онъ очутился около своей квартиры. Онъ вошелъ къ себѣ и сталъ переодеваться въ совершенно новый китель, сдѣланный у лучшаго въ Москвѣ военнаго портного Каверина, чтобы отправиться на обѣдъ къ Мошкову.

II.

Около шести часовъ вечера Варваринъ былъ уже въ восточномъ ресторанѣ Читаева, гдѣ засталъ одного Мошкова. Приглашенные его еще не сошлись. Георгій Ивановичъ хлопоталъ около буфета и отдавалъ прислугѣ послѣднія распоряженія. Обѣдъ былъ накрытъ въ большомъ отдѣльномъ кабинетѣ, окна котораго выходили во дворъ.

— Что это такое? — спросилъ князь, входя въ кабинетъ и указывая на стѣну, гдѣ изъ листьевъ и цвѣтовъ были изображены: „Т. А.“ и цифра „21“. Вся комната пестрѣла гирляндами зелени и цвѣтовъ.

— Это, видите ли, — нѣсколько смущенно отвѣтилъ Мошковъ, — инициалы Татьяны Ипполитовны Липской, той симпатичной барышни, которую вы, быть можетъ, замѣтили на платформѣ, когда выходили изъ вагона. Сегодня исполняется день ея гражданскаго совершеннолѣтія. Вотъ я въ ознаменованіе этого событія и декорировалъ неприглядную комнату.

Продолжить разспросы Варваринъ не успѣлъ, такъ какъ начали появляться гости. Первыми пришли два молодыхъ генерала военно-судебнаго вѣдомства. Мошковъ, знакомя ихъ съ княземъ, представилъ ихъ:

— Ксенофонтъ Іустиновичъ Милкинъ, нашъ поэтъ и пріятнѣйшій собесѣдникъ. Иванъ Петровичъ Вѣринъ, мой пріятель и достойнѣйшій человѣкъ, хотя часто меланхолично настроенный.

Милкинъ, красивый худощавый блондинъ, при этихъ словахъ хозяина весело разсмѣялся, а нѣсколько болѣзненнаго вида еще молодой Вѣринъ чуть-чуть улыбнулся.

Скоро нахлынули и остальные приглашенные: Липскія, —

мать и дочь, молодой штабсъ-капитанъ Преображенскаго полка, графъ Луманскій, красавица-армянка Пиратова, древній генераль Катьяновъ, еще болѣе древній генераль-адъютантъ Аргамаковъ, Смѣльскіе, мужъ и жена, видный членъ думы Семеновъ, среднихъ лѣтъ моложавая дама, носящая фамилію Речиль съ ангелоподобной дочерью, лѣтъ девятнадцати, и въ самомъ концѣ явился маленькій, похожій на чернаго жучка, молодой человекъ, котораго Варваринъ радостно привѣтствовалъ словами:

— А, дорогой эскулапъ, вотъ, наконецъ, я васъ вижу. Очень вамъ признателенъ за квартиру; она мнѣ очень понравилась.

Докторъ Тамаровъ крѣпко пожалъ капитану руку и съ сильнѣйшимъ армянскимъ акцентомъ отвѣтилъ:

— Здравствуйте, князь. Съ прїѣздомъ! Я только что прїѣхалъ изъ Пятигорска, гдѣ ночевалъ, а то встрѣтилъ бы васъ. Радъ, что квартира вамъ нравится. Я ее нашель съ большимъ трудомъ: все переполнено.

— Господа, прошу! Всѣ собрались, мы можемъ приступить къ трапезѣ, — громко объявилъ Мошковъ, усаживая гостей.

Всѣ стали разсаживаться, при чемъ Георгій Ивановичъ сѣлъ на краю стола, посадивъ рядомъ съ собою Таню.

— Хозяйки здѣсь нѣтъ, а потому, прошу, не взыщите, если что окажется не такъ, — заявилъ Мошковъ.

— Не красна горенка углами, а красна нашими дамами, — галантно началъ шутить Катьяновъ, масляные глазки котораго безпокойно бѣгали по красивымъ женскимъ лицамъ, сразу оживившимъ и невзрачное помѣщеніе, и всѣхъ присутствующихъ мужчинъ.

Варваринъ сѣлъ между Смѣльской и Тамаровымъ. Сначала онъ не обращалъ вниманія на свою сосѣдку и увлекся разговоромъ съ докторомъ, который въ краткихъ словахъ въ полголоса началъ знакомить его съ сидящими за столомъ. Лакеи, одѣтые въ живописныя, хотя и довольно грязныя черкески, начали разносить закуску и водку.

— Что это значитъ: я вижу на стѣнѣ цифру „21“ и буквы „Т. А.“? Георгій Ивановичъ, соблаговолите дать надлежащія разъясненія, — громогласно спросилъ Аргамаковъ.

— Сегодня — отвѣтилъ Мошковъ, стараясь впасть въ шутливо-игривый тонъ, который ему не вполне давался, — одна изъ присутствующихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ достигла того возраста, когда она можетъ воскликнуть:

„наконецъ-то я совершеннолѣтняя“. Этотъ моментъ я и хотѣлъ подчеркнуть.

— Смотрите, Георгій Ивановичъ, — грозя Мошкову пальцемъ съ другого конца стола, сказала Александра Николаевна Липская, — вы слишкомъ балуете мою дочь, мнѣ потомъ съ нею будетъ трудно справиться.

Всѣ взоры обратились въ сторону Тани Липской. Ея прелестное смуглое личико, хотя и покрылось краской, но нельзя было сказать, что общее вниманіе ее особенно смutilo; вѣроятно, она къ нему уже давно привыкла.

— Вы не сердитесь, богиня красоты, что я всѣмъ открылъ тайну дня вашего рожденія? — тихо сказалъ ей Мошковъ.

— Ничего подобнаго! Мнѣ мой годъ рожденія еще рано скрывать, а за ваше вниманіе я вамъ благодарна, — отвѣтила „богиня красоты“, посмотрѣвъ на Георгія Ивановича сіяющимъ взглядомъ, отъ котораго онъ весь затрепеталъ.

Въ это время Тамаровъ почти шепотомъ, чтобы не слышали сосѣди, говорилъ Варварину:

— Сѣдой волосъ въ бороду, а бѣсъ въ сердце, какъ говоритъ пословица, если я не перепутаю. Хорошій человекъ Георгій Ивановичъ, а увлекается, какъ мальчикъ. Смотрите, какъ онъ глядитъ на Таню. Вѣдь, прямо влюбленъ, какъ котъ. А какой смыслъ? Да и въ ней только и есть, что красивая головка. Фигура ея мнѣ ужъ не нравится: слишкомъ для барышни грузная. По моему, эта полуангличанка, Речиль, гораздо интереснѣе. Въ ней есть что-то идеальное, а та просто напоминаетъ юную вакханку.

Съ этими словами докторъ посмотрѣлъ по направленію Вѣры Карловны Речиль, блондинки съ удивительно красивымъ и тонкимъ лицомъ, дышащимъ молодостью и породой.

— А кто эта дама, Александръ Багратовичъ, которая сидитъ рядомъ съ Аргамаковымъ? Юдифь какая-то; въ ней что-то восточное.

— Это Анна Богдановна Пиратова, первая наша кисловодская красавица въ этомъ сезонѣ. Правда, хороша? Чистокровная армянка, какъ и я. Съ мужемъ давно уже развѣхалась. Есть у нея дочь. Богата. Зимой живетъ въ Москвѣ. Отлично поетъ. Я съ нею хорошо знакомъ. Очень строгихъ правилъ мадамъ. Какъ скала. Флиртомъ не занимается. Вѣроятно, когда разведется, опять выйдетъ замужъ.

— За кого?!

— Ну, это пока неизвестно. На такую красоту и на такое богатство охотники найдутся. Второй разъ она не промахнется и выберетъ себѣ мужа подходящаго. Прекраснѣйшая женщина. Моя массажистка ей дѣлаетъ общій массажъ и говорить, что такого дивнаго тѣла она еще никогда не массировала.

— Что же вы за нею не ухаживаете, докторъ? Вѣдь вы же, право, молодчина.

— Ну, эта мадамъ не по мнѣ и не для меня, — съ улыбкой отвѣтилъ Тамаровъ, — замужъ она за меня не пойдетъ, а просто романъ не заведетъ. Она тонкая дама. Я могу быть только ея докторомъ и хорошимъ знакомымъ, не больше. Кажется, есть пословица: „по брючкамъ протягивай ножки“.

— „По одежкѣ протягивай ножки“, вы хотите сказать, — поправилъ князь.

— Именно, именно, — спохватился докторъ, который очень любилъ русскія пословицы, но часто путалъ ихъ.

Тѣмъ временемъ всѣ закусили, и мужчины выпили водки. Начали подавать обѣдъ. Мошковъ рѣшилъ угостить своихъ гостей кавказскимъ обѣдомъ и потому въ составъ его вошли: чехартма, т. е. супъ изъ курицы, приправленный разными пряностями, осетрина на вертелѣ, шашлыки въ разномъ видѣ и другія мѣстные блюда. Все заправлялось отличнымъ кахетинскимъ виномъ, преимущественно бѣлымъ, которое безпрестанно подливала прислуга. Настроение обѣдающихъ поднялось, сыпались остроты и шутки. Когда лакеи начали разливать шампанское, хозяинъ, не вставая съ мѣста, заявилъ:

— Mesdames et messieurs! Никакихъ общихъ тостовъ и рѣчей не будетъ, а каждому предоставляется пить за то, что близко его сердцу.

Съ этими словами Мошковъ, взглянувъ на Таню, осушилъ свой бокалъ и прочувствованно и тихо сказалъ:

— Всѣмъ сердцемъ желаю вамъ, богиня, радостно и лучезарно, какъ это приличествуетъ богинѣ, пройти земной путь свой. Когда вернетесь къ себѣ, иногда вспоминайте о своемъ старомъ, но вѣрномъ поклонникѣ. Не выбрасывайте меня совершенно изъ своей памяти.

— Спасибо вамъ, — съ обворожительной улыбкой, обнаруживая свои ровные, бѣлые зубки, отвѣтила „богиня“, — не можетъ быть, чтобы я васъ забыла. Я очень памятливая.

— Ксенофонтъ Лустиновичъ, — обратилась къ Милкину

молоденькая Речиль, — скажите для меня какой-нибудь экспромтъ! Пожалуйста!

— Не могу вамъ отказать, ангелоподобная Вѣра Карловна. Дайте минутку подумать... Ну, вотъ, слушайте!..

— „Такъ восхитительны тѣ глазки,

„Что на меня теперь глядятъ;

„Они красивы, будто въ сказкѣ,

„Но не меня они манятъ!..

Вѣрочка вспыхнула и смущенно спросила:

— Кого мои глаза манятъ? Что вы хотѣли сказать?

— Я хочу сказать, прелестная пери, что я, старикъ, не могу быть героемъ вашего романа. Глазки ваши съ большимъ удовольствіемъ останавливаются на другомъ...

При этихъ словахъ генераль покосился въ сторону Луманскаго, а дѣвушка окончательно сконфузилась и, чтобы скрыть свое смущеніе, принялась маленькими глотками отпивать вино изъ своего бокала.

Дѣло въ томъ, что „англичаночка“, какъ ее иногда называли знакомые, увлекалась графомъ Луманскимъ, и это увлеченіе бросалось всѣмъ въ глаза, такъ какъ Вѣрочка не умѣла владѣть собою и при встрѣчахъ съ красивымъ преобразженцемъ такъ волновалась и такъ краснѣла, что тайна ея сердца для близкихъ знакомыхъ не была тайной. Одинъ графъ, казалось, не замѣчалъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ вызвалъ въ дѣвушкѣ, и относился къ ней учтиво-равнодушно.

— Генераль, сочините и мнѣ что-нибудь на память, — обратилась мягкимъ груднымъ голосомъ Пиратова къ Милкину, — вы такой поэтъ.

Милкинъ молча написалъ нѣсколько словъ въ своей записной книжкѣ и, оторвавъ листокъ, подалъ его красавицѣ со словами:

— Читайте, Анна Богдановна.

— Громко, громко читайте, — потребовали со всѣхъ сторонъ.

„Все въ васъ совершенство“, —

„Мнѣ хочется пѣть;

„Какое блаженство

„Попастъ въ вашу сѣть“...

Пиратова прочла эти строки своимъ мелодичнымъ голосомъ безъ всякихъ признаковъ смущенія или неловкости.

— Спасибо, милый генераль, — ласково сказала она Милкину, пряча четырехстишіе въ хорошенькій, миниатюрный кошелекъ, который вынула изъ своего мѣшечка.

На другомъ концѣ стола шелъ разговоръ совсѣмъ другого рода. Тамъ центромъ бесѣды былъ Аргамаковъ. Въ онъ и пилъ во время обѣда очень мало, но за то говорилъ за троихъ.

— Правда ли, Ваше Высокопревосходительство, — обратился къ Аргамакову Луманскій, — что вы при представленіи Государю въ Зимнемъ Дворцѣ членовъ первой Думы сказали имъ напутственное слово, которое произвело сенсацию?

— Ну, — улыбаясь отвѣтилъ старикъ, — я обратился не ко всѣмъ членамъ Думы, а только къ членамъ Думы моей губерніи. Меня возмутило, что члены Думы явились во дворецъ намѣренно въ своихъ самыхъ старыхъ, грязныхъ костюмахъ. Эта была своего рода демонстрація. Вотъ я передъ выходомъ Государя и подошелъ къ депутатамъ своей губерніи и сказалъ имъ такъ: Вы пришли въ гости къ нашему монарху, который призвалъ васъ помочь въ устроении отечества. Между тѣмъ, подстрекаемые, очевидно, подпольными агитаторами, врагами нашей родины, вы умышленно одѣлись нищими. Мнѣ стыдно, земляки, за васъ; сердце мое болитъ при видѣ этой мальчишеской демонстраціи. Намъ вѣдь всѣмъ надо благоговѣнно благодарить хозяина земли Русской за его милости къ своему народу, а не показываться передъ нимъ въ неприличномъ видѣ,

— Ну, и какъ они? Что отвѣтили?... Какъ реагировали?... посыпались вопросы.

— Скушали пилюлю. Смутились, оправдывались, но, видимо, чувствовали себя неловко. Я говорилъ громко, не стѣсняясь, чтобы побольше людей слышало.

Только въ серединѣ обѣда Варваринъ сталъ удѣлять больше вниманія своей сосѣдкѣ, Смѣльской. Между тѣмъ, она, видимо была нѣсколько удивлена этимъ невниманіемъ своего кавалера и потому, когда князь, наконецъ, обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ, отвѣтила ему довольно сухо. Но капитанъ, разсмотрѣвъ хорошенькую Нину Павловну, — такъ звали Смѣльскую, — рѣшилъ, что она очень интересна и надо ее приручить.

— Вѣдь эта перепелочка премилая и превкусная, — сталъ онъ разсуждать мысленно, — ростъ небольшой, но сложеніе, повидимому, дивное; ей не можетъ быть больше двадцати пяти лѣтъ. Вздернутый носикъ — одна прелесть, а на верхней губкѣ чернѣетъ легкій пушокъ. Глаза, какъ черешни, Дамочка, вѣроятно, съ темпераментомъ! А мужъ совсѣмъ

холера да и не молодой ужъ... Надо теперь же заняться ею, а то времени не воротишь...

— Простите, — съ пріятнѣйшей улыбкой обратился онъ къ Смѣльской, — что я такъ безсовѣстно, сидя рядомъ съ вами, увлекся бесѣдой съ докторомъ.

— Нечего извиняться; я вѣдь ничуть не въ претензіи, — послѣдовалъ короткій отвѣтъ.

— Разрѣшите мнѣ, Нина Павловна, побалагурить съ вами. Право, мнѣ сейчасъ такъ хочется поговорить именно съ вами.

— Почему именно со мною? — нѣсколько смягчая тонъ, спросила Смѣльская.

— Потому, во первыхъ, что я сейчасъ имѣю честь и удовольствіе сидѣть рядомъ съ вами, а во вторыхъ, мнѣ кажется, что мы сойдемся и, когда вы меня лучше узнаете, сдѣлаемся друзьями.

— Я васъ никогда не причислю къ числу моихъ друзей: для этого вы слишкомъ молоды. Мои друзья все люди почтеннаго возраста, какъ мой мужъ, солидные, серьезные, а юныхъ друзей я не люблю.

— Во первыхъ, вы меня не знаете, Нина Павловна, а потому такъ говорите. Во вторыхъ, я очень серьезный и солидный человѣкъ, на котораго можно положиться, а въ третьихъ, вы только дайте мнѣ милостивое позволеніе чаще видѣться съ вами и сдѣлать вамъ визитъ, и вы очень скоро признаете, что по своей солидности я могу быть вѣрнымъ другомъ любой очаровательной женщины.

— Какъ это вы, — разсмѣялась Смѣльская, — методично все разбираете! „Во первыхъ“, „во вторыхъ“... Видно, что вы и въ мысляхъ любите порядокъ и послѣдовательность.

— Это и есть, — въ тонъ ей отвѣтилъ князь, — признакъ моей солидности, во первыхъ, а во вторыхъ, эта привычка осталась у меня послѣ академіи, гдѣ постоянно всякій вопросъ приходилось разбирать по пунктамъ; такъ требовали наши профессора.

Постепенно и незамѣтно между Варваринимъ и Смѣльской завязалась пусты́йшая, но для нихъ очень интересная болтовня. Она сообщила ему, что ежедневно рано утромъ прогуливается вблизи Красныхъ Камней, что мужъ ея очень боленъ и большую часть дня проводитъ дома, что она объѣздила съ нимъ всю Европу, но въ общемъ жизнь ей кажется довольно скучной, что зиму эту они проведутъ въ Петербургѣ, а въ Кисловодскѣ останутся до конца сентября.

Говорила Нина Павловна такъ пріятно, съ оттѣнкомъ иногда нѣкоторой меланхоліи, такъ красиво при этомъ сіяли каштановаго цвѣта глаза ея, свѣжій ротикъ улыбался такъ мило, что къ концу обѣда Варваринъ почувствовалъ, что совершенно очарованъ ею.

— Перепелочка, — подумалъ онъ, — положительно прелестна! Какой теплотой отдаетъ ея грудной голосъ! Глаза же такъ и буравятъ сердце. Право, экземплярикъ восхитительный! Это, во первыхъ. Ну, а во вторыхъ, Сашокъ, ты долженъ за ней пріударить. Хорошо, что я пріѣхалъ сюда: дома сидѣть — ничего не высидишь. И откуда только Мошковъ набралъ всѣхъ этихъ красавицъ!

Обѣдъ кончился. Лакеи быстро убрали со стола и подали кофе, ликеры и фрукты. Подъ вліяніемъ обильнаго угощенія и вина лица присутствующихъ разгорѣлись, языки развязались и наступило то оживленіе, которое обыкновенно царитъ въ компаніи нѣсколько подвыпившихъ людей.

Александра Николаевна Липская завладѣла Тамаровымъ, сѣла съ нимъ вдвоемъ въ уголку на диванъ и томно принялась ему рассказывать о своихъ болѣзняхъ.

— Вы понимаете, Александръ Багратовичъ, вы не только мой докторъ, но и другъ мой, а потому я съ вами такъ откровенно и говорю. Временами у меня тамъ такіа боли, что я прямо схожу съ ума. Что мнѣ дѣлать? Что дѣлать? Эти нарзановыя ванны ничуть не помогаютъ. Васильевъ, вѣроятно, не понимаетъ моей болѣзни. Онъ все говоритъ, что мнѣ не нарзановыя, а грязевыя ванны нужны...

— Васильевъ правъ, сударыня, вамъ необходимы грязевыя ванны.

— Но тогда мнѣ надо ѣхать въ Пятигорскъ, а Таня хочетъ здѣсь оставаться. Здѣсь вѣдь лучше; столько знакомыхъ, все пикники... веселѣ!..

— Вамъ, мадамъ, — сурово замѣтилъ Тамаровъ, — не о веселіи надо думать, а о лѣченіи... Какъ постелешь, такъ и выспишься. Запустите до того свою болѣзнь, что на всю жизнь превратитесь въ инвалида, ходить не будете. Надо слушать своихъ докторовъ, мадамъ. Переѣзжайте въ Пятигорскъ и займитесь грязелѣченіемъ.

Вѣрочка Речиль какъ то безсознательно подсѣла къ Луманскому, который разсѣяннымъ взглядомъ оглядывалъ комнату, отпивая понемногу изъ стоящей передъ нимъ ликерной рюмки.

— Ну, какъ, графъ, нравится вамъ Кисловодскъ, —

нѣсколько запинаясь, но стараясь побѣдить свою робость, обратилась дѣвушка къ Луманскому, — вѣдь хорошо здѣсь? Не такъ-ли?

Луманскій отвѣтилъ не сразу.

Это былъ молодой человѣкъ ниже средняго роста, очень стройный и въ общемъ красивый. Особенно хороши у него были темные, блестящіе глаза. Небольшіе усы свои онъ подстригалъ, волосы на головѣ его были коротко острижены. По первому взгляду своимъ моложавымъ видомъ онъ производилъ впечатлѣніе мальчика, хотя ему было уже около тридцати лѣтъ.

Послѣ маленькой паузы онъ учтиво отвѣтилъ:

— Да, въ Кисловодскѣ хорошо. Я радъ, что попалъ сюда, Вѣра Карловна.

— Кто вамъ больше всѣхъ здѣсь нравится? — вдругъ вся вспыхнувъ, взволнованно спросила Вѣрочка.

— Мнѣ больше всѣхъ здѣсь нравится Тамаровъ, — спокойно отвѣтилъ Луманскій, — онъ славный парень и такой красивый...

— Нѣтъ, я спрашиваю, кто изъ дамъ вамъ больше всѣхъ нравится; кто, по вашему, здѣсь самая красивая? Пиратова?

— Кто здѣсь самая красивая? — задумчиво протянулъ графъ, — да мнѣ кажется, что вы, Вѣра Карловна, здѣсь самая красивая. Не даромъ же васъ прозвали „ангело-подобной“...

При этихъ словахъ Луманскаго дѣвушка покраснѣла до-слезъ и грустно возразила:

— Зачѣмъ вы смѣтаетесь надо мной. Вы только шутите: я, вѣдь, вижу, что совсѣмъ вамъ не нравлюсь.

— Вѣрочка, Вѣрочка, — позвала дочь мать, — прощайся, намъ пора уходить.

Постепенно гости стали расходиться.

Генераловъ Аргамакъ и Катянова увезли извозчики, а всѣ остальные пошли по домамъ пѣшкомъ.

— Спасибо, дорогой Георгій Ивановичъ, — говорилъ Варваринъ Мошкову, прощаясь съ нимъ. — Благодаря вамъ, свой первый вечеръ въ Кисловодскѣ я провелъ дивно.

Обѣдъ такъ затянулся, что, вернувшись домой, Варваринъ рѣшилъ лечь спать. Уснулъ онъ въ самомъ розовомъ и благодушномъ настроеніи.

— А хороша эта перепелочка! Ахъ какъ хороша! Какіе глаза! Это первое. А во вторыхъ, кажется, я ей

того... по душѣ пришелся. Ну, и старался же я во всю: все пустил въ ходъ. Чертовски хороша жизнь, скажу я, въ третьихъ. Не такъ-ли, Сашокъ! Везетъ тебѣ, каналья! Готовься къ генеральному сраженью. Смѣло иди въ атаку, лови моментъ „моментъ“, *) — скаламбурилъ князь въ концѣ своихъ разсужденій, засыпая сномъ сильнаго, здороваго, молодого и жизнерадостнаго баловня счастья.

*) „Моментами“ называли въ шутку офицеровъ генеральнаго штаба.

III.

На слѣдующій день послѣ обѣда у Мошкова Анна Богдановна Пиратова утромъ долго не просыпалась. Ее разбудила вбѣжавшая въ комнату некрасивая черненькая дѣвочка, лѣтъ десяти. Она подбѣжала къ кровати спавшей, обняла ее и, чмокнувъ въ губы, весело сказала:

— Здравствуй, мамочка! Амалия Генриховна уже пришла. Можно ей войти?

— Пусть войдетъ, — соннымъ голосомъ отвѣтила Пиратова, сладко потягиваясь и чему-то улыбаясь, вспоминая, вѣроятно, что-нибудь смѣшное.

Въ спальню вошла довольно полная блондинка, скромно одѣтая, лѣтъ за тридцать, съ некрасивымъ, но свѣжимъ и пріятнымъ лицомъ; при улыбкѣ у нея сверкала рядъ крѣпкихъ, бѣлыхъ зубовъ.

— Здравствуйте, голубушка Анна Богдановна; сегодня, кажется, мы заспались? — раздался звонкій, бодрый голосъ Амалии Генриховны.

— Да, дорогая моя, сегодня я проснулась позже обыкновеннаго. Засидѣлась вчера и вечеромъ долго не могла заснуть... Ну, что новаго?

— Все по старому, голубушка моя, — отвѣтила Петерсень, снимая блузку и надѣвая бѣлый фартукъ, — ну, съ Божьяго благословенія приступимъ. Хотите?..

Пиратова откинула легкое розовое одѣяло съ тончайшей простыней къ своимъ ногамъ и, при помощи Амалии Генриховны, сняла съ себя ночную изящную сорочку, послѣ чего въ выжидательной позѣ, закинувъ за голову руки, стала любоваться своимъ тѣломъ. Петерсень между тѣмъ,

тщательно вымывъ полныя руки, начала покрывать ладони вазелиномъ.

— Какая же вы красавица, Анна Богдановна, — любясь обнаженнымъ тѣломъ Пиратовой, заговорила Петерсенъ, готовясь приступить къ своей работѣ, — какая гармонія всѣхъ линій! Одинъ бюстъ — цѣлая поэма! Кто повѣрилъ бы, что у васъ былъ ребенокъ? Какъ у невинной барышни. Да и рѣдко, у какой дѣвицы можно встрѣтить такія формы, какъ у васъ. И какъ мнѣ нравится этотъ матовый, нѣсколько смуглый цвѣтъ вашей кожи. Даю вамъ слово, что за всю мою двѣнадцатилѣтнюю практику у меня такой восхитительно сложной пациентки еще не было. Одинъ восторгъ прямо, а не женское тѣло!

Массажъ начался. Амалія Генриховна ловко и умѣло манипулировала своими большими, полными, не все же очень красивыми руками, при чемъ замѣтно было, что работѣ своей она отдается всей душой.

— Какая у васъ, Амалія Генриховна, — томно протянула Пиратова, — нѣжная бѣлая кожа, а на локтяхъ какія прелестныя розовыя ямочки. Я хотѣла бы имѣть такую бѣлую кожу, какъ вы, а то я такая чернушка.

— Ну, нѣтъ, — весело возразила массажистка, — большинство мужчинъ обожаетъ брюнетокъ, находя, что у нихъ больше темперамента, а вы самый восхитительный типъ брюнетки, идеаль брюнетки, скажу я. И смуглый цвѣтъ кожи вполнѣ соответствуетъ типу вашей красоты. Ну-съ, теперь животикъ будемъ массировать... согните колѣни... Да мы вчера, видимо, плотно покушали, кишечникъ переполненъ, кутнули, вѣроятно? Не такъ-ли?

— Угадали. Вчера Мошковъ угощалъ насъ у Читаева обѣдомъ. Я увлеклась: переѣла и выпила лишнее. Было очень весело. И вашъ докторъ былъ. Славный онъ и забавный! Пріѣхалъ сюда пріятель Мошкова, офицеръ генеральнаго штаба, князь Варваринъ. Удивительно интересный!

— Ну, и, конечно, все время ухаживалъ за вами, голубушка?

— Ничуть! Сначала онъ все болталъ съ вашимъ докторомъ, а потомъ въ концѣ обѣда пріударилъ за Смѣльской и на все остальное время прилипъ къ ней. А та-то обрадовалась: и такъ ему глазками дѣлала и этакъ, краснѣла и блѣднѣла, точно невинная институтка!..

...Смѣшно прямо было смотреть!

— Что-жъ, — степенно проговорила Петерсенъ, тща-

тельно и осторожно разминая животъ своей пациентки, — Нина Павловна хорошенькая; сложена она, конечно, хуже васъ, съ вами никто никогда не сравнится, но все же формы тѣла у ней тоже хорошія. Я, признаюсь, страшно люблю красоту во всемъ, а женское тѣло, если оно красиво — одна поэзія. Насколько мнѣ противно массировать такихъ расплывшихся старухъ, какъ Речиль и Липскую, настолько же я съ удовольствіемъ работаю надъ такими тѣлами, какъ вашимъ и Смѣльской. Мнѣ пріятно, къ тому же, сознаніе, что, благодаря моему искусству, эти тѣла долго, долго еще будутъ сохранять всю свою молодость и свѣжесть. Вотъ съ вами я занимаюсь уже пять лѣтъ и какой результатъ: ваше тѣло еще лучше, еще красивѣе, нежели пять лѣтъ тому назадъ. Массажъ — великое дѣло! Не даромъ онъ былъ въ такомъ ходу у древнихъ грековъ, а теперь въ такой модѣ въ Японіи. Въ правильномъ примѣненіи массажа заключается секретъ молодости. Я это всегда говорю моимъ пациенткамъ. Надо начинать массажъ не тогда, когда тѣло уже разрушается, покрыто слоемъ лишняго отвратительнаго жира, а тогда, когда оно еще въ полной силѣ и красотѣ...

— Ну, пошла разглагольствовать на свою любимую тему, — перебила массажистку Пиратова, — все это вы мнѣ говорили уже много разъ... А вотъ лучше скажите мнѣ, правда ли, что Мошковъ хочетъ развестись и жениться на Танѣ Липской?

— Ну, это чепуха! Никогда съ женой онъ не разведется. Онъ просто распустился здѣсь, какъ это часто бываетъ на водахъ, а потомъ, когда уѣдетъ въ Петербургъ, Липскую забудетъ. Онъ очень влюбчивъ, но скоро остываетъ. Я Георгія Ивановича и всю семью его хорошо знаю. Никогда такой штуки, чтобы бросить жену и дѣтей, онъ не сдѣлаетъ...

Амалія Генриховна считалась лучшей московской массажисткой и имѣла практику только въ очень богатыхъ домахъ. Лѣто она проводила на группахъ, гдѣ ей особенно протежировалъ докторъ Тамаровъ, давнишній ея знакомый, а по словамъ нѣкоторыхъ, даже ея первая любовь. Петерсенъ, хотя и была уроженка Финляндіи, а массажу обучалась въ Швеціи, но большую часть своей жизни прожила въ Москвѣ и обрусѣла окончательно. Заработокъ Петерсенъ доходилъ до шести тысячъ въ годъ. Работала она, не покладая рукъ, цѣлые дни.

— А какъ дѣло съ разводомъ? — спросила Петерсенъ, — соглашается, наконецъ?

— То-то и есть, что пока не соглашается и все грозитъ похитить у меня дочь. Этакій негодяй! И какъ это родители могли выдать меня за такого человѣка! Счастье еще, что мнѣ удалось сохранить свое состояніе. За мою свободу онъ требуетъ съ меня полъ-милліона, а я даю ему только полтораста тысячъ. И жила то я съ нимъ всего около года, а теперь вотъ мучусь уже почти двѣнадцать лѣтъ.

— Вамъ надо, какъ только вы разведетесь, поскорѣй опять выйти замужъ, — серьезно проговорила Амалія Генриховна. — Для вашего здоровья это необходимо, особенно со стороны психики. Иначе преждевременно увянете. Съ вашимъ темпераментомъ жить на вдовьемъ положеніи положительно опасно.

— Откуда вы знаете, какой у меня темпераментъ? У меня темперамента совсѣмъ нѣтъ. Я, какъ ледъ, холодная.

— Рассказывайте эти сказки кому другому, а не мнѣ. Возможно, конечно, что по настоящему вы ни разу еще не влюблялись, а кровь у васъ горячая, южная. Право, на вашемъ мѣстѣ я влюбилась бы въ хорошаго человѣка и устроилась бы съ нимъ по-семейному, а то просто жаль смотрѣть на васъ: все есть — красота, молодость, богатство — а главнаго то и нѣтъ.

— А репутація?

— Пустяки! Свѣжему яблочку пятнышко не укорь. Да и пятнышко ли это еще? Большой вопросъ!

— Гдѣ найти такого хорошаго человѣка, — съ раздраженіемъ, дернувъ красивыми плечами, уронила Пиратова, — меня всѣ считаютъ недоступной и какъ-то обходятъ меня. Право! Какая нибудь Смѣльская со своимъ безобразно развитымъ бюстомъ, или такая ничтожная дѣвченка, какъ Липская, имѣютъ у мужчинъ гораздо больше успѣха, нежели я. Всѣ смотрятъ на меня, какъ на идола, а не какъ на женщину, которая способна и увлечься, и полюбить, и отдаться. Правду вамъ говорю, дорогая Амалія Генриховна: мужчины точно боятся меня, предпочитаютъ любоваться мною издали.

— Да, вы для мужчинъ слишкомъ прекрасны, — согласилась Петерсенъ. — вы и кокетничать совсѣмъ не умѣете и держите себя съ мужчинами холодно-надменно; это имъ не нравится. Да и богатство ваше порядочныхъ людей не только къ вамъ не привлекаетъ, но пугаетъ ихъ. Это понятно! Знаютъ тоже всѣ, что мужъ вашъ витать въ

пространствѣ и пользуется незавидной репутаціей шантажиста и авантюриста на всѣ руки. Все это для господъ мужчинъ не медъ, а деготь. Такъ то! Остается одно: не скупиться, откупиться, получить разводъ и тогда уже подобрать себѣ хорошаго мужа. Мигомъ такой найдется!

— Спасибо за совѣтъ, но бросимъ это, надоѣло! Говорите о чемъ-либо другомъ. Какой на этихъ дняхъ въ Кисловодскѣ былъ очередной скандалъ? Рассказывайте!

— Какой скандалъ? Ахъ, да! Совсѣмъ забыла. Вообразите себѣ, что компанія генераловъ вчера за городомъ устроила пирушку. Стали танцовать подъ зурну лезгинку. И вотъ генераль Муховъ, знаете, этотъ молодежавый свитскій генераль, въ пьяномъ видѣ началъ плясать лезгинку, подражая туземцамъ, съ обнаженными кинжалами и доплясался до того, что нечаянно во время пляски порѣзалъ себѣ лицо кинжаломъ. Доктору Кошелеву пришлось на рану наложить шовъ. Слѣдъ останется навсегда... Хорошъ генераль! Нравится вамъ этотъ пассажъ?

— Ха, ха, ха! — разсмѣялась раскатистымъ груднымъ смѣхомъ Анна Богдановна, — воображаю себѣ Мухова, пляшущаго лезгинку съ кинжалами! Ха, ха, ха! Вотъ смѣшно! Хотѣла бы я видѣть эту картину! Этотъ Муховъ, кстати сказать, препротивный! Онъ мнѣ страшно не нравится. Онъ производитъ впечатлѣніе какого-то *parvenu*, добравшагося до высокихъ степеней.

— Готово, — торжественно, наконецъ, заявила Петерсенъ, кончивъ массажъ. Теперь оботру ваше божественное тѣло одеколономъ.

Массажистка обмыла руки и послѣ этого стала изъ хрустальнаго флакона брызгать на Пиратову одеколономъ, растирая ее одновременно бѣлоснѣжнымъ мохнатымъ полотенцемъ. Анна Богдановна слегка вскрикивала, когда капли холодной, душистой влаги падали на ея тѣло и извивалась на постели, какъ ужъ. Она очень любила этотъ моментъ массажа, особенно растиранія мохнатымъ полотенцемъ.

— Нѣкоторыя массажистки, — одѣваясь сказала Петерсенъ, — предпочитаютъ при массажѣ талькъ, а я, грѣшнымъ дѣломъ, люблю по старому вазелинъ; въ этомъ отношеніи я консервативна. Ну-съ, голубушка, красавица моя, прощайте! Теперь отдохните немного, а потомъ въ ванну. Хорошо будетъ! До послѣ-завтра въ то-же время! Будьте здоровы и не хандрите!

Въ это время въ комнату опять вбѣжала дочь Пиратовой и весело прощепетала:

— А я, мамочка, съ тетей пойду на Царскую площадку сейчасъ. Приходи и ты туда! Мы тамъ будемъ до завтрака. Прощайте, Амалія Генриховна.

— Поцѣлуй меня, Тamarочка, и иди съ тетей, и я, вѣроятно, приду, — томно протянула Пиратова, закрывая свои чудные огромные глаза и собираясь еще вздремнуть. Массажъ ее утомилъ, и она съ удовольствіемъ опять заснула.

IV.

Около одиннадцати часовъ дня Пиратова появилась въ паркѣ. Она была одѣта въ простое по виду платье, очень красиво обрисовывавшее ея античную фигуру. Отъ нея вѣяло чѣмъ-то удивительно свѣжимъ и строго-прекраснымъ. Когда Пиратова проходила по крытой галлерей, выходящей въ паркъ, армяне-торговцы, стоявшіе за своими прилавками, заваленными разною дребеденью, провожали красавицу плотоядными взглядами. У источника, въ концѣ галлерей, Пиратова столкнулась съ генераломъ Катьяновымъ, который сейчасъ же припалъ къ ея рукѣ, громко чмокнувъ губами.

— Куда вы, лучъ востока золотой? — спросилъ онъ, щуря свои маленькіе глазки.

— На Царскую площадку, тамъ моя дѣвочка, но мнѣ еще рано туда, я здѣсь побуду, сяду за столикъ и выпью чашечку чаю. А вотъ и компанія подходящая!

Съ этими словами Пиратова легкой походкой быстрыми шагами, такъ что старикашка-генераль съ трудомъ поспѣвалъ за нею, направилась къ столику около ресторанаго павильона, гдѣ на открытомъ воздухѣ сидѣли Речили и Липскія. Дамы поздоровались и дали мѣсто новопривышей, а Катьяновъ поплелся дальше.

— Какая вы авантажная, — внимательнымъ и завистливымъ взоромъ осматривая Пиратову, но очень любезно вмѣстѣ съ тѣмъ, сказала Речиль. — Какое дивное платье! Я его еще не видала. Отъ Ламановой, конечно?

— Да, отъ Ламановой, мнѣ его только на дняхъ прислали. Вамъ нравится? Правда, оно недурно, не смотря на его простоту.

— Такой красавицѣ все идетъ, — вмѣшалась въ разговоръ Таня Липская. Ничего подобнаго нигдѣ не увидишь! Вы очаровательны во всякомъ платьѣ.

— Кто очарователенъ только въ платьѣ? — раздался вдругъ громкій голосъ подошедшаго Милкина. — Разрѣшите присѣсть къ вамъ?

— Ничего подобнаго я не говорила, — начала отшучиваться Таня, — вы передернули мои слова. Мы говоримъ о чудномъ новомъ платьѣ Анны Богдановны. Ну-ка, господинъ поэтъ, воспойте это платье въ стихахъ.

— Жарко уже, въ такую жару рифмы въ голову не лѣзутъ, а все же попытаюсь: попытка не пытка! Вотъ книжечку возьму и запишу. Я безъ книжечки стиховъ слагать не умѣю. Непремѣнно долженъ писать, когда сочиняю. Вы, mesdames, разговаривайте, а я постараюсь, чтобы меня „потребоваль къ священной жертвѣ Аполлонъ“... Не обращайтесь на меня вниманія.

Съ этими словами Милкинъ, заказавъ стаканъ молока, сталъ писать, а дамы продолжали свою болтовню.

Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ воскликнулъ: „готово“ и продекламировалъ:

Въ чудеснѣйшемъ платьѣ
Она къ намъ пришла
И будто-бы счастье
Съ собой принесла.
Всѣхъ насъ покорила,
И дамъ, и мужчинъ,
Когда озарила
Улыбкой богинь.

— Для парковой „моментальной поэзіи“ вѣдь не такъ плохо. Конецъ надо бы иначе, да лѣнь думать. Жарко сейчасъ, а потому „жертва священная Аполлону“ что-то не ладится.

— Какъ это вы такъ дѣлаете, — обратилась съ милой, застѣнчивой улыбкой къ генералу Вѣра Карловна, — что такъ быстро у васъ выходятъ стихи? Это, вѣроятно, трудно?

— Какъ я такъ дѣлаю? — съ напускной серьезностью сказалъ Милкинъ, — вы это хотите знать?

— О, да! да! Я страшно хочу это знать. Можно ли этому научиться? Мнѣ кажется такъ пріятно быть поэтомъ.

— Ну, вамъ поэтомъ быть не надо, — улыбаясь отвѣтилъ Милкинъ, — такъ какъ вы сама воплощенная поэзія.

— То есть какъ?... Я не понимаю...

— Вѣра, перестань! Генераль смѣется надъ тобой. Ничего подобнаго по наивности не видѣла еще, — вставила свое замѣчаніе Таня Липская.

— Неужели Таня права и вы только смѣетесь надо мною? — съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, глядя въ упоръ на Милкина своими наивными васильковыми глазами, укоризненно-смущенно спросила барышня.

— Нѣтъ, нѣтъ, прелестная Вѣра Карловна, — поспѣшилъ успокоить ее Милкинъ, — я совсѣмъ не смѣюсь надъ вами, я только шучу. Татьяна Ипполитовна на меня наклеветала. Я просто веселый человѣкъ и постоянно шучу. Шучу я и съ вами, но не смѣюсь надъ вами. Я ужъ такъ созданъ, что постоянно зубоскалю. Не вѣрьте чужимъ рѣчамъ, вѣрьте своимъ очамъ. А развѣ очи ваши не замѣчаютъ, что я глубоко симпатизирую вамъ. А на вопросъ вашъ отвѣтить затрудняюсь. Поэтами не дѣлаются, а рождаются. Такъ сказалъ какой-то философъ. Впрочемъ, я, вѣдь, поэтъ второго сорта.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — горячо возразила Вѣрочка, — у меня есть сборникъ вашихъ стихотвореній. Тамъ есть чудные стихи! Напримѣръ, „Ванда и Ягелло“. Прелестная поэма! Вы настоящій поэтъ, а не поэтъ второго сорта. Вы со временемъ будете знамениты, какъ Лермонтовъ и Пушкинъ.

— Ну, хватила, — съ горькой усмѣшкой прошептала Милкинъ, — нѣтъ, я уже весь выдохся и ничего изъ меня не вышло... На безлюдьи и Оома дворянинъ. А, впрочемъ, что объ этомъ говорить. Будемъ шутить, балагурить, сочинять экспромты милымъ дамамъ, а о славѣ, объ общемъ признаніи забудемъ: для этого пороку не хватаетъ... Но позвольте откланяться, иду дальше!..

Милкинъ ушелъ; дамы остались однѣ... Паркъ наполнился гуляющими. Толпа проходящихъ отличалась большой пестротой. Рядомъ съ элегантною дамою въ тысячномъ платьѣ шла какая-нибудь расплывшаяся московская купчиха, одѣтая такъ, какъ на Александринской сценѣ одѣвалась въ пьесахъ Островскаго Стрѣльская. А за ними плелся облысѣвшій столичный франтъ въ самомъ новомоднѣйшемъ свѣтломъ костюмчикѣ. Офицерскіе кителя защитнаго цвѣта подавлялись живописными черкесками „восточныхъ человѣковъ“, побѣдоносно и вызывающе поглядывающихъ на встрѣчныхъ женщинъ. Попадались старухи, одѣтыя въ національныя грузинскія одежды съ черными

уборами на головахъ, нѣсколько напоминающими русскіе кокошники. Вообще эта толпа рѣзко отличалась отъ той публики, которую можно увидѣть на любомъ заграничномъ курортѣ. Тамъ нѣтъ пятенъ, тамъ всѣ одѣты болѣе или менѣе однообразно и ничего не рѣжетъ глазъ. Не то въ Кисловодскѣ! Смѣсь и лицъ, и одеждъ необычайная! Это обстоятельство придаетъ Кисловодску въ мѣстахъ общественныхъ гуляній совершенно особенный отпечатокъ. Можно часами сидѣть въ Кисловодскомъ паркѣ въ бойкое время дня и любоваться самыми своеобразными типами, которыхъ любознательный глазъ тотчасъ подмѣтитъ среди мелькающей мимо разношерстной, разноязычной и пестрой толпы. Впрочемъ, такъ было въ 1912 году; потомъ многое, конечно, на „группахъ“ перемѣнилось.

За этой живописной толпой съ интересомъ новаго на водахъ человѣка наблюдалъ Варваринъ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ главной аллеи спиной къ Сафоновской гостиницѣ и, слѣдя за проходящими мимо него „курсовыми“, велъ разговоръ съ генераломъ Вѣринымъ.

— Какая интересная толпа, — замѣтилъ князь, — глаза разбѣгаются. Какая пестрота! Много очень любопытныхъ лицъ!

— Да, калейдоскопъ порядочный, — согласился Вѣринъ, — я очень люблю иногда смотрѣть эту волну мимо несущихся людей. Вотъ, смотрите, идетъ съ сыномъ артистъ Качаловъ. Премилый человѣкъ. Если хотите, я познакомлю васъ съ нимъ; онъ, какъ и я, живетъ у Ганешина. А тамъ со своей свитой тащится графиня Голенищева-Бутузова, поклонница тенора Смирнова; онъ у нея иногда поетъ; если познакомитесь съ графиней, услышите „душку-тенора“. А какъ вамъ нравятся эти двѣ барышни, которыя идутъ со своей толстой маменькой и съ этимъ элегантнѣмъ господиномъ? Обратите вниманіе. Обѣ сестрицы восхитительны и колоссально богаты. Мать ихъ во второй разъ всего годъ тому назадъ вышла замужъ за князя Минакова, прельстившагося ея капиталами. Но новая княгиня держитъ своего супруга въ черномъ тѣлѣ, и онъ у нея на положеніи домашняго секретаря, а не мужа. Маленькія Сивушкины, — такова фамилія этихъ херувимчиковъ, — могутъ быть спокойны: мать ихъ своихъ капиталовъ на своего супруга не растратитъ. Настоящая кремь-баба!

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ прехорошенькой двѣнадцатилѣтней дѣвочки, просто, но со вкусомъ одѣтой въ голубенькое платьице. Она подбѣжала къ гене-

ралу, обхватила его своими обнаженными худыми рученками за шею и, звонко поцѣловавъ просіявшаго отца въ щеку, оживленно заговорила:

— А мы тебя, дорогой папочка, давно ищемъ, и на площадкѣ были, и къ Краснымъ Камнямъ ходили, все никакъ не могли найти. А ты себѣ преспокойно здѣсь сидишь! Я хочу спросить тебя, можно ли мнѣ пойти послѣ обѣда къ Тамарочкѣ Пиратовой? Она зоветъ меня къ себѣ поиграть. Будутъ еще дѣти, Оболенскій, Соня Первова и другія. Тамарочка говорила, что намъ дадутъ мороженаго трехъ сортовъ... Такъ можно, папочка?

Вѣринъ ласково взялъ дочь за руку и сказалъ:

— Милочка, поздоровайся съ княземъ. Людмила Ивановна Вѣрина. Представляю, князь, вамъ мою маленькую барышню, мою будущую опору въ старости.

Дѣвочка сдѣлала глубокій реверансъ по всѣмъ правиламъ, какъ ее учили, и очень серьезно первая протянула руку Варварину. Тотъ привсталъ и тоже съ серьезнымъ видомъ поцѣловалъ протянутую ручку, послѣ чего опять сѣлъ на мѣсто.

— Марія Оскаровна, что вы къ намъ не подходите?— обратился Вѣринъ къ стройной свѣтлой блондинкѣ, стоящей въ отдаленіи и, видимо, стѣсняющейся подойти ближе. — Князь, позвольте васъ познакомить: князь Варваринъ, фрейлейнъ Бауманъ, воспитательница моей Милочки. Присаживайтесь къ намъ, Марья Оскаровна. Не бойтесь князя, онъ очень добрый, не кусается.

— Ха, ха, ха! — разразилась веселымъ смѣхомъ Милочка, — Марихень боится, что князь ее укуситъ. Не можетъ быть! Вотъ умора! Ты боишься, Марихень?

— Милочка, перестань, — покраснѣвъ до корня волосъ, прошептала нѣмка, — почему ты первая протянула руку князю? Надо было подождать...

— Ну, нѣтъ, Марихень, дамы должны кавалерамъ первыя протягивать руку. Ты и сейчасъ вѣдь первая подала руку.

— Но ты же вѣдь еще дѣвочка, — продолжала шопотомъ гувернантка.

— А папа называетъ меня барышней. Я вотъ и поступаю, какъ барышня. Вѣдь, такъ, милый, дорогой папочка? Вѣрно? — прижавшись къ отцу и схвативъ его за руку, лукаво сверкая карими лучистыми глазами, не давалась Милочка.

— Идемъ, пора обѣдать, — перемѣнила разговоръ Марихехъ, вставая со скамейки.

Милочка вскочила, крѣпко обняла отца, потомъ пришла передъ Варваринимъ, не подавая ему руки, сдѣлала пируэтъ и побѣжала по главной аллеѣ. Марья Оскаровна, попрощавшись съ мужчинами, эластичной походкой широкими шагами послѣдовала за Милочкой, которая скоро вернулась къ ней и, схвативъ ее за руку, пошла рядомъ, стараясь итти въ ногу и напѣвая мотивъ „Марша великановъ“, услышаннаго ею наканунѣ въ паркѣ въ исполненіи казачьяго оркестра.

— Какая прелестная дѣвочка, — вырвалось у Варварина.

— И дѣвочка, и дѣвушка обѣ прелестны, — тихо говорилъ Вѣринъ, слѣдя глазами за удаляющимися фигурами. — Моя Милочка сирота. Я вдовѣю уже три года. Марья Оскаровна у меня пять лѣтъ. Славная дѣвушка и чудный человекъ! Сколько мы ихъ перемѣнили, — оживленно продолжалъ онъ такимъ тономъ, по которому видно было, что этотъ вопросъ является большимъ мѣстомъ, — и имена ихъ забывъ. Первая няня чуть не утопила Милочку, когда купала ее. Другая била и щипала дѣвочку цѣлыми днями. Одна бонна, очень миловидная нѣмочка изъ Берлина, до того увлекалась кавалерами, когда гуляла съ Милой по Пречистенскому бульвару, что разъ дочь мою тамъ потеряла и ее нашли и привели домой случайно увидѣвшіе дѣвочку у Храма Спасителя знакомые... И всѣ въ такомъ родѣ. А вотъ эта, Марихенъ, какое-то удивительное исключеніе среди нашихъ, такъ называемыхъ „anges gardiens“. Прекрасно воспитана, кончила въ Ригѣ гимназію, недурно владѣетъ языками, хорошо играетъ на роялѣ... прямо совершенство. Характеръ же ангельскій! Милочку я страшно избаловалъ, и она нѣсколько своенравный и упрямый ребенокъ, но свою Марихенъ дѣвочка такъ обожаетъ, что та изъ нея веревки можетъ вить: подчиняется ей безусловно, хотя и позволяетъ себѣ постоянно въ отношеніи своей воспитательницы разныя, невинныя, впрочемъ, шутки. Фрейлейнъ—рижанка и, по слухамъ, въ Ригѣ безнадежно въ кого-то влюбилась, когда ей было двадцать три года. Изъ-за этой любви она покинула свой фатерландъ, пріѣхала въ Москву и попала къ намъ. Это было ея первое мѣсто. Раньше она жила при родителяхъ, давая частные уроки. Намъ ее рекомендовали одни рижскіе

знакомые... Впрочемъ, простите меня, все это для васъ неинтересно, я увлекся...

— Что вы, что вы, напротивъ, — запротестовалъ Варваринъ, — пожалуйста, продолжайте.

— Нечего продолжать; все сказалъ. Вотъ только со страхомъ думаю о томъ, какъ бы наша Марихенъ не вздумала вдругъ выйти замужъ. Трудно намъ тогда будетъ съ Милочкой: очень ужъ оба мы привыкли къ ней.

— Не Смѣльскіе ли тамъ около источника? — спросилъ Варваринъ.

— Они и есть, — отвѣтилъ Вѣринъ, — ну, идите къ очаровательной Нинѣ Павловнѣ и наслаждайтесь ея лицезрѣніемъ, а я поплечусь домой. До скорого!

— Скажите, Иванъ Петровичъ, — остановилъ Вѣрина князь, — что это за люди Смѣльскіе? Вы ихъ вѣдь знаете.

— Она очаровательная, но пустенькая дамочка, а онъ хорошій, добрый и очень умный человѣкъ, но страшно больной: страдаетъ почечными камнями. Сюда они прѣхали изъ Эссентуковъ, гдѣ онъ пилъ воду. Живутъ въ Петербургѣ и много путешествуютъ. Она скучаетъ и не знаетъ, чего ей надо, а онъ, бѣдный, болѣетъ и съ ангельскимъ терпѣніемъ переноситъ капризы жены. Вотъ все, что я могу вамъ сказать. Ну, а пока прощайте. Пора обѣдать. Милочка, если я опоздаю, огорчится; она любитъ аккуратность.

— А ты, Саша, знаешь, что надо Нинѣ Павловнѣ? — мысленно самому себѣ задалъ вопросъ Варваринъ, направляясь къ Смѣльскимъ. — Знаешь, каналья, знаешь и мотаешь себѣ это на усы. Не такъ-ли?

„Три деревни, три села!

Восемь дѣвокъ, одинъ я...

сталъ онъ напѣвать солдатскую пѣсенку, самодовольно поглаживая усы и поправляя фуражку.

Смѣльскіе встрѣтили капитана привѣтливо, и онъ пошелъ съ ними по направленію къ Краснымъ Камнямъ.

V.

Пиратовы жили въ просторной собственной дачѣ, выходящей своимъ фасадомъ прямо въ паркъ. По внѣшности дача ничего особеннаго не представляла, но она была хорошо и комфортабельно обставлена; во всемъ чувствовались и вкусъ и уютъ. На обширной верандѣ, устланной линолеумомъ, стояла въ большемъ количествѣ изящная легкая мебель, очень удобная и разнообразной формы. Кругомъ дома тянулся небольшой садикъ, гдѣ каждый кустикъ, каждое дерево были, видимо, подъ неослабнымъ наблюдениемъ опытнаго глаза. Цвѣтовъ замѣчалось мало; имъ не хватало, вѣроятно, солнца. Въ одномъ изъ угловъ сада красовалась хорошенькая бесѣдка, посреди которой стоялъ желѣзный столъ; вокругъ стола полукругомъ шли по стѣнамъ удобныя деревянныя скамьи со спинкой.

Было уже три часа дня. Пиратова и жившая у нея дальняя родственница, которую всѣ звали „тетей“, хлопотали на верандѣ, гдѣ накрывался столъ. На немъ уже красовались подъ проволочными сѣтками для защиты отъ мухъ разныя торты, печенья, фрукты, конфеты, пряники, всевозможныхъ сортовъ варенья, жареныя съ солью фисташки, и другія сласти. Тамарочка, одѣтая въ дорогое, розовое, легкое платье, вертѣлась все время около матери, хотя сухая, съ краснымъ и довольно непривлекательнымъ грубоватымъ лицомъ англичанка, миссъ Фанни Гольдсонъ, неодобрительно косилась на дѣвочку и уже нѣсколько разъ замѣтила ей:

— You must be more quite, Tamare; You understand me? Do you?

— Что же они не приходятъ? Когда же они, нако-

нецъ, придуть? Ужъ не случилось ли чего съ ними, — жалобно обратилась Тамарочка къ матери, хватая на лету красивую, унизанную дорогими кольцами руку Анны Богдановны и горячо цѣлуя ее. — Мамочка, я такъ хочу, чтобы всѣ скорѣе пришли!

— На всякое хотѣнье есть терпѣніе, дѣтка, — ласково отвѣтила Пиратова, отнимая свою руку и цѣлуя некрасивое, но симпатичное личико своей дѣвочки, — не надо такъ волноваться, Тамарочка. Вѣдь, мы звали всѣхъ къ тремъ часамъ, а сейчасъ еще безъ пяти три. Да вотъ, видишь, идуть уже!

Тамарочка съ радостнымъ визгомъ бросилась навстрѣчу Милочкѣ Вѣриной и, крѣпко обнявъ ее, прошептала:

— А я такъ ждала тебя, съ такимъ нетерпѣніемъ ждала... Боялась очень, что что-нибудь помѣшаетъ тебѣ притти... Здравствуйте, Марья Оскаровна, — обратилась дѣвочка къ Бауманъ, присѣдая передъ нею.

Вслѣдъ за Милочкой пришли и остальные гости: Коля Оболенскій, толстый румяный мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, Вася Качаловъ, худенькій, блѣдненькій, ему было девять лѣтъ, восьмилѣтній Андрюша Речиль, очень похожій на свою сестру Вѣрочку, и, наконецъ, Соня Первова, тринадцатилѣтняя дѣвочка, съ очень серьезнымъ и привлекательнымъ лицомъ свѣтлой блондинки. Андрюша пришелъ въ сопровожденіи француженки, особы лѣтъ сорока, черной, какъ галка, съ чертами лица, хотя уже увядшими, но сохранившими еще нѣкоторую пріятность, а Соню привела нѣмка-бонна, которой на видъ можно было дать не болѣе двадцати лѣтъ. Останавливали на себѣ вниманіе ея всегда широко раскрытые наивные, цвѣта васильковъ, глаза и восхитительный румянецъ, покрывавшій ея миловидно-ординарное личико. Француженку звали Сюзанной Лалу, а нѣмку Эльзой Миллеръ.

— Ну-съ, милыя мои барышни и господа кавалеры, садитесь за столъ и угощайте другъ друга, — весело объявила Пиратова, садясь на концѣ стола и съ удовольствіемъ поглядывая на оживленное, радостное лицо своей дочери.

— Милочка, ты сюда, я хочу рядомъ съ тобой сидѣть, а ты, Андрюша, сюда, рядомъ съ Милочкой, — суежилась Тамарочка, хватая Милу за руку и усаживая ее рядомъ съ собой, какъ бы боясь, чтобы кто ее не похитилъ у нея.

Гости стали усаживаться. Гувернантки помѣстились на противоположномъ концѣ стола, гдѣ сѣла хозяйка. Миссъ

Гольдсонъ величественно и торжественно стала предлагать гостямъ то то, то другое, наблюдая за тѣмъ, чтобы тарелки ни у кого не пустовали. Первое время дѣти молчали, всецѣло занятыя ѣдой. Двѣ локіа московскія горничныя разнесли чашечки съ шоколадомъ и безшумно двигались вокругъ стола, быстро и умѣло исполняя свое дѣло.

— А мороженое, мамочка, когда будетъ?

— Мороженое будетъ послѣ, дѣтка, — отвѣтила Пиратова, — вы послѣ шоколада поиграете, а часа черезъ два намъ дадутъ мороженое.

— Андрюша, ne mangez pas tant, vous tomberez de nouveau malade, laissez ce morceau, assez, — замѣтила французенка маленькому Речилу, который уписывалъ за обѣ щеки громадный кусокъ сладкаго пирога. Мальчикъ весь вспыхнулъ, но покорно отставилъ тарелку съ недоѣденнымъ кусочкомъ пирога, меланхолично вздохнувъ.

— Ты знаешь, Мила, — обратилась Соня къ Милочкѣ, — мнѣ папа подарилъ замѣчательную сіамскую марку. Замѣчательная! Вся зеленая и слонъ на ней.

— А вы собираете марки? — спросилъ Коля Оболенскій.

— Уже 3 года, — съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣтила Соня, — въ моей коллекціи уже тысяча двѣсти двадцать двѣ марки. Папа купилъ мнѣ для нихъ спеціальный альбомъ.

— Скажите пожалуйста, — съ уваженіемъ сказалъ Коля, одобрительно кивая головой, — я вотъ собираю марки два года, но и трехсотъ экземпляровъ у меня не наберется.

— Теперь, дѣти, вы можете поиграть въ саду, а я на одинъ часъ васъ покину. Вы, тетя, если кто придетъ, скажите, что я вышла на минуту и сейчасъ вернусь.

Съ этими словами Пиратова пошла въ переднюю, а тетка поплелась въ гостиную, гдѣ принялась что-то вязать. Надъ дѣтьми начальствованіе приняла англичанка, предоставивъ имъ полную свободу бѣгать и прыгать по саду и слѣдя только за тѣмъ, чтобы игры были вполнѣ приличны и не выходили изъ извѣстныхъ рамокъ. Миссъ Гольдсонъ говорила только по-англійски и чуть-чуть по-нѣмецки и по-французски, а потому общество остальныхъ гувернантокъ ее не интересовало: съ ними она разговориться не могла.

Марья Оскаровна, Эльза Миллеръ и Сюзанна Лалу ушли въ бесѣдкѣ въ концѣ сада. Тутъ онѣ занялись вязаньемъ и, механически перебирая крючками, заговорили

по-русски, такъ какъ француженка не знала нѣмецкаго языка, а Эльза совершенно не говорила по-французски, русскимъ же языкомъ всѣ владѣли сносно.

— Ну, что вашъ армяшка дѣлаетъ? — спросила Эльзу Сюзанна, — часто встрѣчаетесь съ нимъ? Говорите все, не бойтесь, мы васъ не выдадимъ, даже еще совѣтъ хорошій дадимъ. Откройте свое сердце. Et bien?

Эльза слегка покраснѣла, наивные глаза ея раскрылись еще больше, и она принялась говорить, видимо, довольная тѣмъ, что можетъ облегчить свою душу.

— Вчера у Стекланной струи у насъ было свиданіе. Онъ увѣрялъ, что бѣшено меня любить и проситъ меня пріѣхать къ нему въ Баку, гдѣ озолотить... На-дняхъ онъ туда возвращается, а я должна пріѣхать черезъ недѣлю.

— Что вы говорите, Эльза, — перебила дѣвушку Мариенъ, — вѣдь вашъ армянинъ женатъ, у него, говорятъ, шестеро дѣтей, что вы будете съ нимъ въ Баку дѣлать? Онъ просто хочетъ васъ соблазнить и обмануть.

— Вы совсѣмъ ничего не понимаете, — горячо возразила Эльза, — онъ меня страшно, безумно любитъ; обмана быть не можетъ съ его стороны. И я нахожу, что онъ еще очень ничего себѣ; жаль, конечно, что онъ не молодъ уже и животъ у него немного толстый, за то у него красивые глаза и усы очень красивые, такіе пушистые... Это очень благородный человѣкъ, а не просто армянинъ. У него много нефти. Богатъ страшно. Я буду имѣть въ Баку отличную квартиру и жить тамъ буду wie eine Prinzessin... Я вотъ и думаю, что мнѣ будетъ хорошо. А вы какъ думаете?

— Elle est impayable, vraiment! Quelle dinde, — со смѣхомъ, откинувшись на спинку скамейки, сказала француженка, — пушистые усы... wie eine Prinzessin будетъ жить... C'est à crever de rire... Ну, ну, продолжайте, дальше что?

— Что же продолжать, — обижено, кусая свои розовыя губки, отвѣтила Эльза, — когда вы поднимаете меня на смѣхъ. Что тутъ смѣшного! Не понимаю! Ничего смѣшного нѣтъ. Вы злая! Я думала, вы добрые...

— Ну, ну, assez, не волнуйтесь, невинность моя, я только пошутила, а очень люблю васъ и искренно желаю вамъ добра. Я очень шутливая, но au fond, une bonne fille, que diable! Дайте, я васъ поцѣлую вотъ въ эти самыя пухлыя губки, которыя свели съ ума толстяка армянина... Ну, la paix est faite, а теперь поговоримъ серьезно.

Съ этими словами Сюзанна крѣпко и звонко поцѣло-

вала нѣмочку прямо въ губы, а потомъ съ напускной серьезностью продолжала:

— И такъ, надо все обдумать *et calculer* Старый, толстый семейный армяшка съ большимъ животомъ, но съ пушистыми усами и красивыми глазами и имѣющій много нефти, предлагаетъ вамъ ѣхать въ Баку и поступить къ нему на содержаніе. *Voilà*! Но прежде, простите меня за нескромность, скажите мнѣ... *Vous êtes innocente?*... То есть, ну, однимъ словомъ, вы еще вѣдь, конечно, дѣвушка?

Эльза потупила свои невинные голубенькіе глазки и тихо отвѣтила:

— Видите-ли, когда я была еще въ Ревелѣ и жила тамъ съ тетей, — родителей у меня нѣтъ, — то къ тетѣ часто заходилъ одинъ старый, но еще здоровый и крѣпкій баронъ. Ну, и онъ, баронъ этотъ... Я мало тогда еще понимала, а тетѣ онъ подарилъ, какъ я потомъ узнала, триста пятьдесятъ рублей. Мнѣ же баронъ носилъ много конфетъ марципанныхъ, которыя я очень люблю, — въ Ревелѣ онъ у насъ отличныя, — и подарилъ вотъ эту брошку, которая сейчасъ на мнѣ. Я ее надѣваю, когда въ гости хожу и по праздникамъ. Не правда-ли, очень красивая брошка? Въ видѣ сердца... А потомъ онъ уѣхалъ. Я плакала. Онъ былъ добрый, но не богатый, а то навѣрное взялъ бы меня съ собой въ Кіевъ, гдѣ получилъ мѣсто и содержалъ бы меня... Это продолжалось всего мѣсяць. Съ тѣхъ поръ ни одинъ мужчина... А жить мнѣ скучно. Армянинъ же говоритъ, что я буду очень пріятно и богато жить въ Баку... Тетя моя „покончилась“ еще два года тому назадъ. Я совсѣмъ одна. Хочу устроиться получше. Не всю же жизнь бонной быть! Да и моя мадамъ не очень любитъ меня и, кажется, хочетъ отпустить меня. Въ сберегательной кассѣ у меня всего семьсотъ пятьдесятъ два рубля отложено; съ такимъ капиталомъ хорошаго жениха не найдешь... А если я съ армяниномъ проживу, ну, скажемъ, пять лѣтъ, то за это время накоплю нѣсколько тысячъ и тогда въ Ревелѣ всегда найду себѣ отличнаго жениха. Я вамъ все откровенно говорю, какъ сказала бы своей матери... Вѣдь, вы, я знаю, добрыя и дадите мнѣ хорошій совѣтъ...

Марихенъ во время разсказа нѣмочки нервно работала своимъ крючкомъ, стараясь, видимо, подавить охватившее ее волненіе, а Сюзанна, когда Эльза кончила, обхватила правой рукой ея стройный станъ и ласково проговорила:

— Ахъ вы, глупышъ мой бѣдный! *Ma petite brebis*

blanche!.. Дурышка моя наивная. Пропадете вы avec votre esprit si peu malin. Вашъ армяшка мошенникъ. Онъ обманетъ. Никакихъ капиталовъ вы съ нимъ не сдѣаете. Я его знаю, то есть слышала о немъ. Онъ, хотя и богатъ, но негодяй и страшно скупъ... , très avare. C'est un crétin!

— Что вы, что вы, — остановила француженку Эльза, — онъ совсѣмъ не скупъ. Смотрите, онъ подарилъ мнѣ чудное кольцо и сказалъ, что за этотъ брилліантъ онъ заплатилъ въ Тифлисѣ тысячу рублей.

Съ этими словами нѣмочка осторожно вынула изъ старенькаго кошелька завернутое въ бумажку кольцо и подала его француженкѣ. Та опытнымъ окомъ внимательно осмотрѣла золотое колечко съ крупнымъ камнемъ и потомъ, возвращая его Эльзѣ, сказала:

— Это кольцо не стоитъ и пятнадцати рублей. Бриллиантъ скорѣе всего тѣтовскій, то есть фальшивый. Я въ камняхъ толкъ понимаю. Когда то и мнѣ подносили камни, только настоящіе. Можете мнѣ вѣрить; правду говорю! Вотъ вамъ и доказательство, что вашъ армяшка — обманщикъ и плутъ. Онъ только хочетъ поиграть съ вами, а потомъ бросить. Плюньте на него. Ищите ужъ лучше московскаго купца, если хотите непременно попасть на содержаніе. Купцы, хоть и бьютъ своихъ maitresses, а все же при нѣкоторой опытности отъ нихъ можно кое-что имѣть получше поддѣльныхъ брилліантовъ. Вотъ вамъ мой совѣтъ, ma petite brebis blanche, которую я очень люблю, — добавила Сюзанна, чмокая нѣмочку въ губы, — на армяшку вы плюньте и перестаньте ходить къ нему на свиданія, а осенью въ Москвѣ я васъ познакомлю съ madame Люсьенъ, это моя старая знакомая еще по Парижу, и она найдетъ для васъ то, что вамъ требуется. C'est convenu! Это лучше, чѣмъ ѣхать въ Баку, гдѣ вы легко превратитесь въ fille perdue.

— А какъ съ кольцомъ? Отдать? — робко спросила Эльза.

— Ну, кольца можете и не отдавать. Оставьте его себѣ на память... о вашей bêtise.

— Слушайте, Эльза, — прорвалась вдругъ все время упорно молчавшая до сихъ поръ Марихенъ, — неужели вы не понимаете весь ужасъ той жизни, къ которой такъ тянетесь. Вѣдь вы честная дѣвушка, а хотите сдѣлать Богъ знаетъ что. Развѣ вамъ не стыдно будетъ, когда какой-нибудь отвратительный старикашка за деньги начнетъ васъ ласкать и съ вами все дѣлать? Вѣдь это же ужасно! Неужели вы не понимаете?..

— Ну, Марихенъ, вы не то говорите, — надувъ губки и краснѣя отъ досады, возразила нѣмочка, — вѣдь я хочу только устроиться, и я не возьму ни за миллионы отвратительнаго старикашку, какъ вы говорите, а здороваго, свѣжаго, хотя бы и не молодого, но богатаго человѣка. Я его даже любить буду немного. Я очень легко всѣхъ люблю. Вамъ то хорошо меня осуждать, когда вы уже устроились ..

— Какъ устроилась!? Что вы хотите этимъ сказать? — съ негодованіемъ воскликнула Марихенъ.

— Что я хочу сказать? Ничего новаго, а то, что есть. Вѣдь, всякому понятно, что вашъ молодой генераль ..

— О, mein Gott, mein Gott, — простонала Марихенъ, — до чего только не доходить человѣческая низость! Кому надо было выдумать эту невѣроятную низость? Если бы вы, Эльза, не были такой глупенькой, я съ вами навсегда поссорилась бы. Стыдно вамъ распространять про меня такую клевету ..

— Марихенъ, милая, — жалобно начала оправдываться Эльза. — Я, право, не хотѣла васъ обидѣть, но это бросается въ глаза, когда Herr Вѣринъ смотритъ на васъ. На меня такими же глазами всегда смотрѣлъ мой баронъ. Право! Если же ничего нѣтъ, то мнѣ жаль васъ. Вы были бы счастливыѣ, имѣя такого хорошаго содержателя. Да и Милочка любить васъ, какъ свою мать. Наконецъ, потомъ онъ могъ бы даже жениться на васъ. Такіе случаи бываютъ, вѣдь... Вы напрасно на меня сердитесь!

Француженка съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдила за этимъ діалогомъ и собиралась тоже вступить въ разговоръ, какъ вдругъ въ бесѣдку влетѣла вся растрепанная раскраснѣвшаяся Милочка и, съ размаху вскочивъ на колѣни къ Марихенъ и обвивъ ея шею руками, сквозь смѣхъ прерывающимся голосомъ быстро, быстро заговорила:

— Ахъ Марихенъ, Марихенъ, какъ мнѣ весело, какъ хорошо! Прямо чудно... А какой этотъ Андруша Реяиль смѣшной!.. Ничего не говорить... Только: да, нѣтъ... да, нѣтъ. Я ему говорю: „вы много читаете?“ — Нѣтъ! Я опять: „вы скоро будете въ гимназію ходить?“ — Да!.. Умора прямо!.. А Коля Оболенскій говорилъ мнѣ, что я хорошенькая, и онъ напишетъ въ мою честь стихи. Только куда ему! Это не легко! А самый лучшій—Вася Качаловъ; его папа актеръ, и онъ тоже будетъ актеромъ; какъ ты думаешь, онъ тоже можетъ быть актеромъ? Вѣдь онъ такой маленькій и слабенькій... Актеры же всѣ такіе большіе и крѣпкіе. Не такъ-ли?... Да что ты все молчишь? А я чуть

не поссорилась съ Соней. Она важничаетъ, хотя всего на годъ старше меня. Воображаетъ, что уже большая... Вотъ умора! А больше всѣхъ я люблю Тамарочку... Эта вотъ мой настоящій другъ; она славная и меня обожаетъ... а еще больше люблю тебя, моя прелесть, вотъ, вотъ!..

Съ этими словами Милочка нѣсколько разъ звонко поцѣловала свою гувернантку, и потомъ неожиданно соскочила съ ея колѣнъ и вихремъ умчалась къ остальнымъ дѣтямъ.

— *Quelle charmante fillette et comme elle vous aime,* — съ улыбкой сказала Сюзанна.

Въ это время къ гувернанткамъ подошла величественная миссъ Гольдсонъ и съ улыбкой, показывая свои длинные, желтоватые зубы, торжественно провозгласила:

— *Pleas! Je vous prie! Bitte kommen Sie auf die Veranda!* Мороженое ѣсть!

— *C'est sublime: nous avons reçu l'invitation en quatre langues,* — со смѣхомъ замѣтила француженка, поднимаясь съ мѣста.

Всѣ дѣти уже собрались на верандѣ и съ восторгомъ ѣли мороженое, при чемъ бѣдному Андрюшѣ Сюзанна категорически объявила, что ему мороженого ѣсть нельзя. У мальчика показались на глазахъ слезы, но онъ безъ всякаго протеста сѣлъ въ уголокъ и только печально смотрѣлъ на другихъ дѣтей, уплетающихъ его любимое сладкое...

— Не хотите-ли, дѣти, потанцевать теперь, спросила Анна Богдановна, когда мороженое было съѣдено.

Всѣ перешли въ небольшой съ блестящимъ паркетнымъ поломъ залъ, гдѣ на почетномъ мѣстѣ стоялъ великолѣпный „Стэнвей“.

— Анна Богдановна, — обратилась вдругъ совершенно неожиданно для всѣхъ къ Пиратовой Милочка, — спойте намъ сначала что-нибудь. Вы такъ чудно поете. Изъ „Карменъ“ спойте: „Тебя люблю, а ты не любишь“. Я это на граммофонъ слышала. Чудесно! Спойте, пожалуйста.

Пиратова ласково улыбнулась, подошла къ роялю, взяла ноты, отыскала указанную дѣвочкой арію и сказала:

— Хотя я не люблю сама себѣ аккомпанировать, но для тебя, Милочка, сдѣлаю исключеніе. Ты, вѣдь, тоже пѣвица. Я знаю, что у тебя большія способности къ музыкѣ и ты постоянно сама себѣ напѣваешь что-нибудь.

— Ахъ, да, — горячо отвѣтила Милочка, — я страшно, страшно обожаю музыку, какъ мой папа. Я люблю особенно оркестръ. Вотъ, вѣроятно, пріятно дирижировать оркестромъ!

Всѣ устѣлись и Анна Богдановна начала пѣть. Голосъ у нея былъ сильный и пріятнаго тембра. Милочка впиалась въ красивое лицо пѣвицы сіяющимъ взоромъ и какъ бы замерла, ни разу даже не шевельнувшись во время исполненія аріи. Глаза ея горѣли восторгомъ, а губы беззвучно шевелились, точно она мысленно пѣла одновременно съ Пиратовой. Когда же послѣдняя кончила, дѣвочка глубоко вздохнула, подошла къ пѣвицѣ и, поцѣловавъ ея руку, серьезно сказала:

— Вы, вѣроятно, Анна Богдановна, актрисой сдѣлаетесь. Мнѣ папа говорилъ, что вы собираетесь пѣть на сценѣ. Я тоже хочу быть великой актрисой, какъ Нежданова. Вотъ было бы чудесно! Эту зиму вы уже будете пѣть въ театрѣ?

— Нѣтъ, дорогая, моя будущая пѣвица, я еще пѣть на сценѣ не могу; должна еще долго и много работать, такъ какъ поздно стала заниматься пѣніемъ!.. А чтобы сдѣлаться хорошей артисткой, надо много, много лѣтъ трудиться.

— Вотъ какъ, — нѣсколько разочарованно прошептала Милочка, — а я думала, что это легко, если голосъ есть... Пожалуйста, спойте еще что-нибудь! Я такъ, такъ люблю, когда вы поете и лицо ваше еще красивѣе дѣлается, когда вы поете.

Пиратова исполнила еще два ромansa, а затѣмъ заиграла вальсъ и начались танцы. Особенно отличились въ нихъ Милочка и Оболенскій, которые въ Москвѣ обучались танцамъ у одной и той же учительницы. Потомъ Тамарочку мать заставила протанцовать лезгинку, которую та исполнила при хлопаньи въ ладоши въ тактъ всѣхъ присутствовавшихъ. Лезгинка произвела фуроръ, такъ какъ Тамара танцевала ее отлично.

Къ шести часамъ гости разошлись.

— Знаешь, Марихенъ, — сказала Милочка, направляясь съ гувернанткой домой и крѣпко держа ее за руку, — я страшно, страшно всѣмъ рада! Такъ все чудесно, все такъ хорошо и всѣ такіе славные! А какъ Анна Богдановна поетъ!.. Но до какой степени Андрюша забавный, а Тамарочка какая душка!.. Да что ты, Марихенъ, такая скучная? Что съ тобою, прелесть моя? Ты вся другая?

— Нѣтъ Милочка, я ничего; у меня немного голова болитъ, вотъ и все. Aber wollen wir doch deutsch sprechen, du sprichst immer russisch, — слегка покраснѣвъ и ускоряя шагъ, тихо проговорила нѣмка.

VI.

Нина Павловна Смѣльская проснулась въ отвратительномъ расположеніи духа. Наканунъ она весь день придиралась къ мужу, стараясь найти предлогъ для ссоры, которая благополучно разрѣшила бы ея нервное состояніе. Но Павелъ Ивановичъ былъ до того уступчивъ, до того кротокъ, что поссориться съ нимъ Ниночкѣ не удалось. Это обстоятельство разстроило ее еще больше. Рано утромъ, по обыкновенію, Смѣльскій ушелъ брать ванну, а Нина Павловна нѣжилась на своей мягкой и удобной постели, поджидая прихода массажистки. Жили Смѣльскіе въ меблированныхъ комнатахъ Ганешина, гдѣ занимали три комнаты съ балкономъ.

— Вотъ и я, — раздался въ дверяхъ веселый голосъ Амаліи Генриховны, — здравствуйте, Нина Павловна! Какъ наши дѣла?

— Здравствуйте, — сухо отвѣтила Ниночка, капризно выпячивая верхнюю губку, покрытую легкимъ пушкомъ, — сегодня, Амалія Генриховна, массажа быть не можетъ... обычное нездоровье... Вы понимаете?

— Понимаю, понимаю, Нина Павловна, какъ тутъ не понять... Ну, ничего, я посижу съ вами, все равно этотъ часъ пропалъ...

— Хотите кофе?

— Давайте! Кофе я люблю. Выпью. Дѣло хорошее, не откажусь.

Нина Павловна позвонила и приказала принести кофе.

— Что съ вами сегодня? Мы, кажется, не въ духахъ? — спросила массажистка Смѣльскую, которая съ мрачнымъ

видомъ разсматривала гравюру, висящую на стѣнѣ и изображающую „Праздникъ весны“.

— О, Боже, Боже! До чего мнѣ все надоѣло, дорогая Амалия Генриховна, вы себѣ и представить не можете! — вдругъ истерично взвизгнула Ниночка, сдѣлавъ въ постели рѣзкое движеніе, — я просто съ ума сойду... Мнѣ до того тоскливо, до того иногда грустно, что я часто прямо о смерти думаю... И досадно то, что ни къ чему не могу придраться. Все у меня есть: я молода, красива, богата, мужа всѣ хвалятъ, а все же такъ жить, какъ я живу, смертельно тошно. Зачѣмъ я вышла замужъ? Ужъ лучше бы оставалась дома, а то все равно, хоть мужъ у меня есть, а какъ будто и нѣтъ его; только раздражаетъ... Да и что за семья безъ дѣтей, а я такъ люблю дѣтей. За что, объясните мнѣ, такое наказаніе?

Массажистка спокойно выслушала всю эту тираду и стала хозяйничать у кофейнаго столика, который въ эту минуту въ комнату внесла горничная. Наливъ кофе Нинѣ Павловнѣ и себѣ, Петерсенъ, отпивая маленькими глотками изъ своей чашечки, мягко и сочувственно сказала:

— Ваше состояніе духа мнѣ понятно. Ненормальная жизнь въ нѣкоторомъ отношеніи ведетъ къ ненормальному настроенію души. Зачѣмъ вы вышли замужъ за совершенно больного и къ тому же немолодого человѣка?

— Ну, это понятно, — недовольно замѣтила Ниночка, — вѣдь насъ у родителей было семь дочерей; я самая старшая. Мы не богаты. Только я окончила Смольный, какъ у насъ появился Павелъ Ивановичъ и до глупости влюбился въ меня. Мнѣ онъ не нравился, но всѣ стали меня уговаривать выйти за него, говоря, что онъ очень богатъ и будетъ полезенъ всей нашей семьѣ. Я и согласилась; не понимала, думала, что хорошо будетъ... Ну, и конечно, дома у насъ была такая бѣдность, что хотѣлось вырваться изъ этой обстановки. Павелъ Ивановичъ отличный человѣкъ, я это сознаю хорошо, но мнѣ отъ этого не легче.

— Такъ, такъ, такъ, — протянула задумчиво Амалия Генриховна, — самая обыкновенная исторія. Да, тутъ совѣтовать ничего нельзя. Одно скажу: все образуется само собою.

— Что тамъ образуется? Ничего не образуется, а я, право, хочу умереть. Ну, да бросимъ это. Какія новости?

— Какія новости? — ставя чашку на столъ, насмѣшливо отвѣтила массажистка, — вамъ все новости подавай, точно я мѣстная газета. Большихъ новостей у меня нѣтъ,

а изъ маленькихъ могу сообщить слѣдующую: вчера здѣсь выбирали гласныхъ въ думу и вышла презабавная исторія. Поставилъ, между прочимъ, свою кандидатуру управляющій Ганешина. Вы его знаете. Онъ вѣдь всѣмъ здѣсь распоряжается и имѣетъ тутъ близко свою собственную дачку. Такъ вотъ этотъ молодой человѣкъ заранѣе, чтобы отпраздновать свое избраніе въ отцы города, привезъ въ думу передъ выборами нѣсколько корзинокъ съ разной закуской и винами, чтобы послѣ баллотировки угостить своихъ выборщиковъ. А тѣ, не зная этого, провалили его. Мой же кандидатъ въ гласные такъ озябъ, что выругался и всю свою провизію увезъ обратно. А выборщики потомъ затылки чесали и жалѣли, что „провалили“ свое угощеніе. Весь Кисловодскъ теперь занятъ этой исторіей. А другая новость касается меня лично. Это не новость, правду сказать, а профессиональный эпизодъ. Дѣло въ томъ, что я, какъ вы знаете, массирую только дамъ. А тутъ три дня тому назадъ мой докторъ, Тамаровъ, сталъ просить меня, чтобы я сдѣлала массажъ желудка князю Варварину, его другу. А массажъ желудка и кишечника, замѣчу я, можетъ дѣлать только опытный человѣкъ, иначе больному можно сильно повредить. Тамаровъ же изъ здѣшнихъ массажистовъ и массажистокъ признаетъ только меня. Что мнѣ было тутъ дѣлать?

— И вы согласились? — съ живѣйшимъ интересомъ, который заставилъ массажистку улыбнуться, спросила Ниночка.

— А какъ бы вы поступили, голубушка моя? — съ невиннымъ видомъ спросила Амалія Генриховна, — князь вѣдь молодой и красивъ. Я боюсь его: сердце не камень. Что дѣлать? Дайте совѣтъ.

— Ну, вы въ моихъ совѣтахъ не нуждаетесь. А князь, дѣйствительно, хотя немного и хлыщеватъ, но мнѣ нравится; въ немъ есть что-то симпатичное...

— Вижу, вижу, что князекъ вамъ нравится, — начала подтрунивать Петерсенъ, — глазки то ваши какъ загорѣлись, когда заговорили о князѣ; и хандра исчезла и румянецъ заигралъ на щечкахъ... Вкусъ у васъ хорошій!

— Перестаньте, Амалія Генриховна, вы противная, что вы придумали, и слушать васъ не хочу, — капризнымъ голосомъ остановила Ниночка массажистку.

— Ну, ладно, ладно, перестану. Лежите спокойно, не ерзайте, это вамъ вредно. А теперь покидаю васъ и иду прямо къ князю; сегодня нашъ первый сеансъ. Не съѣсть

же онъ меня, надѣюсь. Совѣтую вамъ оставаться весь день въ постели, это самое лучшее для сохраненія хорошаго цвѣта лица... До скорого! Кланяться отъ васъ князю?

— Очень нужно, — сквозь зубы процѣдила Ниночка, а потомъ уже въ догонку уходящей крикнула:

— Какъ хотите! Прощайте, Амалия Генриховна. Черезъ три дня приходите!

Въ самыхъ дверяхъ Петерсенъ столкнулась съ возвращавшимся домой Смѣльскимъ. Онъ привѣтливо поздоровался съ массажисткой и вошелъ въ спальню. Ниночка, когда мужъ вошелъ въ комнату, закрыла глаза и какъ бы застыла.

Павель Ивановичъ молча снялъ штиблеты и верхнее платье, надѣлъ роскошный персидскій халатъ и прилегъ на свою постель, прикрывъ ноги пледомъ; обѣ кровати супруговъ раздѣлялъ только ночной столикъ.

Нѣкоторое время въ комнатѣ царило полное молчаніе, но Ниночка чувствовала, что скоро начнется „объясненіе“ и приготовилась къ схваткѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ раздался слабый, тягучій голосъ Смѣльскаго, который имѣлъ свойство особенно непріятно дѣйствовать на нервы его жены.

— Ниночка, дружокъ мой, я хочу поговорить съ тобою серьезно. Выслушай меня спокойно. Старайся не волноваться и не сердиться. Возьми себя въ руки. Правъ, я ничего непріятнаго сказать тебѣ не собираюсь.

— Я ничуть не волнуюсь и не сержусь, съ чего ты взялъ, — раздраженно перебила мужа Смѣльская, — мнѣ только все, все страшно надоѣло... надоѣло, понимаешь, на-до-ѣло! А волноваться и сердиться мнѣ нечего. Тебѣ все кажется то, чего нѣтъ. Ты просто придираешься ко мнѣ и этимъ меня мучаешь. Вѣчная исторія! Все тебѣ во мнѣ не нравится. Эти постоянные упреки, въ концѣ концовъ, доведутъ меня...

— Постой, постой, — мягко, но твердо остановилъ жену Смѣльскій, — то, о чемъ я хочу поговорить съ тобой, слишкомъ серьезно, чтобы возражать мнѣ такими глупостями, какими ты меня угощаешь. Постарайся овладѣть своими нервами и дай же мнѣ досказать все до конца. Ты со мной глубоко несчастна... Да погоди же, наконецъ; позволь мнѣ договорить свою мысль! Такъ вотъ, вижу это, ты со мной несчастна. Почему? Потому, что ты молода, здорова и жаждешь того, чего по своей болѣзни я дать тебѣ не могу. Состояніе моихъ почекъ тебѣ

извѣстно. Тебѣ нужны мужскія ласки и дѣти... Прости, что я такъ грубо выражаюсь, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Итакъ, что же намъ дѣлать? Я не хочу, чтобы ты меня бросила, такъ какъ, во первыхъ, люблю тебя, а во вторыхъ, я не выношу одиночества, ты чудная хозяйка и даешь мнѣ подобіе семейнаго уюта. Но я не тиранъ. Насиловать твой темпераментъ, твою природу и губить твою молодость я не хочу. Считаю себя свободной... Ну, однимъ словомъ, влюбись въ порядочнаго человѣка и измѣни мнѣ, но оставайся со мною, вотъ все, что я отъ тебя требую. Охотниковъ завести съ тобою интригу найдется много; за этимъ дѣло не станетъ. Старайся только не нарваться на негодя; это главное!.. Мнѣ страшно тяжело говорить съ тобой объ этомъ, но еще тяжелѣе видѣть, какъ ты съ каждымъ днемъ начинаешь ненавидѣть меня все больше и больше. А я вѣдь не врагъ твой, а самый искренній и вѣрный другъ... До сихъ поръ я думалъ, что этотъ вопросъ самъ собою разрѣшится, но ты по натурѣ своей настолько добродѣтельна и чиста, что мнѣ приходится играть совершенно небывалую въ лѣтописяхъ мужей-рогоносцевъ роль. Итакъ, Ниночка,—грустно кончилъ Смѣльскій, — пойми, что ты свободна, и если у тебя будетъ ребенокъ, я полюблю его ради тебя... Одно только, умоляю тебя, не бросай меня. Вѣдь я все равно долго съ моей болѣзнью жить не буду и тогда освобожу тебя уже окончательно. Пойми это и пожалѣй меня.

Когда Павелъ Ивановичъ замолчалъ, въ комнатѣ нѣкоторое время продолжалось полное молчаніе. Потомъ раздались сначала тихія, а затѣмъ все болѣе и болѣе громкія всхлипыванія Ниночки, которыя перешли скоро въ бурныя рыданія. Смѣльскій опѣшилъ, всталъ и присѣлъ къ женѣ на постель. Та, продолжая неутѣшно и горько рыдать, схватила руку мужа и, прижавъ ее къ мокрому отъ слезъ лицу своему, прерывающимся голосомъ, безсвязно стала лепетать:

— Поль, дорогой, хорошій!.. Прости меня! Ты ангель, а я такая отвратительная... Зачѣмъ, зачѣмъ ты все это мнѣ сказалъ... Не надо было!.. Ты славный, чудный, умный, а я скверная, нехорошая, думаю только о себѣ, безсердечная эгоистка... Прости меня, я сама себя не понимаю! Какъ я могла такъ мучить тебя, такъ терзать тебя, моего дорогого, великодушнаго и благороднаго... Ты долженъ бы меня ненавидѣть, а ты... а ты...

Тутъ Ниночка опять залилась слезами и дальше гово-

рить не могла. Она только осыпала поцѣлуями руку мужа, которую крѣпко, крѣпко держала въ своихъ рукахъ.

Тогда Павелъ Ивановичъ свободной рукой сталъ нѣжно перебирать распустившіеся роскошные каштановые волосы Ниночки и отъ времени до времени цѣловалъ ея горячій лобъ и пылающія щеки. Наконецъ, Смѣльская успокоилась. Павелъ Ивановичъ съ подавленнымъ вздохомъ опять легъ на свою кровать и утомленно закрылъ глаза. Затѣмъ онъ заснулъ, заснула и его жена.

VII.

Кисловодскъ въ ранній утренній часъ бываетъ особенно очарователенъ. Этимъ пользуются любители природы, чтобы по утрамъ, передъ принятіемъ ванны, погулять по парку и полюбоваться красотами этого волшебнаго уголка Кавказа.

Какъ то разъ рано утромъ Нина Павловна, вся сіяющая, въ восхитительномъ съ розоватымъ оттѣнкомъ свѣтомъ платьѣ, медленной походкой шла по направленію къ Краснымъ Камнямъ, съ наслажденіемъ вдыхая слегка еще прохладный, живительный горный воздухъ. Небо было ясно, и всѣ деревья, кусты и дорожки ярко освѣщались поднявшимся уже довольно высоко солнцемъ. У самыхъ Камней Смѣльскую нагналъ Варваринъ; поздоровавшись, онъ пошелъ рядомъ съ ней.

— Люблю я по утрамъ посидѣть у Красныхъ Камней, — оживленно обратилась Нина Павловна къ своему спутнику. — Никогда воздухъ не бываетъ здѣсь такъ чистъ, какъ по утрамъ. А какъ онъ прозраченъ! Часто Эльбрусь виднѣется совершенно ясно; днемъ же его обыкновенно закрываютъ облака. Думаю, что и сегодня мы увидимъ гору... И такъ тихо, спокойно здѣсь, рѣдко кого въ это время тутъ встрѣтишь.

Они подошли къ площадкѣ, окруженной громадными камнями краснаго цвѣта и усѣлись на удобную скамейку; вблизи никого не было.

— Вотъ и мой восхитительный Эльбрусь; смотрите, какъ онъ хорошо обрисовывается, какая у него бѣлоснѣжная вершина, — протягивая по направленію къ виднѣющейся горѣ зонтикъ, сказала Смѣльская.

— Одинъ восторгъ, положительно одинъ восторгъ, —

съ нѣсколько дѣланнѣмъ воодушевленіемъ отвѣтилъ Варваринъ, думая не о восхитительномъ Эльбрусь, а о чемъ-то совершенно другомъ, — да, природа — великая вещь, ничего нѣтъ выше природы и... и любви, — неожиданно вырвалось у него, — хорошо здѣсь, страшно, до жути хорошо, давно уже я не чувствовалъ себя такъ высоко настроеннымъ. Это во первыхъ. Но чего-то не хватаетъ еще для моего полного счастья...

— Чего-же? — нѣсколько нерѣшительно уронила Смѣльская, чертя зонтикомъ на песокъ какой-то узоръ и потупляя свои красивые глаза.

Первый разъ за почти мѣсячное знакомство съ княземъ въ его присутствіи она вдругъ почувствовала, что сердце ея забилося особенно быстро, щеки стали пылать, всю ее охватило какое-то сладкое, томительное предчувствіе.

— Какъ онъ красивъ, — промелькнуло у нея въ головѣ, — какой у него красивый ротъ!

— Чего мнѣ не хватаетъ? — медленно и съ чувствомъ отвѣтилъ Варваринъ, — мнѣ не хватаетъ взаимности, я страстно, до безумія успѣлъ влюбиться и не знаю, получу ли отвѣтъ на свое чувство... Это чувство всегда налетаетъ бурно, внезапно, еихремъ; ему невозможно противиться, съ нимъ бесполезно бороться?... Вотъ и на меня оно налетѣло, и я не знаю, что со мною, я весь во власти этого порыва. („Хорошо, каналья, ведешь наступленіе, — мысленно прервалъ самого себя Варваринъ, — перепелочка, видимо, готова, совсѣмъ зажарена, можно скушать“). Я теряюсь!.. Я не знаю, что сказать, какъ выразить волнующія меня чувства! Это нѣчто такое высокое, нѣчто такое неизъяснимо-сладкое... Право, я начинаю терять голову!..

Всю эту тираду, произнесенную аффективно-горячо, Смѣльская слушала съ все возрастающимъ волненіемъ, какъ волшебную музыку; высокая грудь ея бурно волновалась; ей казалось, что все это она переживаетъ во снѣ и вотъ-вотъ сейчасъ проснется. Варваринъ между тѣмъ взялъ обѣими руками ея красивую нѣсколько загорѣвшую маленькую ручку, прижалъ ее къ губамъ и тихимъ шепотомъ продолжалъ:

— Вы поняли меня, дорогая, неоцѣненная... вы молчите, вы раздѣляете мои чувства? Вы меня не отталкиваете?... Я съ ума сойду отъ счастья! Какое блаженство!.. Нина!.. Ниночка!.. Сокровище мое, божество мое!..

Тутъ Варваринъ ловко заключилъ совсѣмъ сомлѣв-

лѣвшую Ниночку въ свои объятія и, крѣпко прижавъ къ своей груди ея пышный бюстъ, сталъ покрывать медленными поцѣлуями все ея лицо, особенно долго останавливаясь на пунцовомъ полураскрытомъ ротикѣ.

Сначала Нина какъ-то окаменѣла и, закрывъ глаза, только блаженно улыбалась, но вдругъ губы ея затрепетали и, охвативъ неожиданно для самой себя Варварина за шею, она горячо впиалась въ его губы и крѣпко, крѣпко вся прижалась къ нему. Въ эту минуту князь, который не терялъ самообладанія и слѣдилъ за происходящимъ вокругъ, замѣтилъ вдали по дорожкѣ двѣ приближающіяся фигуры.

— Идутъ, — шепнулъ онъ, освобождаясь отъ объятій Смѣльской и принимая невинную позу, — Ниночка, дорогая моя, сокровище мое!.. Я до того счастливъ, что былъ бы радъ вотъ сейчасъ же умереть у ногъ вашихъ, — продолжалъ онъ, съ восторгомъ поглядывая на хорошенькую женщину, которая съ трудомъ приходила въ себя послѣ охватившаго ее порыва и нѣсколько растерянно смотрѣла по сторонамъ.

Смѣльская поднялась и пошла къ дому. Послѣ продолжительнаго молчанія, только у калитки парка, Варваринъ нѣжно и просительно сказалъ:

— Нина Павловна! Приходите сегодня вечеромъ въ курзалъ на симфоническій концертъ. Пожалуйста, приходите! Сдѣлайте это для меня!.. Да?

— Да, — прошептала Ниночка, — приду. До свиданья!..

Не подавая руки, она быстро прошла въ калитку, а Варваринъ направился къ себѣ, напѣвая въ полголоса арію Фарлафа изъ „Руслана“ — „Побѣда! побѣда!..“

Около восьми часовъ вечера въ тотъ же день Варваринъ въ щегольскомъ кителѣ, надушенный, въ самомъ возбужденно-радостномъ настроеніи гулялъ по площадкѣ курзала, поминутно поглядывая на входъ.

На концертной площадкѣ симфоническій оркестръ, наполовину состоявшій изъ артистовъ московскаго Большаго театра, подъ управленіемъ Штейнберга, исполнялъ свою „садовую“ программу. Вся площадка, освѣщенная яркими электрическими фонарями, была покрыта гуляющей публикой. Дамы, разодѣтыя въ пухъ и прахъ, окруженные кавалерами разнаго вида и разнаго возраста, съ побѣдоноснымъ видомъ двигались взадъ и впередъ, мало обращая вниманія на „Кавказскіе эскизы“ Ипполитова-Иванова, исполнявшіеся оркестромъ. Самъ композиторъ, довольно полный мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ высшей степени

пріятнымъ и добрымъ лицомъ прохаживался въ обществѣ извѣстнаго піаниста Сафонова, богатаго Кисловодскаго домохозяина. Къ этимъ двумъ тузамъ музыкальнаго міра то и дѣло подходили разные артисты и артистки, при чемъ Василій Ильичъ Сафоновъ все время сыпалъ остротами и разными смѣшными анекдотами, а Ипполитовъ-Ивановъ больше молчалъ; добродушная улыбка не сходила съ его лица.

Почти всѣ столики на верандѣ ресторана и внизу у веранды были заняты. Вездѣ за этими столиками царило оживленіе и веселье. На многихъ изъ нихъ стояли бокалы съ пѣнящимся шампанскимъ. За однимъ изъ такихъ столиковъ сидѣли Мошковъ, Липскія и Речиль съ дочерью. Таня Липская на этотъ разъ особенно ласково бесѣдовала съ Мошковымъ, который, видимо, таялъ и млѣлъ отъ восторга, а „англичаночка“ грустными глазами слѣдила за тѣмъ столикомъ, за которымъ графъ Луманскій сидѣлъ съ двумя очень молодыми и элегантно, по послѣдней модѣ, одѣтыми армянами, о чемъ-то весело болтая съ ними.

— Георгій Ивановичъ, — обратилась Таня къ Мошкову, — организуйте, прошу васъ, экскурсію на Бештаугору. Пожалуйста!..

— Слушаюсь, будетъ исполнено, — весело отвѣтилъ Мошковъ, — выберемъ хорошій денекъ и двинемся. Хотя и умыкали савраску горы да овражки, а все же пользу съ вами... Куда я только за вами не потащусь! Кого прикажете пригласить, богиня?

— Ну, конечно, Вѣрочка съ нами пойдетъ. Зовите вашего пріятеля Варварина. Можно поэту предложить; онъ наше восхожденіе воспоетъ стихами... Впрочемъ даю вамъ *carte blanche*: зовите, кого хотите. Идеть?

— Идеть, идеть! — подхватилъ Георгій Ивановичъ, — все устрою согласно желанію моей богини.

— Наконецъ то вы пришли, Нина Павловна, — прерывающимся отъ волненія голосомъ сказалъ Варваринъ Смѣльской, когда послѣдняя черезъ входной турникетъ вошла на концертную площадку. — Какая же вы сегодня восхитительная! Чуть только немножко блѣдная. Вы здоровы, дорогая моя?

— Да, я здорова, — едва слышно отвѣтила Нина, — чутьчку голова болитъ... Пройдетъ!

— Знаете, Нина Павловна, — озабоченно проговорилъ Варваринъ, — стоитъ ли намъ здѣсь оставаться... При головной боли на людяхъ не хорошо. Надо спокойствіе, а

здѣсь слишкомъ шумно и оживленно. Лучше пройдемся по улицамъ, и я отведу васъ домой. Право такъ лучше будетъ!.. Пойдемъ!

— Пожалуй, вы правы, — нерѣшительно проронила Смѣльская, поворачивая къ выходу.

— „Вотъ здорово! Даже не ожидалъ! Везетъ „моменту,“ — подумалъ Варваринъ, выходя за своей дамой на улицу и направляясь въ сторону Ребровой балки.

— Куда это Смѣльская съ Варваринимъ пошла? — съ ехидствомъ замѣтила Александра Николаевна Липская, — она только что вошла, а потомъ сразу, захвативъ съ собой князя, повернула обратно!.. Это что-то странно!..

— Ну, это ихъ дѣло, — добродушно сказала Анна Петровна Речиль, — вѣроятно, Нина Павловна что нибудь дома забыла. Они вернутся.

— Вѣдь мы не туда идемъ, намъ надо направо, а не налево, — вдругъ спохватилась Смѣльская.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Нина Павловна, мы лучше здѣсь погуляемъ; здѣсь меньше народа, а я такъ много хочу вамъ сказать. Позвольте предложить вамъ руку, не бойтесь, моя чудная, безцѣнная! — затараторилъ Варваринъ, взявъ Смѣльскую подъ руку и увлекая ее по направленію къ своей квартирѣ.

Стемнѣло. Рѣдкіе фонари довольно скудно освѣщали улицу. Нина Павловна, ничего не возражая, пошла съ княземъ подъ руку, при чемъ онъ чувствовалъ, что вся она уже въ его полной власти.

— Что я дѣлаю? Что я дѣлаю? — пронеслось у нея въ головѣ, хотя сердце ея какъ-то тревожно-радостно билось и сладко-сладко ныло.

— Дорогая Нина Павловна, милая, славная, — страстнымъ шепотомъ заговорилъ вдругъ измѣнившимся голосомъ Варваринъ, — зайдите ко мнѣ на минутку... вотъ здѣсь... у меня свой ключъ, никто васъ не увидитъ. Умоляю васъ, дорогая, золотая... на одну секунду... не бойтесь... я за васъ умереть готовъ...

Съ этими словами Варваринъ ловко и быстро открылъ входныя двери своей квартиры и почти силой ввелъ Нину въ свою комнату, которая мягко освѣщалась керосиновой лампой съ розовымъ колпакомъ, стоявшей на кругломъ столикѣ. На столикѣ виднѣлась ваза съ фруктами и бутылка сладкаго венгерскаго.

Заперевъ двери, Варваринъ усадилъ Ниночку на диванъ,

сталъ передъ нею на колѣни и, взявъ ее за обѣ руки, началъ:

— Нина, дорогая моя, мое божество... Я безумно, безумно люблю тебя и безумно желаю тебя. Съ перваго момента, когда у Мошкова я увидѣлъ тебя, въ моемъ мозгу пронеслась мысль, что мы будемъ принадлежать другъ другу... Будемъ?... Вѣдь будемъ?... Скажи — да... Да? Ты согласна?..

Варваринъ прильнулъ къ трепещущимъ губамъ Нины и съ лихорадочной быстротой сталъ снимать съ нея жакетку, шляпу и остальную одежду. Ниночка сначала пыталась сопротивляться, но очень скоро, съ тихимъ возгласомъ — „о, какъ я люблю“, — охватила Варварина своими красивыми, бѣлыми, какъ молоко, руками за шею и страстнымъ поцѣлуемъ впилась въ его губы.

— „Побѣда, побѣда!“ — пронеслась въ головѣ князя музыкальная фраза, которую онъ напѣвалъ утромъ.

Черезъ два часа Варваринъ на извозчикѣ отвезъ Нину Павловну къ Ганешину. Здѣсь онъ нѣжно распрощался съ нею и поѣхалъ въ кургаузъ кончать вечеръ.

Смѣльскій ласково встрѣтилъ жену вопросомъ:

— Что ты, голубка моя, такъ рано вернулась? Развѣ концертъ уже кончился?..

Ниночка покраснѣла и, не глядя на мужа, виновато отвѣтила:

— Я музыки не слушала, а погуляла только по городу съ Варваринымъ; онъ меня сюда на извозчикѣ доставилъ. У меня немного голова болитъ. Я хочу сегодня рано лечь спать.

— Ложись, дорогая, ложись, отлично сдѣлаешь, — мягко проговорилъ Смѣльскій, взявъ Ниночку за руки и пытливо стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Что ты такъ на меня смотришь? Пусти!.. Буду раздѣваться, — отворачивая лицо, прошептала Смѣльская.

— Ну, иди, иди, голубка моя, и помни, что я твой самый вѣрный и надежный другъ, который все пойметъ, все проститъ, и никогда не осудитъ тебя. Помни это! Не такъ, быть можетъ, ужъ долго тебѣ придется ухаживать за своимъ инвалидомъ-мужемъ. Когда меня не будетъ, вспомнишь обо мнѣ...

Но Нина не дала Павлу Ивановичу возможности кончить фразу; она быстрымъ движеніемъ положила ему ладонь на ротъ и, нѣжно цѣлуя его въ лобъ, прошептала:

— Не смѣй говорить о смерти. Я хочу умереть послѣ тебя. Я не желаю жить безъ тебя. Ты хороший, умный, ты все понимаешь, любишь свою скверную Нину, которая также тебя любитъ... Я другого мужа имѣть не хочу... Понимаешь? Ты долженъ жить и беречь себя для меня. Безъ тебя счастливой быть я не могу...

Смѣльскій ничего не отвѣтилъ, но въ грустной улыбкѣ его было что-то ироническое. Ниночка же задумалась о томъ, что съ нею произошло часъ тому назадъ, и образъ Варварина неотвязно стоялъ передъ нею, манилъ къ себѣ и наполнялъ все существо ея сладостнымъ томленіемъ.

VIII.

Графъ Луманскій жилъ недалеко отъ дачи Ганешина и занималъ во дворѣ отдѣльный маленькій флигель, состоящій изъ трехъ небольшихъ, но довольно прилично обставленныхъ комнатокъ. Жилъ онъ съ лакеемъ своимъ, котораго привезъ изъ Петербурга. Графъ, хотя и числился на службѣ въ Преображенскомъ полку, но взялъ одиннадцатимѣсячный отпускъ, по истеченіи котораго предполагалъ выйти въ отставку и уѣхать въ Польшу, гдѣ вблизи Варшавы у него осталось имѣніе, доставшееся ему отъ отца, умершаго въ концѣ 1910 года; матери у него давно уже не было; братьевъ и сестеръ также.

Въ самой большой комнатѣ флигеля стоялъ посрединѣ столъ, покрытый бѣлой скатертью, а на столѣ красовалась ваза съ чудными фруктами, нѣсколько бутылокъ съ разными ликерами и большая круглая коробка московскихъ конфетъ.

Большіе старинные часы съ гирями пробили четыре раза. Графъ полулежалъ на кушеткѣ, стоящей вблизи окна, и читалъ повѣсть моднаго Кузмина „Крылья“. Иногда онъ во время чтенія улыбался, и красивые, темные глаза его загорались, а на щекахъ показывался легкій румянецъ. Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ еще, лѣтъ семнадцати, и сталъ устанавливать на столѣ тарелки.

Его ординарное лицо крымскаго татарина ничѣмъ не

выдѣлялось. Оно было нѣсколько блѣдно; подѣ блестящими совершенно черными глазами можно было замѣтить темноватые круги, указывающіе на какую-то общую усталость организма или на изнуряющую этотъ организмъ болѣзнь. Одѣтъ былъ вошедшій въ татарскій костюмъ; такіе костюмы носятъ проводники въ Крыму въ праздничные дни, когда показываются публикѣ въ разгаръ сезона во всей своей красѣ, манящей къ себѣ не однѣхъ только московскихъ купчихъ. Черная, расшитая золотомъ, курточка и широкій бѣлый кашемировый шарфъ, намотанный выше широкихъ бедеръ слуги, придавали ему экзотическій видъ.

Луманскій оторвался отъ книги, съ удовольствіемъ оглядѣвъ стройную фигуру татарина, лѣниво-спокойными движеніями устанавливавшего на столѣ тарелочки, бокалы и рюмки.

Въ это время въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ. Ибрагимъ пошелъ открывать, а хозяинъ, отложивъ книгу на столикъ, всталъ и радостно привѣтствовалъ вошедшаго словами:

— А, камергеръ Павзановъ! Здравствуй, Миша. Ну, признаться, не ожидалъ тебя. Откуда ты? Сюрпризъ мнѣ устроилъ. Садись же и рассказывай.

Павзановъ, облобызавъ нѣсколько разъ Луманскаго, сѣлъ на диванъ и, бросивъ взглядъ на столъ, подмигивая лѣвымъ глазомъ, лукаво замѣтилъ:

— Э, да ты, милютикъ, ждешь гостей! Быть можетъ, я хуже татарина? А?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! Ты можешь остаться.

Михаилу Кондратьевичу Павзанову на видъ можно было дать и сорокъ, и пятьдесятъ лѣтъ. Ни бороды, ни усовъ онъ не носилъ, а волосы, уже сѣдѣющіе, были коротко острижены бобрикомъ. Въ его маленькихъ глазкахъ свѣтился огонекъ уже минувшей молодости. Лицо Павзанова напоминало лицо петербургскаго скопца-мѣнялы, хотя и не лишено было нѣкоторой пріятности, особенно, когда Павзановъ улыбался, обнаруживая рядъ здоровыхъ еще, слегка желтоватыхъ отъ табаку зубовъ. Одѣтъ былъ Павзановъ въ свѣтло-сѣрый костюмъ, видимо, отъ дорогого портного. Въ его сиреневаго цвѣта галстукъ красовалась большая жемчужина.

— А я сюда на недѣлю, — удобно разваливаясь на кушеткѣ и вынимая изъ золотого портсигара, покрытаго монограммами, папиросу, непринужденно и весело заговорилъ Павзановъ, не замѣчая, какъ поморщился графъ, чув-

ствовавший непреодолимое отвращение къ табачному дыму, — прямо изъ Питера. Потомъ переѣду въ Эссентуки пить семнадцатый номеръ; сейчасъ тамъ все переполнено,, по дождю здѣсь.

Ибрагимъ открылъ двери и впустилъ въ комнату двухъ новыхъ гостей.

— Позвольте познакомиться,—идя къ нимъ навстрѣчу съ привѣтливой улыбкой, сказалъ Луманскій, — Арсеній Луарсабовичъ Пурданьянцъ и князь Бадаговъ, Язонтъ Васильевичъ, камергеръ Михаилъ Кондратьевичъ Павзановъ, одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго князя Владиміра Мещерскаго, мой большой пріятель. Ну-съ, а теперь давайте кофе пить. Садитесь, прошу.

Всѣ усялись за столъ, и Ибрагимъ сталъ разносить кофе.

Оба пріятеля были одѣты отлично, но впечатлѣніе эlegantнаго человека производилъ только Бадаговъ. На лѣвой рукѣ онъ носилъ браслетъ тонкой работы съ крупными камнями. Пурданьянцъ, видимо, нѣсколько стѣснялся и робѣлъ, тогда какъ князь держалъ себя совершенно непринужденно и свободно.

Сначала разговоръ какъ-то не клеился: всѣ присматривались другъ къ другу. Чтобы поднять настроеніе, Луманскій приказалъ сейчасъ-же послѣ кофе подать шампанское и предложилъ гостямъ поудобнѣе расположиться на кушеткѣ и мягкихъ большихъ креслахъ. Павзановъ развалился на кушеткѣ и, закуривая папиросу, мечтательно заявилъ:

— Ну, теперь я буду потягивать живительный напитокъ, курить и слушать молодыхъ людей. Пріятно и лестно мнѣ, старику, находится въ обществѣ такихъ юнцовъ. Покойный Володя Мещерскій часто любилъ повторять: „если хочешь сохранить сердце вѣчно юнымъ, старайся всегда быть въ обществѣ молодежи“. И онъ правъ. Ничего мнѣ такъ не нравится, какъ компанія молодыхъ и симпатичныхъ „выюнушей“. Даю слово. Это жизнь моя.

— Камергеръ Миша, — остановилъ Павзанова Луманскій, — философія и изліянія души не къ мѣсту. Это нудно.

— Слушаюсь, ваше сіятельство, — по солдатски шутиливо гаркнулъ Павзановъ,—буду только слушать.

— Покажите ваши альбомы, графъ, о которыхъ вы намъ говорили,—обратился къ Луманскому Бадаговъ.

— Съ удовольствіемъ! Это любопытно! — Съ этими словами Луманскій открылъ шкафъ и вынулъ оттуда два рос-

кошныхъ альбома. Оба они были наполнены прекрасно исполненными фотографіями солдатъ Преображенскаго полка.

— Я собиралъ мою коллекцію пять лѣтъ и могу ею похвастаться,—съ нѣкоторой дозой самодовольства сказалъ графъ, — вы посмотрите только: одно лицо красивѣе другого. Напримѣръ, этотъ — совсѣмъ Аполлонъ. Мнѣ пришлось cadaго изъ моихъ типовъ посылать спеціально къ фотографу, которому было приказано при фотографированіи заботиться только о сходствѣ и ретушировать съ большою осторожностью; ретушь, вѣдь, часто уничтожаетъ оригинальность лица, подводя ее подъ общій шаблонъ. Вотъ этотъ солдатишка былъ моимъ любимцемъ одно время. Посмотрите, какое лукавое выраженіе глазъ и какая очаровательная ямочка на подбородкѣ; замѣчательный помпончикъ! Его взялъ въ денщики князь Пуртадзе, у котораго онъ потомъ спился, предварительно нѣсколько разъ обокравъ князя. А славный былъ мальчикъ!

— Скажите, графъ,—спросилъ Бадаговъ, — что это за штатскій? Онъ здѣсь единственный! Какой красавецъ! Точно итальянецъ! Прелесть просто!

— Итальянецъ это и есть, — отвѣтилъ Луманскій.

— Два года тому назадъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ Венеціи, откуда на двѣ недѣли я отправился въ Лидо, чтобы попутаться въ морѣ. Номеръ мой въ гостиницѣ имѣлъ общій балконъ съ сосѣднимъ номеромъ; посрединѣ балконъ дѣлился перегородкой. Поздно вечеромъ, когда я уже собирался ложиться спать, слышу вдругъ на балконѣ тихое, но восхитительное пѣніе. Нужно вамъ замѣтить, что вечеръ былъ дивный: только что взошла луна, волшебно освѣщая поверхность моря, чуть замѣтный вѣтерокъ пріятно ласкалъ лицо, но... такъ какъ я не поэтъ и описывать красоты природы не мастеръ, то скажу только, что вечеръ этотъ былъ настолько прекрасенъ, что до сихъ поръ я не могу вспомнить о немъ безъ умиленія. А тутъ еще это ангельское пѣніе, которое звучало такъ нѣжно, такъ сладко, въ двухъ шагахъ отъ меня. Пѣлъ, видимо, высокій и совсѣмъ свѣжій молодой голосъ—теноръ. Я не выходилъ на балконъ, чтобы не спугнуть соловья. Онъ пѣлъ разные старинные итальянскіе романсы, пѣлъ въ четверть голоса, для себя только, очевидно, но, — Боже, Боже! — какъ пѣлъ! Я былъ очарованъ и покоренъ, на глазахъ у меня, мнѣ не стыдно въ этомъ признаться, стояли слезы. Пѣлъ мой сосѣдъ минутъ сорокъ и затѣмъ умолкъ. Тогда я вышелъ на балконъ и посмотрѣлъ черезъ перегородку. За ней сидѣлъ

прелестный мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, не болѣе. Фотографію его вы видѣли. Описывать поэтому красоту юноши я не буду. Мальчикъ, увидѣвъ меня, страшно сконфузился и сталъ застѣнчиво спрашивать меня, не помѣшалъ ли онъ мнѣ своимъ пѣніемъ. Я отвѣчалъ ему по французски, что въ жизни такого дивнаго пѣнія не слыхалъ и безконечно счастливъ, что пришлось познакомиться съ такимъ небеснымъ голосомъ. Съ этого наше знакомство и началось. Мой мальчикъ, оказалось, учился въ Римской консерваторіи и мечталъ стать вторымъ Мазини или Карузо. Мы подружались, два раза завтракали вмѣстѣ и даже обмѣнялись фотографіями.

Когда Луманскій кончилъ, армяне забросали его дополнительными вопросами и графу пришлось войти въ нѣкоторыя детали всей разсказанной имъ исторіи, что онъ исполнилъ очень охотно.

— Господа, а не хотите ли полюбоваться танцами моего татарина? Онъ отлично пляшетъ! Преинтересно!

Не ожидая отвѣта, графъ позвалъ Ибрагима, который, видимо, судя по разгорѣвшемуся лицу, успѣлъ уже влить въ себя нѣсколько бокаловъ шампанскаго, и ласково-нѣжно сказалъ ему:

— Потанцуй намъ, Ибрагимушка. Всѣ просятъ тебя. Покажи намъ свое искусство.

Ибрагимъ не заставилъ себя просить. Онъ сталъ въ соотвѣтственную позу и началъ, щелкая пальцами, мурлыкать какой-то напѣвъ, при чемъ Луманскій подпѣвалъ ему и хлопалъ въ ладони. Затѣмъ татаринъ принялся кружиться по комнатѣ, ловко выдѣлывая ногами какіе-то па, граціозно выгибая станъ и кокетливо временами вскидывая на зрителей своими блестящими, красивыми, слегка пьяными глазами.

— Bravo! Чудесно! Ай, да Ибрагимъ! — раздались одобрителныя восклицанія подвыпившей компаніи, слѣдившей съ увлеченіемъ за каждымъ движеніемъ танцора, который увлекался все больше и больше и, какъ пухъ, носился по комнатѣ.

Когда Ибрагимъ окончилъ свою пляску, и весь потный и красный, напутствуемый похвалами, ушелъ въ свою комнату, дружеская бесѣда стала еще оживленнѣе и легкомысленнѣе.

Послѣ ухода гостей, Луманскій, приказавъ Ибрагиму разбудить себя въ 7 часовъ, легъ и тотчасъ крѣпко уснулъ.

IX.

Около шести часовъ утра на Кисловодской желѣзнодорожной платформѣ стали собираться туристы на гору Бештау. Экспедицію эту устраивалъ Мошковъ. Участіе въ ней принимали: Вѣринъ съ Милочкой и ея гувернанткой, Милкинъ, Смѣльская, Варваринъ, Вѣрочка Речиль, братъ ея, кадетъ седьмого класса, и Алексѣй Евгеньевичъ Толчинъ, профессоръ Московской консерваторіи. Но центромъ всей прогулки должна была быть Таня Липская, для которой, собственно, и затѣялъ Мошковъ все это путешествіе. Всѣ, исключая Тани и Толчина, находились уже въ сборѣ. Толчинъ жилъ въ Пятигорскѣ, а потому о немъ безпокоиться не приходилось, но отсутствіе Липской разстраивало всѣ планы инициатора экспедиціи. До отхода поѣзда оставалось всего нѣсколько минутъ, а ея все не было. Мошковъ очень волновался и, щуря свои близорукіе глаза, не спускалъ глазъ съ аллеи, по которой должна была пройти Таня.

— Что же это наша сильфида такая неаккуратная? — сказалъ Вѣринъ, поглядывая по направленію гостиницы „Грандъ-отель“, гдѣ жила Липскія.

— Прямо не понимаю, — сокрушенно проговорилъ Мошковъ, — что дѣлать? Я останусь, а вы отправляйтесь безъ меня; я присоединюсь къ вамъ со слѣдующимъ поѣздомъ.

Кондукторъ просилъ всѣхъ войти въ вагонъ. Надежда на прибытіе Тани, казалось, была потеряна.

— Смотрите, смотрите, — вдругъ радостно воскликнула Милочка, — по аллеѣ кто-то бѣжитъ.

Въ это время раздался сигналъ къ отходу поѣзда. Въ тотъ моментъ, когда онъ медленно двинулся съ мѣста, къ вагонамъ подбѣжала вся запыхавшаяся Таня Липская. Мошковъ и Вѣринъ помогли ей вскочить въ двигающійся уже поѣздъ, и всѣ радостно привѣтствовали запоздавшую.

— Простите, Георгій Ивановичъ, — начала оправдываться Таня, — но, право, я не виновата. Меня забыли

разбудить. Я сама уже проснулась около шести часовъ. Едва-едва успѣла, Вотъ скандалъ! Простите, ради Бога!

— Все хорошо, что хорошо кончается, — весело отвѣтилъ Мошковъ, — вы съ нами, ну, и все прекрасно, а я уже хотѣлъ остаться, чтобы ѣхать съ вами со слѣдующимъ поѣздомъ.

Публики ѣхало мало и въ удобномъ красивомъ дачномъ вагонѣ съ буковой мебелью „экскурсанта“, какъ окрестилъ Милкинъ всю компанію, очутились одни. Всѣ одѣлись соотвѣтственнымъ образомъ. Дамы облачились въ короткія юбки, корсеты были замѣнены мягкими лифчиками, на ногахъ красовались удобные башмачки почти безъ каблучковъ, головы покрывали соломенные шляпы съ широкими полями. Особенно изящно одѣлась Смѣльская, на которую часто и съ нескрываемымъ восхищеніемъ поглядывалъ Варваринъ. Прелестна была и Милочка въ своей бѣлой матроскѣ. Отецъ сначала не хотѣлъ ее брать, боясь, что она устанетъ, но Милочка такъ пристала къ нему, представила столько вѣскихъ резоновъ въ пользу того, что ее дома съ Марихенъ никакъ оставить нельзя, что генералъ въ концѣ концовъ уступилъ, и теперь Милочка, въ полномъ восхищеніи, прижимась къ Марихенъ, говорила:

— О Боже, Боже, Марихенъ, дорогая, какъ я рада, что ѣду! Скорѣй Георгій Ивановичъ устанетъ, и Нина Павловна устанетъ, а мы съ тобой никогда, никогда не устанемъ. Я вѣдь цѣлыми днями бѣгаю и не устаю, не такъ-ли, прелесть моя?

Съ этими словами дѣвочка крѣпко обняла гувернантку и горячо поцѣловала ее въ щеку.

Вѣринъ одѣлся въ штатское. Когда онъ бывалъ за границей, ему часто приходилось гулять тамъ по горамъ. Для подобныхъ прогулокъ онъ заказалъ себѣ въ Дрезденѣ спеціальныя „туристскій“ костюмъ, а также удобные горные штиблеты. На спину онъ надѣлъ мѣшокъ-ранецъ изъ непромокаемой парусины, въ который положилъ разную провизію и нѣсколько бутылокъ вина.

Такіе же мѣшки имѣли Мошковъ и кадетъ. Оба эти мѣшка заботами Мошкова были наполнены разной ѣдой и виномъ.

Въ Пятигорскѣ всѣ вышли и здѣсь къ нимъ присоединился Толчинъ, симпатичнаго вида блондинъ, лѣтъ сорока пяти, хорошій знакомый Вѣрина, страстный любитель природы вообще, а кавказской въ частности.

Мошковъ предложилъ до подножія Бештау доѣхать на

извозчикахъ. Предложеніе его было принято. У начала тропинки, которая вела на гору, возницѣ отпустили и началось восхожденіе.

— Девять часовъ всего, — замѣтилъ Толчинъ, — солнышко пока еще не слишкомъ печетъ.

Утро выдалось на славу. Съ первыхъ же шаговъ туристы втянулись въ лѣсъ, которымъ густо заросла подошва Бештау. Тропинка поднималась вверхъ довольно полого и начало пути не представляло никакихъ трудностей. Впереди шли Толчинъ, Вѣринъ, Милочка съ Марихенъ и кадетъ. За ними Мошковъ съ Таней и Милкинъ. Замыкали шествіе Смѣльская и Варваринъ.

Нина Павловна не была втянута въ этотъ родъ спорта и очень быстро стала уставать. Ея полненькая фигурка, видимо, не чувствовала себя въ своей сферѣ. Варваринъ замѣтилъ это и предложилъ ей руку. Ниночка оперлась на нее, но очень скоро оказалось, что подъ руку итти еще неудобнѣе; попытку эту пришлось оставить.

— А ты, Милочка, — спросилъ Толчинъ, — дойдешь до вершины; по дорогѣ не попросишь, чтобы мы несли тебя?

— Ну, что вы говорите, Алексѣй Евгеньевичъ, — солидно отвѣтила дѣвочка, легко и бодро шагая по узкой тропинкѣ, вьющейся между деревьями, — я то ужъ никогда не устану и Марихенъ тоже. Мы вѣдь цѣлые дни гуляемъ. Такая прогулка для насъ сушіе пустяки. Право!

— А ты знаешь, — продолжалъ Толчинъ, — что значить въ переводѣ на русскій Бештау? Это значить „Верблюжья гора“. А называется она такъ потому, что издали, если смотрѣть на нее, то кажется, что лежитъ гигантскихъ размѣровъ верблюдъ. Ты замѣтила?

— Нѣтъ, не замѣтила, — отвѣтила дѣвочка, — но разсмотрю, когда мы вернемся внизъ. Хорошо, что вы мнѣ это сказали. Это для меня, страшно, страшно интересно. И все видно: и голова верблюда, и его длинная шея, и горбы? Все, все?

— Ну все — не все, — улыбаясь сказалъ Алексѣй Евгеньевичъ, — но общее сходство, дѣйствительно, есть. Ты только присмотри!..

— Ну, какъ, богиня, дѣла? — говорилъ въ это время Мошковъ, тяжело переваливаясь рядомъ съ легко и граціозно ступающей Таней, — устали?

— Ничего подобнаго, а я вотъ за васъ боюсь: очень ужъ вы запыхались. Не слишкомъ ли эта прогулка будетъ для васъ утомительной?

— Конечно, солнечный лучъ моей закатывающейся жизни, — съ подавленнымъ вздохомъ отвѣтилъ Мошковъ, — эта гимнастика совсѣмъ не нравится моему больному сердцу, но за то я съ вами, люблюсь этой дивной головкой и усталость моя отходить на самый задній планъ. Чего только человѣкъ не совершить въ порывѣ увлеченія?.. А вы, богиня, такъ меня увлекаете, что я способенъ и не на такой еще подвигъ, какъ восхождение на эту Верблюдъ-гору, чтобы ее чортъ побралъ, — спотыкаясь воскликнулъ Мошковъ.

— Георгій Ивановичъ, — тихо сказала-Таня, — я васъ не совсѣмъ понимаю: вы, говоря постоянно, что восхищаетесь мною и даже... любите меня, вѣдь только шутите?.. Я для васъ только дѣвчонка, съ которой вы иногда отъ скуки любите поболтать? Такъ-ли я понимаю?..

Мошковъ вздохнулъ, помолчалъ немного и потомъ, какъ бы нехотя, проронилъ:

— Какія тамъ шутки?! Мнѣ не до шутокъ, ангелъ мой. Хотя и глупо, что я, какъ семнадцатилѣтній выюноша такъ увлекаюсь, но мало-ли на свѣтѣ глупаго? Впрочемъ, вѣдь вамъ мое увлеченіе никакого вреда принести не можетъ: комиченъ только я, а не вы, которой до меня и дѣла мало. Я, богиня, до того скромнень, до того нетребователенъ, что мое поклоненіе васъ обидѣть не можетъ. Не можетъ же божество запретить любить себя. Богини и существуютъ исключительно для того, чтобы ихъ обожали и имъ поклонялись, — пошутилъ Мошковъ.

— А если богиня сама увлечется своимъ поклонникомъ, — чуть слышно сказала Липская. — Что тогда? Вѣдь, и это бываетъ. Какъ въ этомъ случаѣ поступить богинѣ?

Мошковъ, несмотря на духоту, почувствовалъ, что кровь отливаетъ отъ его головы. Онъ упивался словами Тани и только все чаще и чаще вздыхалъ. Ему не приходило на умъ подходящій отвѣтъ, а потому, когда Таня замолчала, они нѣсколько времени продолжали путь въ безмолвіи. Наконецъ, онъ какъ бы собрался съ духомъ и нѣсколько вибрирующимъ голосомъ отвѣтилъ:

— То, что вы сказали, Таня, до того меня озадачило, что я не могу сейчасъ ничего вамъ возразить. Дайте собраться съ мыслями. Я боюсь теперь, что вы подшучиваете надо мной. Но разговоръ мы этотъ возобновимъ...

Въ этотъ моментъ подошелъ Милкинъ и смѣясь объявилъ имъ, что, вѣроятно, Нина Павловна не въ состояніи

будетъ добраться до вершины горы, такъ какъ она уже едва двигается и съ трудомъ перебираетъ своими крошечными ножками.

— Варваринъ, хотя и очень старается, — добавилъ Милкинъ, — но, кажется, ему останется одно: посадить Нину Павловну на свои могучія плечи и доказать этимъ ей не только свою преданность, но и силу.

Смѣльская со своимъ кавалеромъ, дѣйствительно, подвигалась впередъ очень медленно; Ниночка очень быстро выдохлась.

— Отдохнемъ немного, — предложилъ Варваринъ, — мы ихъ нагонимъ на привалѣ; дорога вѣдь все равно одна.

Нина Павловна виновато взглянула на капитана своими прекрасными, лучистыми глазами, въ которыхъ выражалась страшная усталость и покорно отвѣтила:

— Хорошо, Александръ Николаевичъ, посидимъ немного. Я не привыкла ходить по горамъ и сердце у меня слабое, задыхаюсь. Я для всѣхъ только обуза. И для васъ!

— Ниночка, — горячо возразилъ Варваринъ, — переходя на „ты“, — какая же ты обуза? Я, напротивъ, совершенно не жалѣю, что мы отстаи. Ты, безцѣнная, знаешь, какъ я дорожу твоимъ обществомъ, какъ ты безконечно дорога мнѣ.

И въ то же время онъ подумалъ:

— Устала, бѣдненькая, но ты, Саша, можешь использовать эту усталость... Посмотри на ея щечки, какъ раскраснѣлись. Одна прелесть! Везетъ тебѣ! Лови же „моментъ“.

Капитанъ въ сторонѣ отъ тропинки разостлалъ свою сѣрую легкую накидку, которую онъ предусмотрительно захватилъ съ собой, и заботливо усадилъ на нее Ниночку, самъ опустившись около нея.

— Ты лягъ на спину, Нина, — сказалъ онъ Смѣльской, — только тогда хорошенько отдохнешь, а ноги вытяни и положи вотъ на этотъ пенекъ; моментально кровь отъ ногъ отольетъ и тогда итти будетъ опять легко.

Ниночка покорно исполнила этотъ совѣтъ, сняла шляпу, легла на спину, положила пятки на пенекъ и въ этой позѣ, закрывъ глаза, застыла. Кругомъ царила полная тишина. Вся остальная компанія ушла далеко впередъ. Въ лѣсу было прохладно; чуть замѣтный вѣтерокъ едва колебалъ листья деревьевъ, только чириканье птицъ нарушало общую тишину.

Варваринъ находился въ самомъ блаженномъ состояніи

въ теченіи всего этого мѣсяца. Здоровье его не оставляло желать ничего лучшаго. Нарзановы ванны дѣйствовали на него отлично и нѣсколько дней тому назадъ онъ началъ купаться въ холодномъ бассейнѣ, куда можно было войти лишь съ особаго разрѣшенія врача, въ виду опасности этихъ купаній для людей съ плохимъ сердцемъ. Романъ съ Смѣльской окуталъ дымкой поэзіи его пребываніе въ Кисловодскѣ. Капитанъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ онъ привязывается къ Ниночкѣ все больше и больше.

— А хороша перепелочка, — думалъ онъ, разсматривая Смѣльскую, — какая восхитительная фигурка, даже безъ корсета; какъ рельефно обрисовывается бюстъ. Трудно повѣрить, что у такой крошки такое богатство. Устала, бѣдняжка, и глазки закрыла. Надо пощекотать, а то еще заснетъ...

Онъ взялъ длинную травку и сталъ ею водить подъ Ниночкинымъ подбородкомъ. Нина открыла глаза, тожно посмотрѣла на своего спутника, затѣмъ снова опустила вѣки и глубоко вздохнула. Варваринъ тихо, тихо наклонился и приложилъ свои губы къ ея полуоткрытому роту. Ниночка отдала поцѣлуй и прошептала:

— Не надо, голубчикъ, дорогой... пойдемъ скорѣй, а то никогда ихъ не догонимъ. Намъ надо торопиться... Ну, поцѣловаль и довольно... Идемъ же?

Говоря это, Смѣльская, однако, продолжала лежать съ закрытыми глазами и повторяла все тише и тише:

— Ну, довольно, сокровище мое, идемъ... оставь, голубчикъ, мы такъ отстали... надо ихъ догнать... А вдругъ насъ еще увидятъ?!. Идемъ же!..

Авангардъ колонны, между тѣмъ, вышелъ изъ лѣса и сталъ подниматься по довольно крутой тропинкѣ. Солнце поднялось уже высоко. Начинало припекать. Легко шли только Толчинъ, Милочка, Марихенъ и кадетъ, остальные сильно устали; особенно Мошковъ,

— Когда же мы, наконецъ, Алексѣй Евгеньевичъ, — взмолился онъ, — сдѣлаемъ большой приваль. Время уже основательно отдохнуть и закусить. Да и Нина Павловна со своимъ кавалеромъ очень отстала

— Еще немножко потерпите, — отвѣтилъ Толчинъ, легко и весело шагая своими длинными ногами, обутыми въ какіе то не то туфли, не то лапти, — скоро, скоро мы дойдемъ до того мѣста, гдѣ можно будетъ и остановиться, а сейчасъ рано еще, да и негдѣ присѣсть, вѣдь вездѣ открытое мѣсто, а скоро опять пойдетъ лѣсъ, будетъ тѣнь,

ручеекъ; все будетъ, получите достойную награду за свои труды.

— Скорѣй бы ужъ, — пробормоталъ Мошковъ, — я пить хочу. А вы, богиня, устали?

— Нѣтъ, ничего, — кокетливо улыбаясь, отвѣтила Липская, — чуть-чуть, пожалуй, но все же страшно, страшно рада, что вижу всю эту картину. Вѣдь, это же прелесть...

— Вотъ мы и пришли, наконецъ, — торжественно объявилъ Толчинъ, сбрасывая съ себя ранецъ-мѣшокъ и разстилая въ сторонѣ отъ дороги свой плащъ. — Развѣ здѣсь не дивно?

Дѣйствительно, это мѣсто для привала оказалось вполне подходящимъ. Здѣсь тропинка расширилась и проходила мимо гранитной нѣскольکو нависшей скалы. Получалось нѣчто въ родѣ платформы, защищенной и отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, и отъ вѣтра. Склонъ же горы здѣсь былъ покрытъ деревьями, между которыми извивался ручеекъ съ хрустально-прозрачной, холодной водой.

— Вотъ гдѣ прекрасно, такъ ужъ прекрасно! — восторженно сказала Милочка, оглядываясь по сторонамъ, — ну, и вѣсть же я хочу, а ничуть, ничуть не устала. А ты, Мари-хень, устала?

Марія Оскаровна хлопотала въ это время около мѣшковъ, которые сняли съ себя Вѣринъ и кадетъ. Толчинъ передалъ ей изъ своего мѣшка всю провизію и двѣ бутылки вина.

Гувернантка разостлала на землѣ салфетку и разложила на ней хлѣбъ, цыплятъ, яйца, пирожки, сыръ, ветчину, фрукты и конфеты. Вѣринъ откупорилъ бутылки съ виномъ и поставилъ на салфеткѣ дорожные стаканчики и термосъ съ молокомъ для Милочки. Въ скоромъ времени подошли Мошковъ съ Таней, его мѣшокъ былъ тоже опорожненъ. Мошковъ съ наслажденіемъ растянулся вблизи импровизированнаго стола и блаженно поглядывалъ то на Таню, которая усѣлась рядомъ съ нимъ, то на аппетитно сервированный завтракъ. Собрались всѣ, кромѣ Смѣльской и Варварина.

— Мнѣ кажется, — рѣшительно предложилъ Мошковъ — что намъ можно приступить къ завтраку, не ожидая запоздавшихъ; вѣдь они могутъ замѣшкаться; мы для нихъ отложимъ часть провизіи и бутылку вина. Ждать же передъ скатертью-самобранкою, не прикасаясь къ вѣдъ, свयेше силъ человѣческихъ, искушеніе слишкомъ велико!

Мнѣніе Георгія Ивановича встрѣтило общее сочувствіе,

и туристы приступили къ завтраку. Увлеклись имъ всѣ настолько, что первое время только и слышалось:

— Пожалуйста, передайте ветчину... соль прошу, не поссоримся, не бойтесь... хотите еще хлѣба?... налейте вина.

Одна Милочка и ѣла, и болтала, требовала вина вмѣсто молока, бѣгала къ роднику и ни минуты не оставалась въ покоѣ.

— Папочка, милый, — обратилась она къ отцу, — ну, дай же мнѣ капельку вина... ну, чуть-чуть, пожалуйста, миленькій... Марихенъ вѣдь пьетъ, вотъ она уже второй стаканчикъ себѣ наливаетъ... могу и я?

Вѣринъ съ улыбкой налилъ въ стаканъ нѣсколько капель вина, прибавилъ воды и далъ стаканъ дочери.

Милочка залпомъ осушила стаканчикъ, сдѣлала гримасу и съ разочарованіемъ сказала:

— Не вкусно, кисло; молоко лучше. Заѣмъ конфеткой, а то непріятно во рту.

Послѣ завтрака Милочку съ большимъ трудомъ удалось уложить на непромокаемый плащъ отца, чтобы она отдохнула. Рѣшено было дожидаться отставшихъ; они явились на привалъ черезъ часъ. Ниночка имѣла видъ очень усталый и съ трудомъ передвигала ноги. Варваринъ же сіялъ бодростью и сразу съ жадностью набросился на завтракъ и вино; съ удовольствіемъ и основательно поѣла и Смѣльская.

— Вѣдь вотъ, — вдругъ началъ громко философствовать Вѣринъ, лежа на землѣ около Милочки и разсматривая плывущія надъ нимъ облака, — что можетъ быть лучше такой минуты! Въ хорошей компаніи, на лонѣ природы въ волшебной странѣ, послѣ здороваго пріятнаго утомленія такъ прекрасно позавтракать и теперь, наслаждаясь блаженнымъ состояніемъ насытившагося и слегка опьянѣвшаго человѣка, любоваться этимъ восхитительнымъ небомъ, этимъ чуднымъ видомъ и этими милыми, пріятными лицами! Право, хотя я не молодъ, и въ общемъ пессимистъ, но жизнь въ эту минуту мнѣ кажется безконечно прекрасной, и я готовъ жить вѣчно...

— А мнѣ, папочка, — соннымъ голосомъ прервала отца Милочка, — жизнь всегда, всегда кажется хорошей, и я никогда, никогда не умру.... всегда буду жить, всегда, всегда...

— Милочка, не разговаривай, — остановила дѣвочку Марихенъ, — постарайся уснуть, а то не успѣешь отдохнуть.

Всѣ притихли и многіе задремали. Кадетъ заснулъ такъ крѣпко, что скоро даже захрапѣлъ.

— Ну-съ, господа, — встрепенулся Толчинъ, когда по его соображеніямъ путники отдохнули достаточно, — можно и дальше двинуться. Намъ ходу всего часа полтора, не больше, а на вершинѣ отдохнемъ опять.

Начали собираться.

— Какой я чудный сонъ видѣла, — объявила Милочка, сладко потягиваясь, — право, замѣчательно чудный... Только не помню уже, а славный былъ сонъ... Ты, Мари-хень, какой сонъ видѣла? Хорошій!

— Я видѣла, Милочка, — улыбаясь отвѣтила Мари-хень, — что ты совершенно перестала шалить и стала учиться еще лучше.

— Ну, это ты шутишь! Ничего, должно быть, ты во снѣ не видала! А что я шалю, такъ это хорошо. Папа говорилъ, что онъ не любитъ тихихъ дѣтей. Онъ любитъ, когда я шалю. И ты, Марихень, любишь, когда я шалю. Вѣдь да, да, да? Ну, говори! — теребя нѣмочку за платье, приставала Милочка.

Очень неохотно поднялась Ниночка; она предпочла бы пролежать такъ цѣлый день. Ея красивые желтые ботинки жали ноги, а потому итти ей было тяжело, а порою даже мучительно; сказать объ этомъ она, однако, стѣснялась да и пользы отъ этого никакой не было: помочь ей никто не могъ бы.

Толчинъ и Милочка опять открыли шествіе, за ними пошли Марихень и Вѣринъ, а дальше поплелись остальные. Итти теперь уже все время приходилось по открытому мѣсту, и солнце припекало порядочно. Дорога поднималась все круче и круче. Почти всѣ, особенно Мошковъ, Милкинъ и Смѣльская, сильно устали и двигались медленно, часто останавливаясь и переводя духъ. Толчинъ же съ удивительной для его лѣтъ живостью неудержимо несясь впередъ такъ, что за нимъ поспѣвали только Милочка и кадетъ. Не слышно было ни разговоровъ, ни шутокъ; всѣ притихли и шли молча. Около памятника, въ честь извѣстнаго изслѣдователя Пастухова, былъ сдѣланъ маленькій привалъ; съ этого мѣста путешественники наши полюбовались на далеко открывшійся передъ ними горизонтъ. Эльбрусъ, впрочемъ, былъ закрытъ туманомъ, и по небу плыли подозрительныя облака, на которыя Толчинъ поглядывалъ очень неодобрительно. Около одиннадцати часовъ утра туристы достигли, наконецъ, вершины Бештау. Здѣсь

была досчатая постройка въ видѣ барака, при которой находился сторожъ. Толчинъ распорядился о самоварѣ. Изъ барака вынесли столъ, на которомъ разложили остатки провизіи и, когда всѣ подошли, компанія принялась за чай, который показался всѣмъ удивительно вкуснымъ. Пришлось ставить самоваръ вторично. Уже черезъ полъ-часа у большинства усталость совершенно исчезла, а сознаніе, что впереди никакихъ горъ брать не придется, привело даже и заморившуюся Смѣльскую въ оживленно-радостное настроеніе.

Милкинъ затянулъ тоненькимъ и слабенькимъ, но довольно пріятнымъ теноркомъ— „Горныя вершины“. Сначала пѣвцу стала подтягивать одна Милочка, къ ней присоединились Марихенъ и Вѣринъ, а потомъ и всѣ остальные начали подпѣвать или дѣлать видъ, что подпѣваютъ. Толчинъ въ позѣ дирижера принялся управлять импровизированнымъ хоромъ, при чемъ густой басъ его гармонично сливался съ теноркомъ Милкина и высокимъ сопрано Марихенъ. Сторожъ барака съ удивленіемъ глядѣлъ на пѣвцовъ; улыбка удовольствія скользнула было по его лицу, но онъ быстро подавилъ ее и принялъ прежній, равнодушно-солидный видъ. Послѣ первой пѣсни спѣли еще двѣ, но потомъ всѣ разбрелись въ разныя стороны и стали любоваться открывавшейся съ вершины горы величественной картиной.

— Сейчасъ, Милочка, — объяснялъ дѣвочкѣ Толчинъ, — облачно, а потому не видно цѣпи снѣговыхъ горъ, а вотъ по утрамъ, когда ни облаковъ, ни тумана нѣтъ, вся снѣговая цѣпь Кавказскихъ горъ видна совершенно ясно отсюда. Это восхитительное зрѣлище!..

— Хотѣла бы я это видѣть, — задумчиво отвѣтила Милочка, — а, впрочемъ, когда нибудь, навѣрное, увижу! Я еще разъ приду сюда съ папой и Марихенъ, непременно приду.

— Ну-съ, господа! — пригласилъ Толчинъ, — надо двигаться дальше, хотя, кажется, скоро начнется дождь.

Около часа дня наши туристы стали спускаться съ Бештау. Было рѣшено выйти къ Желѣзноводску, а оттуда по желѣзной дорогѣ возвратиться въ Кисловодскъ. Назадъ идти было гораздо легче, хотя временами при крутыхъ спускахъ приходилось почти бѣжать. Вѣрину пришлось взять дочь за руку, такъ какъ она неудержимо кубаремъ летѣла впередъ и даже два раза упала. Варваринъ все время заботливо поддерживалъ Смѣльскую, которой пришлось особенно плохо, такъ какъ она оказалась совер-

шенно неспособной спускаться по крутой горной тропинкѣ и безъ помощи капитана, вѣроятно, очутилась бы въ безвыходномъ положеніи. Предсказанія Толчина сбылись, и, когда вся компанія подходила къ Желѣзноводску, разразился сильнѣйшій ливень, отъ котораго не могли спасти никакіе плащи. Скоро дорога сдѣлалась страшно грязной и скользкой. Мокрые, усталые, но все же бодрые и веселые дотащились, наконецъ, путники до желѣзноводской желѣзнодорожной станціи. Ливень къ этому времени утихъ, и опять засіяло солнце. Поѣздъ шелъ еще черезъ часъ. Возвращеніе не было такъ весело, какъ начало путешествія, но все же въ концѣ-концовъ наши туристы благополучно добрались до Кисловодска, сохранивъ отъ восхожденія на Верблюдъ-гору самое пріятное воспоминаніе.

Х.

Около семи часовъ вечера на обширной террасѣ-балконѣ меблированной дачи Ганешина всѣ жильцы ея собрались ужинать. Дача эта въ Кисловодскѣ, по справедливости, считалась однимъ изъ лучшихъ помѣщеній. Здѣсь комнаты сдавались помѣсячно и сравнительно обстановка ихъ была весьма приличной. За однимъ изъ столовъ въ углу сидѣли артисты Московскаго Художественнаго театра—Станиславскій, Лилина, Качаловъ, Бравичъ съ женой и другіе. За этимъ столомъ царило всегда особенное оживленіе. Генераль-адъютантъ Аргамаковъ со своими двумя племянниками занималъ отдѣльный столикъ, вблизи котораго расположились Вѣринъ съ Милочкой, Марихенъ и Милкинъ.

Съ веранды открывался видъ на казенный паркъ, обсаженный елями.

— Какой восхитительный денекъ сегодня, Ваше Высочество, — обратился Вѣринъ къ Аргамакову, который въ эту минуту сосредоточенно разбивалъ яйцо, подозрительно обнюхивая его.

— Денекъ дивный, — словоохотливо отвѣтилъ старикъ, — денекъ рѣдкій, — повторилъ онъ, поднося ложечку ко рту, — меня даже мои ревматизмы меньше беспокоятъ...

— Ахъ, да, да, — перебила дядю Варвара Николаевна, дѣвушка лѣтъ сорока, съ лицомъ уже увядшимъ, но сохранившимъ еще слѣды былой красоты, — дядѣ сейчасъ отлично, прямо удивительно!..

— Денекъ, дѣйствительно, отличный, — продолжалъ генераль, — и, вѣроятно, погода и дальше насъ порадуетъ. Въ сочлененіяхъ не болитъ—это очень утѣшительный признакъ. Мои ревматизмы—вѣрнѣйшій барометръ... Ну, что подѣлываете? Что это Мошкова не видно? Хотя онъ и большой радикаль, но я все же люблю его; неглупый человѣкъ и вполне приличный при томъ...

— Какой же онъ радикаль? — возразилъ Вѣринъ, — вѣдь онъ октябристъ, то есть, скорѣе консерваторъ.

— Ну, рассказывайте! Все теперь заражено; всѣ сейчасъ радикалы. О кадетахъ я и не говорю уже; это прямо злѣйшіе враги Россіи съ ихъ демагогіей самаго низкаго сорта. А этотъ, главный то ихъ, Милуковъ, вѣдь только и мечтаетъ о томъ, какъ бы превратить насъ въ республику и самому сдѣлаться президентомъ. И такой лицемѣръ, іезуитъ, все прикрывается звонкими фразами... Терпѣть его не могу! Право, они доведутъ насъ до страшнѣйшей революціи, а революція въ Россіи непременно превратится въ пугачевщину. Увѣренъ въ этомъ!

— Мнѣ кажется, Ваше Высокопревосходительство, что вы смотрите слишкомъ мрачно на современное положеніе вещей. Вѣдь, государство и его учрежденія должны же эволюціонировать, не можемъ же мы оставаться при тѣхъ формахъ жизни, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ самосознанію народа и...

— Простите, Иванъ Петровичъ, — перебилъ Вѣрина Аргамаковъ, — я не противъ эволюціи, но я противъ демагогіи, а сейчасъ всѣ наши партіи, особенно кадетская, помѣшались на томъ, чтобы всякими несбыточными обѣщаніями, всякими посулами и разными подозрительными приемами привлечь на свою сторону массу, массу дикую и малосознательную. Не о благѣ Россіи думаютъ всѣ эти демагоги, а только о своей популярности, а она имъ нужна для того, чтобы со временемъ при помощи черни захватить власть въ свои руки. Но игра эта безконечно опасна. Можно доиграться до того, что не вы поведете массу за собой, а она васъ потащитъ на арканѣ. Наши демагоги, чего они, конечно, не хотятъ, такъ и до коммунизма доиграются. Расшевелите только звѣря! Я то, слава Богу, ничего этого не увижу, мнѣ уже почти восемьдесятъ лѣтъ,

но вамъ, весьма возможно, придется на себѣ испытать всѣ ужасы россійской революціи.

— Ваше В-ство, — вмѣшался въ разговоръ Милкинъ, — разрѣшите возразить вамъ... Какъ мнѣ кажется, страхи ваши почвы подъ собой не имѣютъ... Вспомните, какъ легко была подавлена революція 1905 года; и, думаю я, въ простомъ народѣ такъ еще сильна вѣра въ Бога и въ царя, что никакая общая революція въ Россіи еще долго не будетъ мыслима.

— Ну, — спокойно возразилъ Аргамаковъ, — это не совсѣмъ такъ. Революцію 1905 года удалось подавить съ большимъ трудомъ. А, главное, наше правительство въ дни возстанія оказалось совсѣмъ не на высотѣ. Всѣ растерялись, для Государя уже все приготовили къ бѣгству въ Англію; казалось, вотъ-вотъ Витте будетъ арестованъ Хрусталевымъ-Носаремъ, этимъ предсѣдателемъ какого-то подпольнаго совѣта рабочихъ, а войска начинали кой-гдѣ не только колебаться, но и прямо бунтовать. Все же такъ называемое „общество“ съ злорадствомъ слѣдило за борьбой законной власти съ шайкой пріѣзжихъ революціонеровъ, въ тайнѣ желая успѣха послѣднимъ. Какое-то полное затменіе нашло на всѣхъ.

— Но гдѣ же выходъ? — задалъ вопросъ Вѣринъ, — вы вотъ и правительство не одобряете, и общество, а надо же перестроить нашу жизнь какъ-нибудь такъ, чтобы мы могли быть спокойны за завтрашній день. Сейчасъ же этого нѣтъ. Что же намъ дѣлать, по вашему?

— Что дѣлать? Не бунтовать, понимаете, не бунтовать противъ правительства, хотя оно было бы и плохо. Хотя бы и плохое, это правительство надо поддерживать, а не подкапываться подъ него, какъ это дѣлаютъ Мошковъ, іезуитъ Милюковъ и К-о. Я вижу теперь вѣдь уже четвертое царствованіе и могу засвидѣтельствовать, что самое страшное для насъ—это быстрые скачки. Намъ гнаться за Европой нечего, слишкомъ мы отъ нея отстали.

— И Думу напрасно ввели? — спросилъ Милкинъ.

— Пожалуй, и парламентъ нашъ мы собрали преждевременно, — спокойно, допивая свое молоко, сказала Аргамаковъ. — Пока онъ намъ ничего хорошаго не далъ, а вреда принесть много. Онъ подорвалъ всякій престижъ власти и вооружилъ всю интеллигентную Россію противъ правительства и царя. До добра это довести не можетъ!

И Вѣринъ, и Милкинъ не соглашались съ генераломъ,

считая его ретроградомъ чистѣйшей воды, но спора дальше не продолжали, находя это совершенно безплоднымъ.

Въ это время мимо нихъ прошелъ управляющій Ганешина, краснощекий молодой человекъ, съ очень дѣловымъ и всегда чѣмъ то озабоченнымъ лицомъ. Аргамаровъ остановилъ его и внушительно проговорилъ:

— А сегодня мнѣ опять подали не вполне свѣжее яйцо. Прошу васъ принять мѣры къ устраненію подобныхъ случаевъ.

— Что вы, Ваше Высокопревосходительство,—горестно воскликнулъ управляющій,—вѣдь по шести копѣекъ плачу за яйцо и все же подсовываютъ старыя. Просто ума не приложу. Не безпокойтесь. Впредь прикажу каждое подаваемое Вашему Высокопревосходительству яйцо предварительно осматривать передъ свѣчкой.

Генералъ Аргамаровъ пользовался у Ганешина особыми привилегіями, такъ какъ онъ составлялъ для его меблированныхъ комнатъ рекламу.

Когда управляющій раскланявшись пошелъ дальше, къ нему обратилась молодящаяся, но давно уже перешедшая „предѣльный возрастъ“ дама съ просьбой:

— Николай Александровичъ, сегодня мнѣ опять подали тухлые яйца. Нельзя-ли приказать дать новыя? Будьте добры!

Управляющій мрачно и неодобрительно посмотрѣлъ на даму и довольно неучтиво отвѣтилъ:

— Сейчасъ яицъ нѣту... вышли, выпейте лишній стаканъ молока.

— Но я... — начала было дама.

Управляющій, не слушая, прошелъ дальше. Та обиженно посмотрѣла ему вслѣдъ и меланхолично потребовала себѣ второй стаканъ молока.

— Папа, — обратилась Милочка къ отцу, — папа, скажи мнѣ, отчего у Станиславскаго брови такія черныя, черныя, а волосы на головѣ совсѣмъ, совсѣмъ такі сѣдые? Мнѣ кажется, онъ какъ будто налѣпилъ себѣ брови. Право!

— Пойди, Милочка, — пошутилъ Вѣринъ, — сама къ Станиславскому и спроси его, почему брови у него такія черныя. Кстати, онъ сейчасъ вотъ смотритъ на тебя.

— Ну, папа, ты всегда придумашь, — сконфузилась Милочка, — развѣ такъ можно?

Стали вставать изъ-за столовъ.

Станиславскій, проходя мимо Милочки, съ улыбкой спросилъ ее:

— Ну, что, барышня? Хорошо на Бештау?

Дѣвочка въ первый моментъ опѣшила, но, быстро оправившись, весело отвѣтила:

— Чудесно! И я ничуть не устала. Одна прелесты!...

Послѣ ужина Вѣринъ со своими пошелъ къ себѣ. Онъ занималъ двѣ комнаты съ балкономъ въ сторону парка. Вечеръ выдался восхитительный. Марихенъ расположилась на балконѣ съ какой-то работой. Милочка возилась тутъ же со своими куклами, укладывая ихъ спать, а Вѣринъ, удобно развалившись въ креслѣ, наслаждался теплымъ вечеромъ и открывавшимся передъ нимъ видомъ. Онъ чувствовалъ себя въ очень благодушномъ настроеніи, которое, однако, почти всегда соединялось у него съ какой-то меланхоліей.

— Что вы такой грустный? — обратилась къ нему гувернантка, своими ловкими пальчиками возясь надъ передѣлкой какого то Милочкинаго платья.

— Я, Марія Оскаровна, всегда имѣю унылый видъ, — со вздохомъ отвѣтилъ Вѣринъ, — развѣ вы не успѣли къ этому привыкнуть?

— Вотъ это-то меня и удивляетъ, Иванъ Петровичъ! Оттого-то я и задала вамъ этотъ вопросъ. Все у васъ, кажется, хорошо идетъ, а вы постоянно о чемъ то грустите. Положимъ, ваша покойная жена была чуднымъ человѣкомъ, но вѣдь уже три года прошло со времени ея смерти. Нельзя всю жизнь оплакивать своихъ покойниковъ.

— Я, Марія Оскаровна, не о покойницѣ грущу, — задумчиво сказалъ Вѣринъ, — хотя я ее и очень любилъ, но время, дѣйствительно, излѣчиваетъ всякую печаль. Видите-ли, у меня просто меланхоличная натура, а главное, я — неудачникъ; потому-то я вѣчно въ кисломъ настроеніи и произвожу впечатлѣніе человѣка, недовольнаго своей судьбой.

— Неудачникъ? — удивленно протянула нѣмка — вотъ ужъ не пойму. Все у васъ есть: и состояніе, и чинъ, и хорошая служба, и прелестная дочь... Чего же вамъ еще нужно? Не понимаю.

— Охотно объясню вамъ это, Марихенъ. Не обижайтесь, если я васъ назову такъ, какъ Милочка васъ всегда называетъ. Вы такое милое существо, что я съ удовольствіемъ передъ вами облегчу свое сердце. Я вѣдь въ общемъ болтунъ, а вы добрая и терпѣливая; мнѣ будетъ пріятно высказать все передъ вами, вы смѣяться надо мною не будете, а посочувствуете мнѣ; сердечко то у васъ

золотое! Простите, если я не буду достаточно кратокъ, но въ двухъ словахъ этого не выскажешь. Итакъ, Марихенъ, суть вотъ въ чемъ. Я неудачникъ въ томъ смыслѣ, что у меня нѣтъ энергіи и воли для проведенія въ жизнь своихъ плановъ и намѣреній. Я никогда не имѣлъ достаточно характера, чтобы на чемъ нибудь остановиться и неуклонно итти по избранному пути. Я всегда плылъ по теченію, хотя и мечусь всю жизнь. Надо вамъ сказать, что въ молодости у меня были кое-какіе таланты. Я чувствовалъ большую склонность къ литературѣ. Написалъ даже повѣсть, которую издалъ на свои, скудные въ то время, средства. Повѣсть мою критика зло осмѣяла, хотя, право, въ ней было и кое-что достойное вниманія. Я упалъ духомъ, забросилъ литературу и сталъ стыдиться своего перваго произведенія. Одно время я увлекся поэзіей и началъ писать стихи. Но журналы забраковали мои первые опыты, и я рѣшилъ, что у меня нѣтъ поэтической жилки. Потомъ, когда я послѣ окончанія академіи сталъ казеннымъ защитникомъ, у меня оказался даръ слова, своими рѣчами въ нѣсколькихъ крупныхъ дѣлахъ я произвелъ фуроръ. Тутъ я задумалъ бросить службу и сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, но испугался, что буду бѣдствовать, а потому въ исполненіе своего намѣренія не привелъ; энергіи не хватило на это. Съ самаго чуть-ли не съ дѣтства я страстно любилъ театръ и одно время на любительскихъ спектакляхъ считался талантливымъ исполнителемъ. Мечталъ даже сдѣлаться актеромъ, но, конечно, характера для этого не хватило... Все это я говорю вотъ къ чему. Высшее счастье человѣка это заниматься тѣмъ дѣломъ, которое ему по душѣ, къ которому онъ чувствуетъ призваніе, тогда жизнь полна, все можно перенести, все пережить. А я вотъ всю жизнь занимаюсь дѣломъ, къ которому чувствую отвращеніе. Въ молодости я служилъ въ строю, котораго терпѣ не могъ, а потомъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, при чемъ къ этой службѣ всегда чувствовалъ и чувствую большую антипатію и только и думаю о томъ, какъ бы по выслугѣ какой либо пенсіи выйти въ отставку. Итакъ, Марихенъ, вы понимаете: я всю жизнь совершаю ненавистную мнѣ работу, я не нашелъ своего призванія, я не имѣлъ воли и энергіи, чтобы взяться за то, что могло бы дать мнѣ нравственное удовлетвореніе. Вы поняли, Марихенъ?

— Понимаю, — тихо отвѣтила дѣвушка, ниже опускающая голову надъ работой.

— А сердце мое, — продолжалъ Вѣринъ, — сосетъ

червь сомнѣнія. Мнѣ все кажется, что не будь я тряпкой, будь у меня больше воли, — я нашелъ бы свое призваніе: сдѣлался бы или писателемъ, или поэтомъ, или извѣстнымъ ораторомъ, или артистомъ. Возможно, что изъ меня вышелъ бы посредственный писателишка, или неважный актеръ, но то важно, что въ своей работѣ я нашелъ бы свое счастье, она дала бы мнѣ нравственное удовлетвореніе. Къ тому же, признаюсь вамъ, хотя я отличался всегда страшной застѣнчивостью, принесшей мнѣ много вреда въ жизни, но у меня, какъ это ни странно, дьявольское честолюбіе. Я не могу примириться съ мыслью, что вся моя жизнь протечетъ совершенно безслѣдно. Мнѣ все кажется, что я могъ бы сдѣлать что-то такое, что выдѣлило бы меня изъ общей массы. Возможно, конечно, что я заблуждаюсь и у меня ни къ чему настоящаго призванія нѣтъ, но отъ этого мнѣ не легче: въ глубинѣ души то я все думаю, что талантъ у меня былъ, но я его не развилъ. Въ этомъ то и заключается трагедія моей жизни: я не нашелъ самого себя. Не знаю, ясно-ли я высказалъ вамъ свои сокровенныя мысли. Вотъ и пришлось вамъ выслушать мою исповѣдь. Простите, что такъ зарапортовался.

Въ эту минуту вдругъ къ Вѣринѣ совершенно неожиданно подскочила Милочка и охвативъ отца за шею и покрывая его лицо поцѣлуями, съ жаромъ заговорила:

— Папочка, милый, дорогой, не надо грустить... я все поняла. Вы думали, что я куклами занята, а я тебя слушала... и почти все поняла. Ты хочешь быть писателемъ, но думаешь, что поздно уже, а, по моему, никогда не поздно...

Вѣринъ и гувернантка переглянулись; они и не думали, что Милочка слушаетъ ихъ.

— Ну, Милочка, wollen wir schlafen gehen, es ist schon Zeit, — сказала Марихенъ, проводя рукою по роскошнымъ волосамъ дѣвочки.

Милочка отправилась укладываться спать, а Вѣринъ остался одинъ на балконѣ. Потомъ онъ вошелъ въ комнату дочери, которая уже была въ постели и еще разъ обнялъ ее. Марихенъ переодѣлась въ широкій мягкій пеньюаръ и тоже вышла на балконъ, гдѣ усѣлась около столика со своей работой. Двери съ балкона въ комнату Милочки закрыли, чтобы не мѣшать ей спать. Для того, чтобы заснуть, дѣвочка нуждалась въ полной тишинѣ, но потому она спала очень крѣпко и разбудить ее было очень трудно. Вѣринъ окончательно размякъ и пришелъ въ то болтливо-

экспансивное настроеніе, которое иногда имъ овладѣвало въ присутствіи хорошенькой рижанки.

— Вы понимаете, Марихенъ,—заговорилъ онъ опять,—меня мучить сознаніе моего собственнаго ничтожества. Я завидую самому мелкому писателю, самому маленькому журналисту. Мнѣ горько, что вотъ я, Иванъ Петровичъ Вѣринъ, такъ ничтоженъ, такъ безслѣдно пройду свой жизненный путь.

— Не всѣмъ же быть писателями и журналистами, — сочувственно и мягко улыбаясь, возразила Марихенъ, — а вы хороший судья, хороший отецъ, и вообще... прекрасный человѣкъ... Чего вамъ еще?..

— Ахъ, это совсѣмъ, совсѣмъ не то. Но что все обо мнѣ говорить. Поговоримъ лучше о васъ. Вотъ вамъ я открылъ свою душу, а теперь вы пріоткройте мнѣ свою святая—святыхъ. Вы такая молчаливая; только слушаете, а я хочу, чтобы и вы со мной говорили по душѣ. Не бойтесь меня!

— Что я вамъ, Иванъ Петровичъ, могу сказать о себѣ? Жизнь моя не была интересной. Да и вы все знаете обо мнѣ.

Воцарилось молчаніе. Вѣринъ залюбовался лицомъ Марихенъ, склонившейся надъ работой. Въ глубинѣ души онъ давно уже чувствовалъ страшную нѣжность къ этой дѣвушкѣ, но считалъ, что въ виду разности лѣтъ о взаимности чувства и рѣчи быть не можетъ. Сейчасъ же послѣ задушевной бесѣды съ ней ему пришло въ голову острожно позондировать почву. Ему мучительно захотѣлось узнать, не ошибся ли онъ.

— Скажите, Марихенъ, — волнуясь и запинаясь началъ Вѣринъ, — какъ вы думаете, можетъ ли молодая дѣвушка полюбить такого старика, какъ я. Только ради Бога, говорите правду.

— Во первыхъ, вы еще не старикъ, а, во вторыхъ, я думаю, что васъ полюбить можно.

— Вы правду говорите?

— Я говорю то, что думаю, — едва слышно прошептала Марихенъ, ниже опуская голову надъ своей работой, чтобы скрыть залившій ея щеки румянецъ, — у васъ много сердца, вы благородный, умный, васъ всякая дѣвушка можетъ полюбить...

— Даже такая чудная дѣвушка, какъ вы?..

— Зачѣмъ вы это спрашиваете?.. Я для васъ не пара, а сдѣлать меня несчастной вы сами не захотите... Но поздно... Надо ложиться спать!..

Съ этими словами Марихенъ взяла лампу и понесла ее въ комнату, которая служила Вѣрину одновременно и гостиной, и спальней. Поставивъ лампу на столъ, нѣмка повернулась къ Ивану Петровичу со словами:

— Спокойной ночи!..

Вѣринъ въ это время запиралъ двери съ балкона, чтобы не налетѣли комары, и спускалъ шторы. Сердце его страшно билось.

— Марихенъ, — прошепталъ онъ, взявъ руку дѣвушки, — взгляните мнѣ прямо въ глаза. Я по нимъ угадаю. Умоляю!..

Вѣринъ, не выпуская изъ своихъ рукъ вдругъ похолодѣвшую ручку гувернантки, старался заглянуть ей въ лицо. Марихенъ сначала отворачивала свою хорошенькую головку, но затѣмъ съ подавленнымъ вздохомъ подняла залитое краской лицо и посмотрѣла прямо въ глаза Вѣрину. Въ нихъ онъ прочелъ и стыдъ, и страхъ, и любовь, и счастье. Онъ притянулъ Марихенъ къ себѣ, крѣпко обнявъ ее обѣими руками и впился губами въ ея губы. Марихенъ отвѣтила на его объятія страстнымъ, долгимъ поцѣлуемъ. Они сѣли на диванчикъ и долгое время не въ силахъ были сказать что-либо другъ другу. Они только цѣловали и ласкали другъ друга.

— Такъ ты, Марихенъ, меня любишь? — спросилъ, наконецъ, Вѣринъ, — дѣйствительно любишь? Это правда?..

— Правда, правда... давно, давно люблю, — горячо прошептала она.

— И ты согласна стать моей женой?

— Я рѣшительно на все, на все согласна... Я вѣрю вамъ...

— „Тебѣ“, а не „вамъ“, — перебилъ ее Вѣринъ.

— Ну, „тебѣ“ — конфузясь до слезъ, прошептала Марихенъ...

До глубокой ночи, прижавшись другъ къ другу на диванчикѣ, сидѣли они и въ полъ-голоса безъ конца говорили о прошломъ, о будущемъ, о Милочкѣ и о многомъ другомъ, о чемъ обыкновенно говорятъ влюбленные въ такія минуты.

Вѣринъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ и, какъ ему казалось, только въ эти мгновенія понималъ, какъ безконечно дорога ему Марихенъ, какъ онъ беззавѣтно любить ее.

— Можетъ ли быть большее счастье, — думаль Вѣринъ, — для человека моихъ лѣтъ быть любимымъ такимъ молодымъ, чистымъ и идеальнымъ существомъ! Въ сравненіи съ этимъ блаженствомъ все остальное ничего не стоитъ, даже слава, о которой я мечталь... Выше любви рѣшительно ничего нѣтъ!..

XI.

Тамаровъ большую часть времени жилъ въ Пятигорскѣ, гдѣ у него была хорошенькая квартирка на главной улицѣ. Въ Кисловодскѣ же онъ пріѣзжалъ два раза въ недѣлю; тамъ онъ довольствовался одной комнатою, которую снималь у знакомаго врача. Специальностью Тамарова были внутренія и нервныя болѣзни. Свое образованіе какъ среднее, такъ и медицинское онъ получилъ въ Италіи. Въ Россіи же въ началѣ этого столѣтія онъ сдалъ государственный экзаменъ, едва владѣя русскимъ языкомъ. Профессорамъ, — своимъ экзаминаторамъ — онъ отвѣчалъ по латыни и на всѣхъ европейскихъ языкахъ, въ зависимости отъ того, какой языкъ предпочиталь профессоръ. Экзаменъ, не взирая на слабое знакомство съ русскимъ языкомъ, Тамаровъ выдержаль блестяще. Практиковать онъ началъ въ Москвѣ, гдѣ очень скоро у него появилось большое количество паціентовъ. Лѣтомъ Тамаровъ пріѣзжалъ въ Пятигорскъ; здѣсь работы у него было еще больше, чѣмъ въ Москвѣ: у доктора было особое свойство очаровывать своихъ больныхъ. Большинство паціентовъ Тамарова въ скоромъ времени дѣлались его друзьями, и эта дружба продолжалась годами.

Около трехъ часовъ дня въ кабинетъ Тамарова, свѣтлой и обширной комнатѣ, уставленной легкой дачной мебелью, сидѣлъ Вѣринъ. Онъ пріѣхаль въ Пятигорскъ, чтобы побывать у своего постоянного доктора передъ приближающимся отъѣздомъ и посѣтить заодно своего пріятеля Толчина. Тамаровъ только что окончилъ подробный осмотръ Вѣрина, который, застегивая китель, спросилъ:

— Ну, что, Александръ Багратовичъ, какъ мои дѣла?

— Садитесь и поговоримъ, Иванъ Петровичъ. Все у васъ отлично и вамъ можно начать купаться въ бассейнѣ. Я сейчасъ напишу для васъ разрѣшительную записку; безъ нея не пустятъ. Этимъ лѣченіе мы и закончимъ. Все, все хорошо: и ишіасъ вашъ, и сердце и легкія... Прямо жениться можете...

— Я это и собираюсь сдѣлать.

— Какъ? — съ живѣйшимъ любопытствомъ, широко раскрывъ свои красивые восточные глаза, воскликнулъ докторъ, — вы не шутите?

— Ничуть. Это правда, милый Александръ Багратовичъ! И угадайте — на комъ?

Тамаровъ задумался на нѣсколько секундъ, потомъ улыбнулся и сказалъ:

— Das hübsche Fräulein. Nicht war?

— Какъ вы угадали, — невольно краснѣя, спросилъ Вѣринъ.

— На то я и докторъ, и пріятель вашъ; все долженъ знать. Отъ души поздравляю васъ, хотя, говоря правду, я думаю, что вы жениться не собираетесь.

— Почему?

— Видите-ли, — нѣсколько замѣшавшись отвѣтилъ Тамаровъ, — я подозрѣвалъ, что вы увлекаетесь своей фрейлейнъ, а она вами, но я не предполагалъ, что дѣло кончится женитьбой. Конечно, Марія Оскаровна „чудный“ дѣвушка, но этотъ бракъ можетъ помѣшать вашей карьерѣ и вообще я не знаю, есть ли въ немъ такая необходимость.

— Я собираюсь выйти въ отставку, — нѣсколько меланхолично отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — кромѣ того, я вѣдь не молодъ и только путемъ женитьбы надѣюсь прочно привязать къ себѣ Марихень. Безъ нея я сейчасъ положительно не могу себѣ представить жизни. И Милочка любить ее, какъ мать.

Вѣринъ сталъ прощаться съ докторомъ, такъ какъ вся его пріемная была заполнена ожидающими паціентами; вечеромъ они условились встрѣтиться у Толчиныхъ... На улицѣ Вѣринъ столкнулся съ Амаліей Генриховной Петерсенъ, направлявшейся къ Толчинымъ; она, какъ и Тамаровъ, жила въ Пятигорскѣ, пріѣзжая въ Кисловодскъ для массажа три раза въ недѣлю.

Вѣринъ давно зналъ Толчина по Москвѣ и очень любилъ его. Нравились ему также мать Толчина, семидесятипятилѣтняя старушка, обожавшая на свѣтѣ двѣ вещи: природу и своего сына, и жена Толчина, Елена Алексан-

дровна, немолодая уже дама, никогда не имѣвшая дѣтей, что очень сокрушало ее.

Толчины были дома. Приходъ гостей обрадовалъ ихъ. Дамы немедленно принялись готовить на балконѣ чай, причемъ имъ помогала Петерсенъ, а Вѣринъ вышелъ съ хозяиномъ въ садикъ, разбитый непосредственно за домомъ и шедшій по склону горы. Вѣринъ сообщилъ Толчину, что женится. Тотъ горячо поздравилъ его и сказалъ:

— Вполнѣ сочувствую вамъ и радъ. Марья Оскаровна во всѣхъ отношеніяхъ прелестная дѣвушка и, увѣренъ, вы будете съ нею вполнѣ счастливы, также, какъ и она съ вами.

— А вотъ Тамаровъ, кажется, мой бракъ не одобряетъ, — задумчиво проговорилъ Вѣринъ.

Въ это время пріятелей позвали къ чаю. На балконѣ все уже было готово, и старушка Толчина съ самымъ сердечнымъ радушіемъ принялась угощать Вѣрина душистымъ чаемъ, разными печеньями, вареньемъ и засахаренными сушеными фруктами.

— Знаете что? — предложилъ Толчинъ, — пойдемъ къ „Провалу“, а назадъ вернемся по „электричкѣ“.

Предложеніе это было принято и послѣ чаю всѣ, не исключая даже старушки, направились въ сторону „Провала“. По дорогѣ компанія зашла къ Тамарову, чтобы пригласить его на вечеръ. Докторъ уже кончилъ пріемъ больныхъ и собирался ѣхать верхомъ. Конюхъ въ грязной черкескѣ водилъ по двору невзрачную на видъ, гнѣдную осѣдланную лошадь. Тамаровъ съ желтыми крагами на ногахъ и въ картузѣ, напоминающемъ жокейскія шапочки, стоялъ у крыльца, весело помахивая хлыстикомъ.

— Когда вернетесь, докторъ, заходите къ намъ, — сказалъ Толчинъ, — мы часамъ къ семи будемъ уже дома. Откуда у васъ этотъ конь?

— Саджановъ одолжилъ, — отвѣтилъ Тамаровъ, — я еще на немъ не ѣздилъ. Кажется, лошадь „хорошій“. Ну, поѣду! До скорого! Я раньше васъ вернусь.

Съ этими словами докторъ началъ садиться на лошадь, которая, однако, не хотѣла стоять на мѣстѣ и безпокойно пятилась. Наконецъ, при помощи конюха Тамаровъ взобрался на сѣдло и побѣдоносно-весело съ улыбкой, показывая свои бѣлые, ровные зубы, оглянулся кругомъ. Вѣринъ подошелъ къ наѣзднику и, неодобрительно качая головой, сказалъ:

— Отвратительная сѣдловка, всего одна подпруга. Да и лошадка какая-то ужъ слишкомъ нервная. Будьте осто-

рожны, Александръ Багратовичъ. Судя по вашей посадкѣ, вы кавалеристъ не важный. Право, я боюсь за васъ. Разберите поводья хорошенько и не сжимайте такъ лошадь ногами: она, видимо, щекотлива.

— Ну, Иванъ Петровичъ, — нѣсколько обиженно проворчалъ докторъ, — хотя правильной верховой ѣздѣ я не учился, но съ „такой одрой“ всегда справлюсь; не въ первый разъ. Ну, до скорого!..

Съ этими словами Тамаровъ ударилъ каблуками по брюху лошади и некрасиво разставивъ локти, высоко подпрыгивая, выѣхалъ на улицу. Вѣринъ провожалъ его нѣкоторое время глазами, и со вздохомъ сказалъ:

— Не нравится мнѣ нашъ эскулапъ въ качествѣ наѣздника. Сидитъ онъ на лошади отвратительно и изъ сѣдла можетъ вылетѣть очень легко. Удивительно храбрый человѣкъ!

— Вы задѣли больное мѣсто доктора, — съ улыбкой замѣтилъ Толчинъ, — онъ считаетъ себя очень недурнымъ наѣздникомъ, хотя только этимъ лѣтомъ началъ ѣздить верхомъ. Впрочемъ, пока все идетъ у него благополучно: еще не падалъ.

Дорога къ „Провалу“ вела мимо ряда лучшихъ пятигорскихъ дачъ. Съ этой дороги открывался дивный видъ на синѣющія вдали казачьи станицы и горы. Совершенно незамѣтно, любуясь окрестностями и оживленно болтая, компанія дошла до конечнаго пункта своей прогулки. Хотя всѣ уже много разъ видѣли „Провалъ“, но все же опять прошли черезъ темную галлерейку, высѣченную въ склонѣ Машука, къ ярко-синему маленькому озеру, которое освѣщалось лучами солнца. Озеро, казалось, находилось на днѣ горы, расколовшейся сверху, чтобы пропустить къ нему дневной свѣтъ.

— Какой красивый цвѣтъ воды, — сказалъ Толчинъ. — Говорятъ, что глубина этого крошечнаго озера необыкновенна. По преданіямъ, здѣсь утопилась много лѣтъ тому назадъ одна очень милая барышня.

Назадъ поѣхали по „электричкѣ“. Путь шелъ по склону Машука, частью лѣсомъ, частью по открытому мѣсту. Черезъ полъ-часа компанія была уже въ городѣ. Когда вагонъ проходилъ мимо гостиницы „Бристоль“, Вѣринъ воскликнулъ:

— Господа, смотрите! Что это за лошады! Не нашего ли доктора! Безъ сѣдла... бѣжить одна!

Амалія Генриховна взглянула на лошадь и, страшно поблѣднѣвъ, прошептала:

— Это его лошады! О, Господи! Неужели несчастье?

Она не ошиблась. Какъ только вагонъ остановился, и всѣ вышли вблизи дома Толчиныхъ, какой-то знакомый прохожій сообщилъ, что Тамаровъ недавно упалъ съ лошади и его замертво отнесли въ частную лѣчебницу доктора Щавинскаго. Вся компанія почти бѣгомъ направилась къ лѣчебницѣ. Къ пострадавшему впустили, однако, одну Амалію Генриховну. По словамъ вышедшаго изъ его комнаты фельдшера, раненый находился въ глубокомъ обморокѣ и, видимо, серьезно пострадалъ: по заключенію хирурга, треснула кость основанія черепа. Оказалось, что лошадь Тамарова чего-то испугалась вблизи лѣчебницы и бросилась въ сторону, при этомъ лопнула подпруга. Съдокъ внизъ головой упалъ на булыжную мостовую. Толчины и Вѣринъ въ самомъ подавленномъ настроеніи покинули лѣчебницу.

Когда Амалія Генриховна вошла въ комнату, гдѣ лежалъ Тамаровъ, она собрала всѣ свои душевныя силы, чтобы казаться спокойной и сохранить самообладаніе. Докторъ лежалъ на кровати, прикрытый одѣяломъ. Лицо его было блѣло, какъ бумага. Подъ носомъ алѣли капельки еще не присохшей крови. Глаза раненаго были закрыты; никакихъ признаковъ жизни онъ не обнаруживалъ. На забинтованной головѣ лежалъ пузырь со льдомъ. Тутъ же сидѣлъ хирургъ Щавинскій и, держа руку пострадавшаго, старался прощупать его пульсъ. Взглянувъ на массажистку, которая впиалась глазами въ его лицо, онъ прошепталъ:

— Очень плохо, хотя сердце еще работаетъ. Будемъ ждать! Вы оставайтесь здѣсь, помогите намъ, а то у насъ персоналъ маленькій.

Петерсенъ, ничего не отвѣчая, кивнула головой и осторожно своимъ чистымъ платкомъ отерла кровь, капавшую изъ носа Тамарова. Ей казалось, что она превратилась въ какой-то автоматъ; всѣ чувства ея на время какъ бы одеревенѣли; она неспособна была ни думать, ни плакать, ни говорить, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ комнатѣ больного она механически дѣлала все то, что требовалось, на лету угадывая распоряженія и желанія хирурга.

— Ну, очевидно, вы понимаете свое дѣло, и я на минутку пойду къ другимъ своимъ больнымъ, — сказалъ Щавинскій, вставая и выходя изъ комнаты, — если замѣ-

тите переѣхну, зовите меня, я буду тутъ рядомъ. Обморокъ можетъ длиться очень долго.

Когда хирургъ ушелъ, Петерсенъ сѣла около больного и тутъ въ головѣ ея впервые ясно промелькнула ужасная мысль:

— Если онъ умретъ, и я умру. Я безъ него жить не хочу. О, Боже! Какъ же я его люблю! Неужели онъ умретъ?! Это невозможно!

Она не плакала, но зрачки ея глазъ были ненормально расширены, а къ горлу все время что-то подкатывало.

Насталъ вечеръ. Массажистка повернула выключатель небольшой электрической лампочки, стоявшей на столѣ и прикрытой зеленымъ абажуромъ. Лицо Тамарова сохраняло прежнюю неподвижность, никакихъ признаковъ жизни онъ не подавалъ. Щавинскій нѣсколько разъ входилъ въ комнату, но никакой переѣхны въ положеніи больного не замѣчалось. Амалия Генриховна сидѣла въ застывшей позѣ на твердомъ и неудобномъ стулѣ, сосредоточенно думая о томъ, что съ минуту на минуту долженъ разрѣшиться необыкновенно важный для нея вопросъ. Она не была религіозна и о вопросахъ вѣры старалась не думать, но въ эту минуту ею всецѣло завладѣла мысль:

— Если Богъ существуетъ, Онъ долженъ совершить чудо и спасти его; тогда я увѣрую въ Него... Боже, Боже! Спаси его! Оставь его жить, иначе я тоже умру!..

Передъ мысленнымъ взоромъ Амалии Генриховны пронеслась ея молодость и ея первое знакомство съ Тамаровымъ. Ей тогда было двадцать четыре года, и она только что, выдержавъ требуемыя испытанія, превратилась въ профессиональную массажистку-фельдшерицу. Молодой, красивый докторъ, такъ уморительно ломающій русскій языкъ, сразу покорилъ сердце дѣвушки и, когда она однажды вечеромъ зашла къ нему на квартиру по дѣлу, произошло, какъ говорится, грѣхопаденіе. Связь ихъ продолжалась уже восемь лѣтъ. Много перестрадала массажистка за это время, ревнуя своего доктора къ каждой знакомой, къ каждой его пациенткѣ, но любовь ея за эти годы не только не остыла, но, казалось, была такъ же пыла, какъ и въ первые дни увлеченія. Она была счастлива ужъ и тѣмъ, что Тамаровъ позволялъ ей любить себя и, хотя никакихъ нѣжныхъ чувствъ не обнаруживалъ, все же относился къ ней дружески и отъ времени до времени дарилъ ее своими ласками. Эти ласки наполняли сердце любвеобильной шведки неизъяснимымъ блаженствомъ и ей временами казалось, что она

не только любить, но и сама любима. И теперь это близкое ей существо, ея богъ и главное утѣшеніе ея жизни лежало здѣсь передъ нею, какъ трупъ... Это было ужасно, невыносимо ужасно...

Вдругъ Амаліи Генриховнѣ показалось, что губы раненаго дрогнули. Въ эту минуту въ комнату вошелъ Щавинскій и, взглянувъ на Тамарова, тихо сказалъ:

— Кажется, онъ приходитъ въ себя.

Массажистка, не замѣчая, какъ радостныя слезы, слезы восторга залили ея лицо, съ автоматической аккуратностью принялась исполнять всѣ приказанія хирурга, вся охваченная надеждой, что жизнь ея не разбита.

Обморокъ доктора кончился, но онъ никого не узнавалъ, при чемъ страшно бредилъ, кого-то въ чемъ-то упрекая, и все собирался ѣхать въ Москву. Такое состояніе длилось два дня. Только на третій день Тамаровъ окончательно пришелъ въ себя и сталъ узнавать окружающихъ.

По словамъ Щавинскаго, возвращеніе больного къ жизни было какимъ-то чудомъ, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, состояніе его нѣкоторое время казалось безнадежнымъ. Кромѣ головы, у Тамарова оказалось довольно сильно поврежденнымъ плечо, и въ правомъ ухѣ лопнула барабанная перепонка.

— Ну, коллега, — сказалъ хирургъ черезъ недѣлю своему паціенту, — уже не надѣялся я, что вы будете продолжать свою практику. Вашъ случай прямо рѣдкій! Я былъ почти увѣренъ, что вы не встанете... Ну, молодчина же и Амалія Генриховна! Цѣлые дни и ночи просиживала около васъ. Какъ только вынесла!?

Тамаровъ съ благодарной улыбкой посмотрѣлъ на Петерсень, которая вся вспыхнула и застѣнчиво опустила глаза.

Черезъ двѣ недѣли послѣ своего паденія Тамаровъ поправился настолько, что его удалось перевезти на квартиру, гдѣ Амалія Генриховна продолжала за нимъ ухаживать. „Ужасный случай съ докторомъ Тамаровымъ“ былъ подробно описанъ въ мѣстныхъ газетахъ, и Александръ Багратовичъ съ особеннымъ интересомъ прочелъ всѣ газетныя замѣтки, которыя ему показалъ Толчинъ.

XII.

Хотя въ Кисловодскѣ наступило лучшее время — сентябрь, но многіе уже покидали его, спѣша въ городъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Дни становились короче, на деревьяхъ появлялись желтые листья, но въ серединѣ дня солнце сіяло еще ярче, и воздухъ казался еще упоительнѣе.

Около Грандъ-отеля, гдѣ помѣщалась контора агента Международнаго общества спальныхъ вагоновъ, съ утра толпился народъ, запаасающійся спальными мѣстами. Чувствовалось, что „курсовые“ охвачены предвыѣздной лихорадкой и волнуются. Даже количество уличныхъ чистильщиковъ сапогъ уменьшилось, а нѣкоторые магазины и лавочки закрылись.

Мошковъ совершенно неожиданно покинулъ курортъ, такъ какъ его вызвали телеграммой въ деревню, гдѣ опасно заболѣла его дочь. Послѣ отъѣзда Георгія Ивановича Таня одинъ день ходила съ признаками тихой грусти на лицѣ, но въ это время за ней началъ усиленно ухаживать сорокапятилѣтній морякъ, Бутковъ XIII, и меланхолія ея прошла.

Хорошенькую гувернантку, Эльзу Миллеръ, не смотря на благоразумные совѣты опытной Фанни Лалу, обѣщавшей свести ее въ Москвѣ съ знаменитой Люсьень, бакинскій армянинъ все же успѣлъ соблазнить, и Эльза въ одинъ прекрасный день оставила свое мѣсто и укатила въ Баку, гдѣ ей были обѣщаны очень хорошая квартира и триста рублей ежемѣсячно „на булавки“. Авансомъ Эльза получила всего сто рублей, при чемъ кольцо съ фальшивымъ брилліантомъ бакинецъ торжественно обѣщаль замѣнить такимъ же, но съ настоящимъ камнемъ. Эльза этимъ обѣщаніемъ удовлетворилась, надѣясь взять въ Баку своего покровителя въ руки.

Нина Павловна Смѣльская послѣднее время недомогала. Временами ее тошнило, часто мучили головныя боли и все ее раздражало. Павелъ Ивановичъ, впрочемъ, стои-

чески переносилъ всѣ ея капризы, и доброта его совершенно обезоруживала хорошенькую привередницу. Больше всего доставалось отъ нея Варварину.

Какъ-то разъ послѣ обѣда они сидѣли вдвоемъ у Красныхъ камней на той самой скамьѣ, гдѣ впервые онъ поцѣловалъ ее. По близости не было никого, и они могли говорить свободно, не боясь быть услышанными.

— Два съ половиной мѣсяца тому назадъ, — прочувствованнымъ голосомъ началъ Варваринъ, — я имѣлъ счастье, Ниночка, на этомъ самомъ мѣстѣ въ первый разъ прижать тебя къ моему трепещущему отъ любви сердцу. О, какъ я былъ счастливъ! Какъ во мнѣ все кипѣло! Огонь страсти пожиралъ меня...

— Перестаньте-же, — сдѣлавъ гримасу и надувъ губки, съ раздраженіемъ прервала Варварина Смѣльская, — терпѣть не могу, когда вы начинаете выражаться этимъ прикатицимъ слогомъ! „Прижалъ къ трепещущему отъ любви сердцу“... „Огонь страсти пожиралъ меня“. Неужели вы не понимаете, не чувствуете всего комизма подобныхъ „жалкихъ“ фразъ. Говорите просто, безъ риторики, какъ всѣ говорятъ...

Варваринъ съ неудовольствіемъ провелъ по своимъ пушистымъ усамъ и сконфузился. Ему было очень досадно, что Ниночка послѣднее время относилась къ нему безъ всякихъ признаковъ нѣжности, а временами онъ ясно видѣлъ, что прямо раздражалъ ее. Уже двѣ недѣли она отказывалась заходить къ нему, говоря, что не находится въ соотвѣтственномъ настроеніи для интимныхъ бесѣдъ. И странное дѣло: капризы Ниночки и ея холодность только разжигали Варварина. Онъ часто начиналъ мечтать о смерти ея мужа и о своемъ бракѣ съ ней послѣ его смерти.

— Хотя моя перепелочка, — думалъ онъ, — какъ будто немного подурнѣла, но все же она до того мила, что я, пожалуй, согласился бы и жениться на ней... Не такъ, ли, Сашокъ? Славная была бы у тебя женушка! И вполнѣ свѣтская! Она устроила бы тебѣ уютное гнѣздышко и завела бы прелестный салонъ... Самый интересный въ Москвѣ. И чего этотъ Смѣльскій тянетъ. Ни самъ не живетъ, ни другимъ не даетъ жить. А умри онъ сегодня, какъ бы все отлично устроилось... И состояніе у перепелочки моей прекрасное! Однимъ словомъ, лучшей партіи мнѣ искать грѣхъ.

— О чемъ это вы мечтаете, господинъ „моментъ“? —

иронически-насмѣшливо спросила Ниночка, — ужъ не о вашихъ ли будущихъ московскихъ побѣдахъ!

— Зачѣмъ вы, дорогой другъ мой, — меланхолично отвѣтилъ Варваринъ, — все смѣтается надо мной? Я, видитъ Богъ, съ каждымъ днемъ люблю васъ все сильнѣе и горячѣе... И, вѣрьте мнѣ, я содрогаюсь при мысли, что вы скоро покинете Кисловодскъ, и мы будемъ жить съ вами въ разлукѣ. Разлука! Какое страшное и жестокое слово! Какъ я только ее вынесу!

— А вы опять начинаете „ныть“ и выражаться высокимъ „штилемъ“. Оставьте этотъ тонъ. Знаете, я вамъ говорю совершенно серьезно: поблагодаримъ судьбу за прошлое, но не будемъ загадывать о будущемъ... И во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній я откровенно скажу вамъ, что мое увлеченіе вами прошло. Я предлагаю вамъ свою дружбу, но прошлое прошу совершенно забыть, вычеркните его изъ своей памяти...

— Что?... Какъ?... Не понимаю!.. Что вы хотите сказать, — съ отчаяніемъ воскликнулъ капитанъ, — забыть все прошлое... вычеркнуть все изъ моей памяти... Но какъ же это возможно, если я васъ сейчасъ люблю во сто тысячъ разъ сильнѣе, чѣмъ тогда, когда мои уста впервые коснулись вашихъ устъ!

— Разлюбите, — спокойно-настойчиво сказала Смѣльская, чертя по песку зонтикомъ какіе-то круги, — я къ вамъ, поймите, остыла и, какъ у васъ говорятъ военные, возвращаюсь въ „первобытное состояніе“... Какъ порядочный человѣкъ, вы, конечно, оставите меня въ покоѣ... Увлеченію нашему пришелъ конецъ... Я не хочу этого больше, не хочу!.. Понимаете?! — почти взвизгнула она.

Варваринъ открылъ было ротъ, чтобы протестовать, но въ это время къ нимъ подошли сначала Милкинъ, а потомъ Александра Николаевна Липская. Смѣльская предложила имъ присѣсть около себя, видимо, довольная тѣмъ, что ея tête-à-tête съ Варваринимъ было прервано.

— Не знаете-ли, — обратилась она къ Липской, — какъ здоровье Тамарова? Останется ли онъ въ живыхъ?

— Не только будетъ живъ, — отвѣтила та, — но даже вполне поправится; только, какъ мнѣ говорила массажистка Петерсенъ, возможно, что однимъ ухомъ онъ будетъ хуже слышать.

— Завидую я этому доктору, — шутиливо замѣтилъ Милкинъ, — какую онъ составилъ себѣ великолѣпную рекламу. Вотъ уже двѣ недѣли на группахъ только о немъ

и говорятъ, всѣ имъ интересуются, всѣ узнали о его существованіи, даже тѣ, которые раньше о немъ ничего не слышали. Повезло нашему Сашѣ съ этимъ паденіемъ, положительно повезло...

— Я слышала, — медленно растягивая слова, небрежно проронила Липская, — будто генераль Вѣринъ женится на гувернанткѣ своей дочери. Неужели это правда? Мнѣ что-то не вѣрится...

— Почему? — спросилъ Милкинъ.

— Да потому, что она ему не пара. Онъ не старый человѣкъ и могъ бы сдѣлать еще вполнѣ приличную партію. У него, вѣдь, и состояніе, говорятъ, есть. Не понимаю, что за охота пришла ему взять себѣ въ жены какую-то совершенно простую рижскую нѣмку... Положительно не понимаю и удивляюсь...

— Невѣста Ивана Петровича, — вступился за пріятеля Милкинъ, — во всѣхъ отношеніяхъ прелестная дѣвушка, не смотря на свое общественное положеніе, а главное, видимо, она искренно любитъ своего жениха, а для нашего брата, людей, перевалившихъ сорокалѣтній возрастъ, любовь чистой и хорошей дѣвушки такое неожиданное счастье, что упускать это счастье не приходится. Право, я вотъ холостякъ и, вѣроятно, холостякомъ навсегда и останусь, а люблю меня... ну, скажемъ къ примѣру, ваша прелестная дочь, то, не смотря на разницу лѣтъ, я съ мѣста въ карьерѣ просилъ бы ее осчастливить меня и сдѣлаться моей женой... Потому что слабъ мужчина въ лѣтахъ и страшно легко уязвимо его сердце, оно уязвимѣе, чѣмъ сердце юноши.

— Ну, вы всегда шутите, поэтъ, — благосклонно поглядывая на Милкина, проговорила Липская, — а я говорю серьезно. Но, признаюсь вамъ, я предпочла бы для моей дочери Тани мужа уже солиднаго возраста, а не какого-нибудь юнца.

— Такъ въ чемъ же дѣло? — засмѣялся Милкинъ, — убѣдите Татьяну Ипполитовну влюбиться въ меня и берите меня въ зятя. Отличный буду зять.

— Сами устраивайтесь съ Таней, а меня она не будетъ слушать, я на нее имѣю слишкомъ мало вліянія, — начала отшучиваться Липская.

Смѣльская встала и, подчеркнувъ, что пойдетъ домой одна, просила ее не провожать. Варваринъ уныло подумалъ при этомъ:

— Кажется, „моментъ“, ты получилъ отставку!... Тебя знать не хотятъ! Не повезло тебѣ, бѣдняжка!.. Ну,

ничего! Не хотите и Богъ съ вами, Нина Павловна! Обойдемся! Не такъ-ли, Сашокъ? Ободрись!

Смѣльская, между тѣмъ, нѣсколько тяжеловатой походкой пошла домой. Она была довольна собою. Была довольна тѣмъ, что порвала свою связь съ Варваринымъ. Эта связь начала тяготить ее съ тѣхъ поръ, какъ она почувствовала себя беременной. Въ послѣднемъ сомнѣннѣй не было вотъ уже двѣ недѣли. Въ первый моментъ, когда она узнала объ этомъ, ей казалось, что Варваринъ сдѣлается ей особенно дорогъ, но вскорѣ она почувствовала непреодолимую антипатію къ отцу своего ожидаемаго ребенка. Все въ Варваринѣ начинало раздражать ее: его пушистые усы, нѣсколько рѣзкій голосъ, развязныя манеры, общій самодовольный и цвѣтушій видъ... все, все, даже родинка на лѣвой щекѣ.

— Какъ это только я могла увлечься, — думала она, — такой безсодержательной куклой, такимъ полнымъ ничтожествомъ, которое еще считаетъ, что имѣетъ на меня какія-то права... Онъ даже не джентльменъ! Ему нужно было только мое тѣло, мои ласки... Развѣ ихъ можно сравнить: Польша — олицетворенное благородство, а этотъ, хотя и князь, а хамъ. Впрочемъ, что было, то было, а Поля я больше никогда уже не обману.

Ниночка вернулась домой въ хорошемъ настроеніи. Мужа она застала въ спальнѣ; онъ лежалъ на кровати въ своемъ пышномъ халатѣ и просматривалъ какую-то книгу.

Въ послѣднее время въ здоровьи Павла Ивановича замѣчалось нѣкоторое улучшеніе. Кисловодскъ, видимо, дѣйствовалъ на него благотворно. Смѣльская, снявъ шляпу и перчатки, сѣла къ мужу на постель и посмотрѣла на него весело и дружелюбно. Онъ взялъ ее за руки и, приложивъ хорошенькую маленькую ручку къ губамъ, спросилъ:

— Ну, Нинокъ, какъ гуляла? Я очень радъ, что ты, повидимому, сегодня хорошо настроена. Какъ же твое здоровье? Головка не болитъ? Не тошнитъ?

Ниночка отрицательно мотнула головой и съ усиленіемъ, вся покраснѣвъ, сказала:

— Польша, знаешь... Я хочу что-то сказать тебѣ... Я тебя очень, очень люблю... Ты у меня славный, хороший, благородный, настоящій джентльменъ. Такъ вотъ я и хочу все, все сказать тебѣ. Я не хочу имѣть отъ тебя тайнъ. Я хочу, чтобы ты всегда мнѣ вѣрилъ...

Смѣльскій какъ-то грустно улыбнулся и, прижавъ руку жены къ своей щекѣ, проговорилъ:

— Не надо, Ниночка, ничего говорить мнѣ; я и безъ того все знаю, я догадливъ, а тебѣ говорить объ этомъ тяжело. Ты вѣдь знаешь мое мнѣніе по этому вопросу свободы твоей я стѣснять не хочу.

— Нѣтъ, нѣтъ, — прервала Смѣльская мужа, — ты не все знаешь... Ты знаешь, что... ну, однимъ словомъ, что я... что я измѣнила тебѣ. Ты знаешь, что у меня будетъ ребенокъ, но ты не знаешь, что я сейчасъ порвала съ „нимъ“ всякія сношенія, что „онъ“ мнѣ теперь противенъ, что я никогда, никогда съ нимъ уже не буду видѣться. Я буду твоей вѣрной женой и до такой слабости никогда уже больше не дойду... И всю себя я посвящу тебѣ и... ребенку. Поль, дорогой, ты вѣдь будешь любить его? Вѣдь, ты будешь его отецъ, а не тотъ? Ну, скажи; будешь, будешь?..

— Да, да, буду, буду, дѣтка моя! Буду и тебя любить, и ребенка твоего. Онъ будетъ нашимъ ребенкомъ. Ты, Ниночка, хорошій человекъ, у тебя доброе сердце и, вѣрь мнѣ, никто такъ хорошо тебя не пойметъ и такъ высоко тебя не будетъ цѣнить, какъ я. А мнѣ пріятно сознаніе, что я окончательно не заѣлъ твоей молодости. Ребенокъ же, который появится, озаритъ смысломъ твою жизнь.

У Ниночки при этихъ словахъ мужа показались на глазахъ слезы, и она принялась покрывать его руку горячими поцѣлуями.

XIII.

Около семи часовъ вечера у платформы Кисловодскаго вокзала стоялъ готовый къ отходу скорый московскій поѣздъ. На платформѣ царило обычное въ такихъ случаяхъ оживленіе. Всѣ спѣшили отыскать скорѣе свои мѣста и убѣдиться въ томъ, что все въ порядкѣ.

Покидалъ Кисловодскъ въ числѣ другихъ и Вѣринъ. Въ спальномъ вагонѣ Международнаго общества онъ занялъ два сообщающихся маленькихъ отдѣленія. Багажъ былъ уже сданъ, и носильщикъ принесъ квитанцію, которую генералъ тщательно спряталъ, всѣ ручныя вещи отлично размѣ-

стились по сѣткамъ. Марихенъ и Милочка сняли свои пальто и шляпы. Оставалось только ждать отхода поѣзда. Вѣринъ испытывалъ блаженное состояніе человѣка, который отъ хорошаго направляется къ еще лучшему. Онъ съ удовольствіемъ думалъ о своемъ возвращеніи въ Москву, о своей предстоящей женитьбѣ, о товарищахъ, которыхъ скоро увидитъ, о чудныхъ московскихъ театрахъ и концертахъ. Вообще о всемъ томъ, что ожидало его въ Москвѣ.

Милочка и Марихенъ смотрѣли въ окно вагона.

— Знаешь, Марихенъ, — сказала дѣвочка, — я очень рада, что мы ѣдемъ домой. Хотя въ Кисловодскѣ отлично, но въ Москвѣ тоже отлично. Впрочемъ, мнѣ вездѣ отлично. А тебѣ, Марихенъ?

— Мнѣ тоже вездѣ отлично, — улыбаясь отвѣтила нѣмка, — смотри, вонъ и Смѣльскіе идутъ; они ѣдутъ въ нашемъ вагонѣ.

Вагонъ быстро наполнялся. Появились въ немъ Пиратова съ дочерью и англичанкой, Смѣльскіе, Речиль, Минакова съ ангелоподобными Сивушкиными и членъ Думы Семеновъ.

— Ваше превосходительство, — обратился къ Вѣрину щеголеватый, одѣтый въ свѣжій коричневый костюмъ проводникъ вагона, — дозвольте довести до вашего свѣдѣнія, что, какъ я сейчасъ узналъ, около Ростова пассажирскій поѣздъ сегодня сошелъ съ рельсъ; много убитыхъ и раненыхъ, подъ Ростовомъ будетъ пересадка.

Вѣринъ немедленно отправился къ дежурному по станціи, который подтвердилъ ему, что съ пассажирскимъ поѣздомъ, шедшимъ въ Ростовъ, нѣсколько часовъ тому назадъ произошло несчастье, но подробностей этой катастрофы никакихъ нѣтъ.

— Вы, впрочемъ, не беспокойтесь, — добавилъ дежурный, — въ Ростовѣ васъ будетъ ждать московскій скорый поѣздъ такого-же совершенно состава, какъ и этотъ, а потому вы сохраните всѣ свои мѣста; пересадка же произойдетъ утромъ, большихъ неудобствъ не предвидится.

— Могло это случиться и съ нашимъ поѣздомъ, страшно подумать даже, — пронеслось въ головѣ Вѣрина, когда онъ вернулся въ свой вагонъ.

Всѣ набросились на него съ вопросами. Повидимому, у многихъ мелькнула мысль, что несчастье могло случиться и съ ними.

— Да, — замѣтилъ Семеновъ, — никогда не знаешь ни мѣста, ни часа своей гибели. На какомъ тонкомъ

волоскѣ висить вся наша жизнь! Какой-нибудь негодяй развинтитъ рельсы, или въ вагонѣ лопнула ось и готово... все къ чорту.

Пиратова и Смѣльская вздохнули при этихъ словахъ. Лица у всѣхъ сдѣлались длинными и серьезными. Въ вагонѣ вошелъ Милкинъ. Онъ не былъ въ числѣ отъѣзжающихъ, но пришелъ проститься. Милочкѣ онъ принесъ огромную коробку конфетъ, которую та, вся зардѣвшись отъ удовольствія, приняла со словами:

— Мерсі, Ксенофонтъ Іустиновичъ, но зачѣмъ вы беспокоились? Я очень довольна, впрочемъ. Благодарю очень, очень!

Въ качествѣ провожающихъ собрались на платформѣ Липскія, Катьяновъ, барышни Аргамаковы, Луманскій, Пурданьянцъ и Бадаговъ. У вагоновъ царило большое оживленіе, сыпались шутки, остроты. Хорошенькая Таня Липская щебетала съ добродушнымъ на видъ Семёновымъ и говорила ему:

— Скажите Георгію Ивановичу, что я очень зла на него за то, что онъ уѣхалъ, не попрощавшись съ нами, но все же рада буду всегда опять съ нимъ встрѣтиться.

— Передамъ, передамъ. Я на денька два задержусь въ Москвѣ, а въ Петербургъ буду черезъ недѣлю.

Хотя время отхода поѣзда уже прошло, тѣмъ не менѣе третьяго звонка не давали.

Щеголеватый проводникъ объяснилъ, что ожидается какая-то телеграмма, но что поѣздъ обязательно,—это слово онъ подчеркнулъ,—скоро пойдетъ, такъ какъ „основаній не итти ему въ наличности не имѣется“.

Всѣхъ пассажировъ охватило нетерпѣніе и всѣмъ хотѣлось поскорѣе услышать третій звонокъ. Когда онъ, наконецъ, раздался, Милочка радостно воскликнула:

— Слава Богу! Ыдемъ! Ыдемъ!.. До свиданія! Прощайте!.. — кричала она провожающимъ, махая платочкомъ.

— Не прикажете ли, Ваше превосходительство, чайку? — услужливо обратился къ Вѣрину проводникъ вагона, — можно съ лимономъ или со сливками, а также и разныя воды есть. Вагонъ-ресторанъ прицѣпять въ Ростовъ, а сейчасъ я могу предложить только чай, кофе, печенье и все прочее.

Вѣринъ заказалъ два стакана чаю и молоко для Милочки. Ярko вспыхнули электрическія лампочки.

— Какъ чудно ѣхать, — болтала Милочка, отпивая понемногу молоко, — какъ удобно! Какъ чисто, свѣтло!

Совсѣмъ новенькій вагонъ! А какой между нашими купѣ отличный умывальникъ! Очень, очень удобно! Знаешь, папа, я страшно, страшно люблю путешествовать. Это такъ пріятно! Но я хотѣла бы путешествовать не день, не два, а долго, долго, нѣсколько мѣсяцевъ, даже цѣлый годъ. И не только по желѣзной дорогѣ, а и моремъ, и на лошадахъ, и на верблюдахъ, и даже на собакахъ, какъ въ Сибири. Вотъ интересно!..

— Ну, Милочка, — остановила дѣвочку Марихенъ, — на собакахъ ѣхать не такъ-то удобно, а ты у насъ дѣвочка избалованная и дорожишь своими удобствами.

— Да, Марихенъ, я очень люблю ѣхать удобно, но и на собакахъ хотѣла бы поѣздить, и на верблюдахъ, а, особенно, на слонахъ... Папочка, я пойду съ Марихенъ къ Тamarочкѣ, она рядомъ съ нашимъ отдѣленіемъ. Можно?

Въ Пятигорскѣ въ поѣздъ сѣли Толчины, но помѣстились въ другомъ вагонѣ. Послѣ станціи „Минеральныя воды“ пассажиры стали устраиваться на ночь. Вѣринъ совершилъ свой туалетъ въ умывальной, раздѣлявшей оба занятыхъ имъ отдѣленія, надѣлъ мягкія желтыя туфли, и облачился въ пижаму. Потомъ изъ своего отдѣленія въ уборную вошла Марихенъ и долго-тамъ полоскалась. Вѣринъ постучалъ къ ней и попросилъ зайти къ нему. Она ничего не отвѣтила, но черезъ нѣкоторое время дверь изъ умывальной тихо отворилась и въ отдѣленіи Вѣрина появилась фигура гувернантки. Ея розовое, свѣжее личико было еще обаятельнѣе отъ румянца смущенія, заливаго не только щеки, но и лобъ. Одѣта она была въ длинный, легкій пеньюаръ, застегнутый сверху до низу.

— Милочка спитъ? — чуть слышно спросилъ, Вѣринъ, привлекая къ себѣ Марихенъ и усаживая ее около себя.

— Да, долго не хотѣла заснуть, но сейчасъ спитъ спокойно и крѣпко.

Вѣринъ съ восторгомъ посмотрѣлъ на Марихенъ и подумалъ:

— Какая прелесть! Какъ мнѣ нравится этотъ чуть-чуть раздвоенный въ концѣ вздернутый носикъ! Что за глаза! А, главное, она меня несомнѣнно любитъ!

— Какъ свѣтло! Глазамъ больно! — жмурясь и еще больше краснѣя, прошептала Марихенъ.

Вѣринъ повернулъ выключатель и въ купѣ воцарился полумракъ; темно-синяя лампочка освѣщала всѣ предметы какъ бы луннымъ свѣтомъ.

Генераль твердо рѣшилъ ни подъ какимъ видомъ не

пользоваться благоприятными обстоятельствами и выдержать роль благородного жениха до конца. Но близость любимой дѣвушки въ такой интимной обстановкѣ кружила ему голову и заставляла его сердце усиленно биться: она такъ довѣрчиво прижалась къ нему, передавая ему теплоту своего тѣла.

— Марихенъ, дорогая моя, ты, дѣйствительно, крѣпко меня любишь? — задалъ онъ глупый вопросъ, который въ послѣднее время дѣлалъ своей невѣстѣ особенно часто.

— Люблю, люблю, страшно, крѣпко, безумно, — чуть-чуть насмѣшливо, но вполне искренно отвѣчала Марихенъ и, охвативъ шестю Вѣрина руками, быстро и страстно нѣсколько разъ поцѣловала его прямо въ губы.

Подъ легкой, мягкой тканью пеньюара Иванъ Петровичъ чувствовалъ бѣніе сердца дѣвушки, чувствовалъ, что дѣвственная грудь ея, не стѣсненная корсетомъ, бурно волновалась и трепетала. Совершенно машинально, почти безсознательно, пальцы его начали разстегивать пуговицы пеньюара. Марихенъ нѣсколько учащенно дышала и иногда чуть замѣтно вздыхала. Вѣринъ не зналъ, что дѣлать и не думалъ о томъ, что будетъ дѣлать дальше. Онъ сознавалъ только одно, что самъ безумно любитъ и любимъ этимъ прелестнымъ, чистымъ, благоухающимъ существомъ, которое сейчасъ было въ полной его власти, беззавѣтно отдавалось ему.

— Не хорошо это! Не надо! Неужели я не могу подождать до свадьбы, — промелькнуло у него въ головѣ, — надо же владѣть собой!

Въ эту минуту Марихенъ наклонилась къ Вѣрину и, цѣлуя его ниже уха, шепнула:

— Мой дорогой, единственный, я хочу быть твоей, совсѣмъ твоей... Я такъ люблю тебя!..

Раздался протяжный низкій гудокъ паровоза, и генералъ подумалъ:

— Сейчасъ станція, но это все равно. Всѣ спать. Вѣроятно, часа два ночи... Она все равно, что жена моя...

Марихенъ вернулась въ свое отдѣленіе около четырехъ часовъ утра. Милочка крѣпко спала. Гувернантка осторожно взобралась по лѣсенкѣ на свое верхнее мѣсто и легла. Долго она не могла заснуть, но наконецъ, подъ мѣрные убаюкивающіе звуки колесъ вагона, вѣки ея начали слипаться, и она заснула крѣпкимъ, счастливымъ сномъ

молодости, довольная и собой, и женихомъ и всей своей жизнью.

Еще позже заснулъ Вѣринъ. Все въ немъ ликовало. Ему казалось, что онъ переживаетъ какой-то восхитительный, волшебный сонъ, и порой его охватывалъ страхъ, что онъ вдругъ проснется...

Около девяти часовъ утра поѣздъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ потерпѣлъ крушеніе пассажирскій поѣздъ. Пассажировъ скорого поѣзда пригласили выйти изъ вагоновъ и пройти съ четверть версты пѣшкомъ. Изъ Ростова прибыли не только носильщики, но и извозчики, такъ что пересадка эта совершалась почти безъ всякихъ затрудненій. Щеголеватый проводникъ, щедро вознагражденный Вѣринымъ, привелъ къ нему двухъ носильщиковъ и въ изысканныхъ выраженіяхъ пожелалъ оставлявшимъ его вагонъ лицамъ „найсчастливѣйшаго дальнѣйшаго пути“. Всѣ двинулись къ стоявшему невдалекѣ поѣзду. Пришлось проходить мимо мѣста катастрофы. Милочка, крѣпко ухватившись одной рукой за руку отца, а другой за руку Мари-хентъ, съ расширенными отъ ужаса глазами смотрѣла на печальную картину. Часть вагоновъ пострадавшаго поѣзда осталась на рельсахъ, но паровозъ и шесть вагоновъ лежали на откосѣ. Раненыхъ и часть убитыхъ успѣли уже увезти въ Ростовъ, но нѣсколько труповъ лежало еще въ товарномъ вагонѣ; около него слышался раздражающій душу плачъ.

— Это жены машиниста и его помощника убиваются, — мрачно проговорилъ носильщикъ, слѣдуя за Вѣринымъ съ вещами, — ихъ тѣла только сейчасъ вытащили изъ подъ паровоза. Они изъ Ростова; у каждого много дѣтей...

— А вотъ въ этомъ вагонѣ, — продолжалъ носильщикъ, — указывая на совершенно исковерканный спереди вагонъ второго класса, — ѣхало семейство изъ шести чловѣкъ; всѣхъ убило, осталась одна дѣвочка лѣтъ трехъ, она теперь у начальника станціи.

— А какая причина несчастья? — спросилъ Вѣринъ.

— А кто его знаетъ? Господа инженеры толкуютъ — злоумышленіе, а другіе, что шпалы гнилыя. А можетъ въ вагонѣ бандажъ лопнулъ, или рельсъ. Какъ тутъ узнать? Судьба!

Въ это время они подошли къ группѣ людей, которая окружала высокаго пожилого генерала, въ „александровской“ сѣрой тужуркѣ съ краснымъ характернымъ лицомъ. Вѣринъ тотчасъ узналъ знакомую ему фигуру принца Але-

ксандра Петровича Ольденбургскаго и, отдавъ ему честь, приостановился:

— Извольте взглянуть, Ваше Императорское Высочество, — съ необыкновенной горячностью говорилъ какой-то господинъ среднихъ лѣтъ, держа въ рукахъ кусокъ гнилой шпалы, — вотъ причина нашихъ постоянныхъ крушеній, — вѣчно гнилыя шпалы.

— Но это ничего не доказываетъ, — запротестовалъ тутъ-же стоявшій молодой красивый инженеръ, — вѣдь этотъ кусокъ шпалы вы взяли, вѣроятно, отъ шпалы, выброшенной за негодностью. Будетъ вѣдь слѣдствіе, оно и выяснитъ причину катастрофы, а обвинять преждевременно, не имѣя никакихъ данныхъ, вы не имѣете права.

— Господа инженеры всегда правы, — нѣсколько сбавивъ тонъ, продолжалъ желчный господинъ, — стрѣлочникъ у нихъ всегда виноватъ, дѣло извѣстное!..

— Ну, — примирительнымъ тономъ проговорилъ, нѣсколько картавя, принцъ, — судебныя власти въ этомъ вопросѣ разберутся. А вашу находку вы передайте слѣдователю. Кстати, вотъ и онъ.

Съ этими словами принцъ указалъ на молодого человека въ судейской фуражкѣ, который быстрыми, но почтительными шагами приближался къ группѣ.

Вѣринъ пошелъ дальше. При видѣ расплюснутыхъ вагоновъ, на которыхъ, какъ ему показалось, видны были слѣды крови, сердце его болѣзненно сжалось. Марихенъ и Милочка какъ-то невольно все ускоряли шагъ, и носильщики, нагруженные вещами, съ трудомъ поспѣвали за ними. Наконецъ, они вошли въ вагонъ и заняли тамъ такія же купя, какъ и въ оставленномъ поѣздѣ. Новый проводникъ, пожилой человекъ съ сѣдыми усами, любезно помогъ имъ развѣстить вещи и, вздохнувъ, посмотрѣлъ на Милочку. Дѣвочка напомнила ему его собственную дочь, которую онъ недавно потерялъ.

Въ скоромъ времени со своимъ адъютантомъ вошелъ въ вагонъ и принцъ Ольденбургскій. Онъ возвращался въ Ростовъ, чтобы ѣхать дальше въ Гагры. На мѣстѣ катастрофы онъ оказался потому, что, узнавъ въ Ростовѣ о несчастіи, рѣшилъ, со свойственною ему любознательностью, осмотрѣть лично мѣсто происшествія. Подъ вліяніемъ видѣннаго всѣ находились въ подавленномъ настроеніи и каждый думалъ:

— Какое счастье, что это не съ нами случилось!..

Въ Ростовѣ къ поѣзду прицѣпили вагонъ-ресторанъ.

Во время объѣда меланхоличное настроеніе, навѣянное видомъ опрокинувшагося и разбитаго поѣзда, изгладилось, и объѣдъ прошелъ весело и оживленно. Толчина, у которой разыгрался мигрень, оставалась въ своемъ купѣ, а Толчинъ присѣлъ къ столику Вѣрина. Борщокъ, осетрина, каплуны и кремъ показались всѣмъ очень вкусными. Вѣринъ потребовалъ бутылку шампанскаго, чтобы, какъ онъ выразился, поднять настроеніе.

— Вамъ, Марья Оскаровна, нездоровится? — участливо спросилъ Толчинъ Марихенъ, глядя на ея нѣсколько поблѣднѣвшее лицо и синіе круги подъ глазами.

— Чуть-чуть голова болить, но это ничего, — краснѣя отвѣтила дѣвушка, опуская глаза. Толчинъ тоже покраснѣлъ и сконфузился.

— За ваше здоровье, Марихенъ, за твое, Милочка, за ваше, дорогой Алексѣй Евгеньевичъ, — сказалъ Вѣринъ, осушая бокаль.

Всѣ приложились къ своимъ бокаламъ, и даже Милочка выпила нѣсколько капель вина, разбавленнаго минеральной водой. Послѣ кофе Толчинъ подсѣлъ къ Вѣрину, а Милочка отправилась къ Тамарѣ, съ которой играла весь день. Вѣринъ очень любилъ Толчина и готовъ былъ бесѣдовать съ нимъ цѣлыми часами. Марихенъ сидѣла тутъ-же на стулѣ около окна и что то вязала. Видъ у нея былъ, хотя и усталый, но вполне счастливый и довольный.

Началось чаепитіе, до котораго оба пріятеля были большіе охотники. Въ пріятныхъ разговорахъ незамѣтно прошелъ день. Вечеромъ всѣ пошли въ вагонъ-ресторанъ ужинать. Вѣринъ раскутился и заставилъ Толчина принять его угощеніе. На столѣ появились: свѣжая икра, отливной балыкъ, чудныя бараньи котлеты. Все это запивалось бѣлымъ кахетинскимъ виномъ, которое Толчинъ предпочиталъ шампанскому. Ужинъ затянулся, и Милочка съ Марихенъ ушли спать, не дождавшись его конца.

На слѣдующее утро наши путники уже подъѣзжали къ Курскому вокзалу въ Москвѣ.

XIV.

У наружныхъ дверей вокзала толпилась кучка людей, предлагающихъ прїѣхавшимъ кареты и ландо. Вѣринъ нанялъ огромное ландо, и, когда багажъ былъ полученъ, два сундука установлены на козлахъ, а мелкая кладь распределена внутри экипажа, ландо съ грохотомъ тронулось съ мѣста.

Стояло чудное свѣтлое осеннее утро. И Вѣринъ, и Марихенъ, и Милочка находились въ наилучшемъ расположеніи духа. Возвращенію въ Москву всѣ они радовались. Иванъ Петровичъ совсѣмъ размякъ и, глядя на нѣсколько блѣдное лицо невѣсты, думалъ:

— Какъ я безконечно счастливъ! Только бы это счастье продолжалось!

— Смотрите, господа, — оживленно зашебетала Милочка, — вотъ и Сухаревка! А народу-то сколько! Ужасы! Какъ я рада, что мы опять въ Москвѣ! Въ Кисловодскѣ хорошо, но и здѣсь чудесно!..

— Гдѣ-же все-таки лучше?—пошутилъ Вѣринъ.

— Гдѣ я нахожусь, папочка, тамъ и лучше. Мнѣ вездѣ отлично.

— Отличная философія, — улыбаясь сказала Марихенъ, закутывая плотнѣе ноги дѣвочки пледомъ.

Хотя разбитыя, худыя клячи медленно тащили перегруженный экипажъ, но на улицахъ было такъ весело и оживленно, что, когда ландо подкатило, наконецъ, къ трехэтажному дому Бойкова на Спиридоновкѣ, гдѣ находилась квартира Вѣрина, Милочка съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ воскликнула:

— Уже?... Какъ скоро!

Изъ параднаго входа съ веселымъ и привѣтливымъ лицомъ выскочилъ швейцаръ Сергѣй, который съ помощью дворника принялся вносить въ квартиру вещи. Въ квартирѣ прїѣзжихъ встрѣтила разбитная молодая горничная Таня и пожилая уже кухарка Фёкла; обѣ жили у

генерала около шести лѣтъ и знали его покойную жену. Послѣ кофе Вѣринъ, пока Марихенъ съ Милочкой разбирала вещи, съ наслажденіемъ принялъ ванну, переодѣлся и прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ онъ растянулся на кушеткѣ и съ удовольствіемъ принялся разглядывать такъ хорошо знакомую ему довольно обширную комнату, гдѣ каждый предметъ, каждая мелочь были связаны съ какими-нибудь воспоминаніями.

Вотъ поясной портретъ масляными красками покойной жены его въ красивой золотой рамѣ. Вотъ большія фотографіи матери и отца въ формѣ отставного генерала съ поперечными погонами. А вонъ прелестный портретъ Милочки, писанный пастелью, работы знакомой симпатичной художницы. Такъ солидентъ и внушительнъ огромный шкафъ краснаго дерева, полный любимыми книгами Ивана Петровича. Глядя на этотъ шкафъ, Вѣринъ вспомнилъ, что весь кабинетъ краснаго дерева былъ имъ заведенъ по настоянію его покойной жены, которая любила все красивое и изящное. До женитьбы же онъ мало обращалъ вниманія на свою обстановку и въ холостой его квартирѣ царила полная безвкусица. Но покойная Вѣрина накупила разной старинной и красивой мебели, и въ настоящее время квартиры генерала производила очень пріятное впечатлѣніе: она была уютна и комфортабельна, даже стильна.

— Три года ея ужъ нѣтъ, — подумалъ Иванъ Петровичъ. — Какъ я любилъ ее, какъ мы хорошо жили! А сейчасъ вотъ все же я чувствую себя безконечно счастливымъ, хотя ея и нѣтъ со мною. Слабъ человѣкъ, вообще, а я въ особенности!

И даже Милочка вполне счастлива; Марихенъ замѣнила ей мать.

На огромномъ письменномъ столѣ, прислоненномъ передней стороной своей къ стѣнѣ, увѣшанной фотографіями, лежали газеты и письма. Вѣринъ присѣлъ къ столу и принялся разбирать корреспонденцію. Марихенъ же и Милочка въ это время полоскались въ ванной комнатѣ, и временами до Ивана Петровича долетали веселые возгласы дочери.

— Хорошо быть человѣкомъ женатымъ и семьяниномъ, — продекламировалъ генералъ изъ какой-то роли, которую исполнялъ въ юности на какомъ-то любительскомъ спектаклѣ, — все мое счастье въ семейной жизни.

Просмотрѣвъ наскоро свѣжій номеръ „Русскаго Слова“ и прочитавъ полученныя письма, Вѣринъ позвонилъ по те-

лефону, который стоялъ тутъ-же на письменномъ столѣ, къ разнымъ лицамъ и условился съ предсѣдателемъ суда, Новосильевымъ, зайти къ нему послѣ завтрака. Новосильевъ и Вѣринъ оба раньше служили въ Варшавѣ въ военно-прокурорскомъ надзорѣ, а потомъ попали въ Москву. Они уже много лѣтъ состояли въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Эти отношенія не измѣнились и послѣ того, какъ Новосильевъ въ качествѣ предсѣдателя суда сдѣлался до нѣкоторой степени начальникомъ Вѣрина, занимавшаго должность военнаго судьи. Жена Новосильева, Елена Константиновна, женщина-врачъ по профессіи, была также съ Иваномъ Петровичемъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Дѣтей у Новосильевыхъ не было.

Послѣ вкуснаго и обильнаго завтрака, который прошелъ очень оживленно, Вѣринъ направился въ Калошинъ переулокъ, гдѣ жили Новосильевы. Тамъ его встрѣтили съ распростертыми объятіями и стали угощать кофеемъ.

— А я, Николай Николаевичъ,—сказалъ Вѣринъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—женюсь и пришелъ къ вамъ поговорить по этому поводу.

— Ну,—радостно воскликнула Елена Константиновна,—вотъ такъ сюрпризъ! Отъ всего сердца поздравляю васъ. И знаете, мнѣ кажется, что я знаю, на комъ вы женитесь. На Марихенъ. Угадала?

— Угадали, — весело отвѣтилъ Вѣринъ, — но какимъ образомъ? Вѣдь, когда мы поѣхали въ Кисловодскъ, у меня и въ мысляхъ не было, что сдѣлаю Марихенъ предложение.

— А я все же этого ожидала, предчувствовала. Я замѣтила, что Марья Оскаровна влюбилась въ васъ и была увѣрена, что ея любовь вызоветъ взаимность въ вашемъ сердцѣ. Вы будете вполне счастливы. Ваша неvěста чудная дѣвушка; я ее очень люблю.

— Не думаете-ли вы, Николай Николаевичъ, — обратился Вѣринъ къ Новосильеву,—что мнѣ придется выйти въ отставку? Мой бракъ вѣдь можетъ быть признанъ „непристойнымъ“, такъ какъ по паспорту моя неvěста значится мѣщанкой. Я вѣдь давно подумываю объ отставкѣ. Съ процентныхъ бумагъ у меня дохода около семи тысячъ, а съ пенсіей я буду всего имѣть болѣе девяти тысячъ въ годъ. На эти деньги можно прожить даже въ праздности, чего я дѣлать не собираюсь. Какъ вы полагаете?

Новосильевъ, еще очень моложавый, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, брюнетъ съ живыми проницатель-

ными глазами, сочувственно посмотрѣлъ на Вѣрина и рѣшительно заявилъ:

— Все это пустяки. Бракъ вашъ вполне пристойный. Вотъ Франкъ женился же на своей кухаркѣ, а Милюкинъ избралъ себѣ въ жены совершенно необразованную продавщицу отъ „Мюръ и Мерилизъ“. Марья же Оскаровна кончила гимназію, я ее знаю съ самой хорошей стороны и, конечно, для васъ нѣтъ никакого смысла бросать службу. Что вы будете дѣлать въ отставку?

Отставной генералъ—самое жалкое существо. Вы еще молоды, надо еще послужить царю и отечеству. А когда думаете вѣнчаться?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, тянуть нечего.

— Ну, и отлично, подавайте рапортъ, а я буду вашимъ шаферомъ или посаженнымъ отцомъ. Еще до зимы все это устроится. Ничего нѣтъ тягостнѣе положенія влюбленнаго жениха, — пошутилъ Новосильевъ. — А я очень, очень радъ за васъ и отъ души поздравляю. Марья Оскаровна такая прелесть, что я прямо завидую вамъ, право. Главное въ ней качество — молодость. А молодость должна согрѣвать нашу старость.

— Ну, пошелъ, пошелъ,—перебила мужа Елена Константиновна,—сѣдой волосъ въ голову, а бѣсъ въ ребро. Только и думаетъ о молоденькихъ! И какъ это ему не надоѣло? Вѣрите-ли, Иванъ Петровичъ, онъ только и оживляется въ обществѣ молоденькихъ дѣвушекъ; смотреть на нихъ томными глазами и терять даже чувство собственнаго достоинства. Прямо противно!

Вѣринъ постарался переменить щекотливый разговоръ и, посидѣвъ еще немного, направился къ своему двоюродному брату по матери, Николаю Евгеньевичу Вѣкову, жившему на Малой Никитской.

— Гдѣ ты былъ, папочка? У дяди Коли?... „Оригиналку“ видѣлъ? — забросала Милочка отца вопросами, вѣщаясь ему на шею. — А сегодня на обѣдъ у насъ будетъ твой любимый осенній супъ съ блинчатыми пирожками, курица съ рисомъ подъ бѣлымъ соусомъ и мороженое. Ты доволенъ? Я вмѣстѣ съ Марихенъ весь обѣдъ заказала.

— Обѣдомъ я доволенъ, Милочка, а недоволенъ тѣмъ, что тетю Сашу ты называешь „оригиналкой“. Развѣ это можно?

— Но, папочка, дорогой, всѣ ее такъ называютъ, но

если ты не хочешь, то я ее такъ звать никогда, никогда не буду. Прости, папочка!

Иванъ Петровичъ крѣпко обнялъ дѣвочку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

Въ этотъ же день Марихенъ написала по нѣмецки и послала въ Ригу письмо слѣдующаго содержанія:

— Мои дорогіе родители! Мы сегодня пріѣхали въ Москву, и я спѣшу сообщить вамъ радостную для меня новость: господинъ Вѣринъ женится на мнѣ и въ октябрѣ, вѣроятно, будетъ наша свадьба. Я очень счастлива, такъ какъ уже три года люблю своего жениха, хорошо знаю его золотое сердце и безконечно привязана къ его дочери, которой постараюсь замѣнить мать. Очень буду рада, если вы пріѣдете на мою свадьбу; мы ее отпразднуемъ самымъ скромнымъ образомъ. Напишите мнѣ, все ли у васъ благополучно. Дорогихъ сестричекъ крѣпко обнимаю. Хорошо ли Линхенъ учится и поправилась ли Кетхенъ? Пишу вамъ всего нѣсколько словъ, такъ какъ сейчасъ очень занята приведеніемъ квартиры въ порядокъ. Всѣмъ привѣтъ.

Письмо кончалось словами: „Ich küsse eure Hände, teure Eltern und bitte um euren Segen. In Liebe Mariechen“.

Старый Бауманъ, счетоводъ въ магазинѣ Якша въ Ригѣ, читая это письмо своей женѣ, благообразной, уже пожилой, но крѣпкой нѣмкѣ, державшей всю семью въ большой дисциплинѣ, прослезился и съ чувствомъ сказалъ:

— Unser Mariechen wird Generalin, eine wirkliche Generalin! Wer hätte es gedacht!.. (Наша Марихенъ будетъ генеральшей, настоящей генеральшей! Кто бы могъ это подумать!..).

— Von einem so prächtigen Mädchen kann man alles erwarten. Gott gebe ihr Gesundheit und Glück! (Отъ такой чудной дѣвушки все можно было ожидать. Пошли ей, Господи, здоровья и счастья!) — отвѣтила фрау Бауманъ, стараясь овладѣть собой, но, боясь расплакаться и выдать этимъ свою слабость, она вышла изъ комнаты и начала гремѣть кастрюлями, въ чемъ не было рѣшительно никакой надобности.

XV.

На другой день послѣ завтрака Вѣринъ отправился на службу. Онъ любилъ эту ежедневную утреннюю прогулку, которая продолжалась полчаса. Шелъ онъ по тихимъ и спокойнымъ переулкамъ, пересѣкая Малую Никитскую и Поварскую. По Николо-Песковскому переулку онъ выходилъ на Арбатъ, гдѣ помѣщалось невзрачное, облѣзлое двухъэтажное зданіе военно-окружного суда, окрашенное въ какой то неопредѣленный желто-зеленый цвѣтъ.

Въ низкой, темноватой, хотя и довольно помѣстительной, передней суда Вѣрина встрѣтилъ столь хорошо ему знакомый швейцаръ, Жуковъ, одѣтый въ черную тужурку съ малиновыми выцвѣтшими кантами. Жуковъ солидно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, но привѣтливо поздравилъ генерала съ пріѣздомъ и повѣсилъ пальто его на обычное мѣсто.

По широкой деревянной лѣстницѣ Вѣринъ поднялся во второй этажъ, гдѣ помѣщался судъ; нижній этажъ былъ занятъ военно-прокурорскимъ надзоромъ. Въ комнатѣ для судей, гдѣ вся обстановка состояла изъ пяти большихъ столовъ, Вѣрина радостно привѣтствовала помощникъ секретаря, завѣдывавшій его частью, Иванъ Ивановичъ Танинъ. Вѣринъ со своимъ секретаремъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, такъ какъ очень цѣнилъ его работоспособность, изворотливость въ дѣлахъ и находчивость. Танинъ, обремененный большой семьей и получавшій всего сто двадцать рублей въ мѣсяцъ, сильно нуждался и съ горя часто выпивалъ, но работникъ онъ былъ незамѣнимый. Вѣринъ же очень не любилъ возни со старыми дѣлами и всей, такъ называемой, канцелярщины, а потому усердный и способный Танинъ, державшій всѣ дѣла въ полномъ порядкѣ, былъ для него кладъ, и онъ, по возможности, помогаль ему, чѣмъ еще больше возбуждалъ рвеніе своего сотрудника.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, какъ дѣла? Что новаго? Все ли у насъ въ порядкѣ? — обратился Вѣринъ къ Танину.

— У насъ, Ваше превосходительство, все всегда въ полномъ порядкѣ. А вотъ завтра намъ въ засѣданіе. Два дѣла по 279 статьѣ. Я вамъ ихъ сейчасъ принесу. Дѣла пустыя. По одному пять свидѣтелей, по другому—четыре. До трехъ часовъ кончимъ.

Вѣринъ вздохнулъ. Онъ терпѣть не могъ дѣла по этой статьѣ: признанные виновными по ней подлежали смертной казни. Принципіально генераль не былъ противъ смертной казни и въ исключительныхъ случаяхъ допускалъ цѣлесообразность ея примѣненія, но до сихъ поръ,—судей онъ былъ уже три года,—ему ни разу не пришлось вынести смертнаго приговора. Перспектива выступленія по дѣламъ, которыя могли кончиться смертными приговорами, подѣйствовала на него очень непріятно.

Въ комнату вошли другіе судьи — баронъ Михаилъ Карловичъ Ранкъ, Николай Ивановичъ фонъ Цапфейль, Петръ Петровичъ Лаврентьевъ и Алексій Григорьевичъ Ермановскій. Сръ всѣми, особенно съ Ранкомъ, Вѣринъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, а потому встрѣча съ товарищами быстро разсѣяла его дурное настроеніе, навѣянное необходимостью разбирать завтра непріятныя дѣла.

Лаврентьевъ же, которому онъ вскозь сказала, что ему приходится выступать по 279 статьѣ и что это ему очень не улыбается, добродушно замѣтилъ:

— Если хотите, я выступаю вмѣсто васъ. Мнѣ вѣдь все равно. Въ 1905 году я перевѣшалъ порядочное количество этихъ негодяевъ. Привыкъ! Мнѣ ихъ не жаль! Къ террористамъ у меня симпатіи нѣтъ; ихъ надо уничтожать, какъ сорную траву. Давайте ваши дѣла!..

Въ первый моментъ у Ивана Петровича было большое искушеніе воспользоваться любезнымъ предложеніемъ Лаврентьева, но потомъ у него мелькнула мысль, что добротой товарища, въ сущности, совѣстно злоупотреблять и кромѣ того рѣшилъ онъ: — Надо же когда нибудь начать; нельзя же вѣчно уклоняться отъ своей обязанности; вотъ потому то я и мечтаю объ отставкѣ, чтобы не разбирать подобныхъ дѣлъ.

По этимъ соображеніямъ Вѣринъ любезно отклонилъ предложеніе Лаврентьева.

Лаврентьевъ, маленькій сѣдоватый брюнетъ, живой, какъ ртуть, пользовался между своими сослуживцами репутаціей отличнаго человѣка и прекраснаго товарища. Онъ отличался остроуміемъ, но остроты его часто переходили извѣстную границу. Языка его многіе боялись. Нѣкоторые

считали его большимъ циникомъ, что до извѣстной степени было справедливымъ. Въ 1905 году Лаврентьевъ прослылъ кровожаднымъ судьей, революціонеры отзывались о немъ, какъ о „судѣ-кровопійцѣ“. Въ Ригѣ на него совершено было покушеніе; террористъ прострѣлилъ ему лицо, но онъ остался живъ, хотя и былъ одно время на волоскѣ отъ смерти. Линіи своего поведенія онъ, однако, не измѣнилъ и продолжалъ „свирѣпствовать“ попрежнему, то есть, не стѣсняясь, приговаривалъ къ смертной казни всѣхъ террористовъ, охотящихся за чинами полиціи и администраціи. Въ частной жизни это былъ чувствительнѣйшій и добродушнѣйшій человѣкъ, близко принимавшій къ сердцу всякую непріятность, постигшую не только пріятеля, но даже простого добраго знакомаго. Въ общемъ, Лаврентьевъ былъ типичнымъ неврастеникомъ, страшно неровнымъ, увлекающимся, куда-то вѣчно стремящимся, легко поддающимся подъ чужое вліяніе. Къ жизни онъ относился внѣшне съ полнымъ легкомысліемъ, говоря, что она ему надоѣла, что онъ ничуть не дорожитъ ею и готовъ принять смерть каждую минуту. Жена Лаврентьева, очень добрая и хорошая женщина, страшно была привязана и къ мужу, и къ сыну, который считался неудачникомъ, не хотѣлъ учиться и причинялъ родителямъ одно горе.

Просмотрѣвъ текущую переписку, Вѣринъ спустился внизъ въ прокурорскій надзоръ, гдѣ въ качествѣ помощника прокурора онъ до назначенія его судьей, прослужилъ четыре года. Въ надзорѣ всѣ встрѣтили его, какъ и въ судѣ, очень привѣтливо, такъ какъ молодой судья пользовался общими симпатіями сослуживцевъ. Вѣринъ прошелъ въ кабинетъ къ прокурору, Александру Николаевичу Актову, своему старому пріятелю, съ которымъ перекинулся нѣсколькими словами. Затѣмъ онъ прошелъ въ комнату секретаря и обратился къ пожилому худенькому человѣку, почти лысому, съ вопросомъ:

— А вы, дорогой Сергѣй Петровичъ, какъ живете? Что подѣлываютъ ваши гравюры? Нашли чтонибудь новое?

Сергѣй Петровичъ Яблоковъ, много лѣтъ занимавшій должность секретаря военнаго прокурора, былъ страстнымъ коллекціонеромъ русскихъ гравюръ-портретовъ. Его коллекція славилась въ средѣ собирателей гравюръ.

— Все отлично, Иванъ Петровичъ, — весело отвѣтилъ секретарь, — и новыя гравюры пріобрѣлъ. Очень любопытныя. Немножко начальство допекаетъ, — продолжалъ онъ, лукаво улыбаясь и глазами указывая на дверь проку-

рорскаго кабинета, — очень ужъ мы безпокойны и всего боимся!.. Все за голову хватается и ко мнѣ со всякими глупостями пристаешь, но меня вѣдь не проймешь и ничѣмъ не испугаешь. Десятаго, кажется, прокурора переживаю. Веду я свое дѣло добросовѣстно, какъ умѣю, но увлекаться имъ до самозабвенія, до отреченія отъ своей личной жизни, какъ это желательно моему начальству—воля ваша, я не могу... Александръ Николаевичъ, хотя и хорошій человѣкъ, но и себя совсѣмъ извелъ, и насъ всѣхъ старается въ гробъ вогнать.

Въ это время въ прокурорскомъ кабинетѣ раздался жалобный крикъ:

— Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ! Опять напутали, опять подвели!.. О, Боже, Боже, что же это такое?!

Яблоковъ, комично разведя руками, снисходительно-иронически улыбнулся. Безъ всякой торопливости онъ прошелъ въ кабинетъ къ Актову. Увѣреннымъ и спокойнымъ голосомъ онъ началъ что-то возражать своему взволнованному начальнику, который, видимо, въ концѣ-концовъ успокоился.

Когда Вѣринъ вернулся въ судъ, Лаврентьевъ своей быстрой семенящей походкой подошелъ къ нему и скороговоркой проговорилъ:

— А вы, тихоня, вздумали молодоженомъ сдѣлаться. Намъ же объ этомъ молчокъ. Бойтесь, что отобьемъ у васъ невѣсту. Хотите свою увядающую старость согрѣть по примѣру царя Соломона. Такъ-то, тихоня! Въ наказаніе вы должны итти съ нами въ „Прагу“ обѣдать: баронъ, Ермановскій, вы, я и вашего Танина прихватимъ! Идетъ? Иначе объявляю вамъ войну и отобью у васъ невѣсту.

— Идетъ, идетъ, — согласился Вѣринъ, — о моей женитьбѣ я вамъ собирался сказать, но милѣйшій Николай Николаевичъ, очевидно, все преждевременно разболталъ... Ну, идемъ! Уже пятый часъ. Сообщу только по телефону домой, чтобы меня не ждали къ обѣду.

Въ ресторанѣ на Арбатѣ генераловъ встрѣтили, какъ дорогихъ гостей; Тарарыкинъ, хозяинъ заведенія, худощавый и солидно одѣтый въ визитку мужчина среднихъ лѣтъ, подошелъ къ Лаврентьеву, какъ старому знакомому и за руку поздоровался съ нимъ, послѣ чего обмѣнялся рукопожатіями и съ остальными. Распорядитель, маленькій черный человѣчекъ, облеченный въ шикарный фракъ, провелъ компанію въ угловую столовую, гдѣ только что освобо-
дился очень удобный столикъ на шесть персонъ. Лавренть-

евъ, съ общаго согласія, потребоваль на закуску свѣжей икры, селедки, грибовъ и салатъ „à la Прага“.

— Обѣдъ же, господа, — заявилъ Лаврентьевъ, — возьмемъ „маленькій“.

Согласились и съ этимъ. Маленькій обѣдъ изъ трехъ блюдъ стоилъ 1 р. 25 коп., а большой, изъ пяти блюдъ — 2 р. 50 коп. Многіе посѣтители „Праги“ предпочитали „маленькіе“ обѣды не только изъ экономическихъ соображеній, но и потому, что считали первые свѣжѣе и здоровѣе. Большіе обѣды ѣли, главнымъ образомъ, провинціалы и иностранцы.

Высокій лакей съ длинной сѣдой бородой, одѣтый въ бѣлоснѣжныя полотняныя панталоны и рубаху, стянутую по талии цвѣтнымъ шнуркомъ съ кистями, живо разстелилъ на столъ свѣжую скатерть и установилъ приборы. Скоро появилась и закуска. Лакей сначала попытался разливать водку, но Лаврентьевъ самъ принялъ на себя обязанности виночерпія. Всѣ члены компаніи пили водку по разному: Танинъ, съ нескрываемымъ наслажденіемъ, чуть жмуря глаза, опрокидываль всю рюмку въ ротъ, но глоталь водку не сразу, а подержавъ ее нѣсколько мгновеній во рту. Лаврентьевъ быстро хлопаль рюмку за рюмкой, совершенно равнодушно, слегка морщась и, видимо, имѣя въ виду лишь конечную цѣль — поднятіе настроенія.

Ермановскій, очень полный и моложавый мужчина съ внѣшними признаками удовольствія медленно выпилъ одну рюмку и больше пить рѣшительно отказался, говоря, что сердце его не выноситъ водки. Остальные пили только рябиновку, при чемъ фонъ Цапфейль пилъ рюмку за рюмкой съ шутками и разными прибаутками; Ранкъ — съ такимъ кислымъ видомъ, точно исполняль тяжелую и непріятную обязанность, а Вѣринъ, дѣловито вливъ въ себя три рюмки, не смотря на настоянія Лаврентьева, забастоваль и больше не пилъ.

— Ну, баронъ, скажи, какъ всѣ твои, какъ баронесса? — обратилъ Вѣринъ къ Ранку, накладывая себѣ знаменитаго салата — гордость ресторана.

— Спасибо. Все отлично. Сейчасъ я одинъ; мои еще въ деревнѣ; пріѣдутъ черезъ недѣлю. Скучно одному.

— А вы пейте больше, — пошутилъ Лаврентьевъ, — тогда и не будетъ скучно: — „легкой дремой отуманъ насъ, вино“ совѣтуетъ поэтъ. Помните!?

— У меня опьяненіе не веселое, — возразилъ Ранкъ, — когда я выпью, мнѣ еще тоскливѣе, и я хочу плакать.

— Это потому, что вы настоящимъ образомъ не напиваетесь, а вы попробуйте напиться хорошенько, тогда повеселѣте!.. Да чего вы киснете? Имѣете красавицу-жену, прелестныхъ дѣтей, домъ въ Москвѣ, всѣ васъ любятъ... Нѣтъ, скажите мнѣ, — горячился Лаврентьевъ, — чего вы киснете? Вы не имѣете права киснуть: у васъ все есть, вы счастливчикъ!

— Да я, Петръ Петровичъ, стараюсь не киснуть, — улыбаясь отвѣтилъ Ранкъ, — и, дѣйствительно, ни на что жаловаться не могу, но эта подлая меланхолія сидитъ во мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ. Мать говорила, что когда она носила меня, все время было очень печально настроена, такъ какъ на нее обрушились тогда разныя несчастья. Вотъ потому-то изъ меня, вѣроятно, и получился такой кисляй.

— За здоровье прирожденного кисляя и всей его семьи, — воскликнулъ Цапфейль, чокаясь съ Ранкомъ.

Цапфейль, Ранкъ и Вѣринъ въ военно-юридической академіи были на одномъ курсѣ и говорили другъ другу „ты“, выпивъ на „брудершафтъ“ во время прощальнаго объѣда.

— А, и Стефанеско пришелъ, слушаемъ, — замѣтилъ Вѣринъ.

На маленькой эстрадѣ главнаго зала появился полный пожилой мужчина съ черными усами, на видъ типичный румынъ. Онъ сѣлъ за столикъ, на которомъ стояли цимбалы, а у піанино занялъ мѣсто худенькій, невзрачный бѣлокурый юноша. Настроивъ инструментъ, Стефанеско началъ играть какой-то веселый венгерскій маршъ. Послѣ марша, по просьбѣ кого-то изъ публики, музыкантъ исполнилъ вторую рапсодію Листа, пѣсню Шуберта и разныя другія вещи. Игралъ онъ превосходно.

— Право, — сказалъ фонъ-Цапфейль, — этотъ Стефанеско положительно замѣчательный музыкантъ. Послушайте только, съ какимъ выраженіемъ и какъ виртуозно играетъ онъ эту пьесу Чайковскаго. Я слушаю его всегда съ наслажденіемъ. И какой у него громадный репертуаръ.

Всѣ присутствующіе согласились съ мнѣніемъ Цапфейля, а Лаврентьевъ съ бокаломъ вина, которое было потребовано въ серединѣ объѣда, побѣждалъ къ Стефанеско, съ которымъ, какъ постоянный посѣтитель ресторана, былъ знакомъ, и отъ лица своей компаніи передалъ виртуозу рядъ комплиментовъ. Объѣдающая публика немного косилась на маленькаго, бойкаго, черненькаго генерала, громко шутившаго съ музыкантомъ и заставлявшаго его

пригубить бокаль съ виномъ, но Лаврентьевъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, и, поболтавъ непринужденно съ цимбалистомъ, вновь вскорѣ присоединился къ своимъ.

Въ ресторанъ прибывали все новые и новые посѣтели; свободныхъ столиковъ уже не было. Стефанеско своей зажигательной игрой способствовалъ поднятію общаго настроенія не меньше, чѣмъ пѣнящееся въ бокалахъ шампанское.

— Ну-съ, господа,—скороговоркой, какъ всегда, затараторилъ Лаврентьевъ, — выпьемъ за семейное счастье нашего достойнаго Ивана Петровича, который на-дняхъ будетъ имѣть удовольствіе назвать своей женой прелестное молодое существо съ береговъ Двины. Мы надѣмся, что Иванъ Петровичъ, несмотря на свои годы, въ грязь лицомъ не ударитъ и окажется на высотѣ своихъ мужскихъ обязанностей, помощниковъ ему не понадобится.

— Перестаньте, Петръ Петровичъ—прервалъ Лаврентьева Вѣринъ,—а то договоримся до того, что мнѣ придется на васъ обижаться, а я васъ такъ люблю, что обижаться на васъ не хотѣлъ бы...

— Дорогой мой,—добродушно началъ возражать Лаврентьевъ,—я васъ не хочу обидѣть и вѣрю въ ваши способности. А безъ нихъ семейная жизнь — адъ. Возьмемъ, напримѣръ, чету Башкировыхъ. Посмотрите только до чего этотъ слабосильный человѣчишка довелъ свою прелестную усатенькую темпераментную подругу. Она его прямо начинаетъ ненавидѣть. Я ужъ хочу по-пріятельски прямо по-совѣтовать ей найти для своего мужа помощника, а то она, бѣдная, изведется въ конецъ. Что это за мужъ, который въ теченіе пяти лѣтъ не можетъ дать женѣ ребенка!..

Ермановскій и другіе постарались отвлечь „блудослова“, какъ иногда называли генерала отъ щекотливой темы; удалось это имъ не безъ труда.

— Все бы хорошо,—думалъ Вѣринъ,—если бы завтра не надо было мнѣ разбирать эти проклятыя дѣла по 279 ст.

Эта перспектива сильно портила его настроеніе.

Расплатившись по счету, при чемъ на долю cadaго съ чаевыми пришлось около десяти рублей, всѣ направились по домамъ. Танинъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ генераловъ за угощеніе и на Арбатской площади сѣлъ въ трамвай: жилъ онъ на краю города. Лаврентьевъ и Ермановскій поѣхали на извозчикъ, а остальные пошли пѣшкомъ.

XVI.

Засѣданія въ военно-окружномъ судѣ начинались въ одиннадцатъ часовъ утра. За полчаса до этого Вѣринъ уже сидѣлъ въ совѣщательной комнатѣ и вновь перелистывалъ дѣла, съ которыми познакомился наканунѣ. Танинъ, проявляя кипучую дѣятельность, бѣгалъ по коридорамъ суда, собирая свидѣтелей и всѣхъ участвующихъ въ засѣданіи лицъ.

— Пріятное извѣстіе, — радостно объявилъ онъ Вѣрину, влетая, какъ вихрь, въ совѣщательную комнату, — сейчасъ изъ тюрьмы получена бумага, что подсудимый Мосинъ умеръ. Такимъ образомъ, у насъ пойдетъ только дѣло о Николаевѣ. Его уже привели; свидѣтели тоже всѣ на лицо.

— Молодчина, Мосинъ, — облегченно вздохнулъ Вѣринъ, — во время догадался отправиться на тотъ свѣтъ. Ну, а Николаевъ, мнѣ кажется, выпутается. Дѣло дутое!

Подошли участвовавшіе въ засѣданіи временные члены суда отъ строевыхъ частей войскъ. Дѣло о Николаевѣ на основаніи „Положенія о чрезвычайной охранѣ“ разсматривалось по законамъ военного времени. Въ составъ суда по подобнымъ дѣламъ входили: военный судья, въ качествѣ предсѣдательствующаго, и два штабъ-офицера, въ качествѣ членовъ. Гражданская власть охотно сплавляла въ военный судъ всѣ тѣ дѣла, по которымъ, по ея мнѣнію, надо было проявить особую строгость.

— Кто обвиняетъ сегодня? — спросилъ Танина Вѣринъ.

— Подполковникъ Филимовъ. Онъ уже пришелъ. Все готово. Ровно въ одиннадцатъ часовъ можно будетъ начать.

— Тогда собирайте всѣхъ, Иванъ Ивановичъ.

Танинъ побѣжалъ въ залъ засѣданій. Въ это время въ совѣщательную вошелъ помощникъ военного прокурора Филимовъ. Ивану Петровичу было очень пріятно, что по „висьальному“ дѣлу выступаетъ именно Филимовъ: между ними были хорошія отношенія.

— Ну, Александръ Петровичъ, — обратился Вѣринъ къ Филимову, — что-то мы сдѣлаемъ съ этимъ Николаевымъ? Будете свирѣпствовать?

— Посмотримъ, — съ улыбкою отвѣтилъ прокуроръ. — Дѣло въ общемъ довольно глупое. Защищаетъ Якуловъ. Хорошій защитникъ.

Замѣтивъ въ коридорѣ присяжнаго повѣреннаго Якулова, которому всѣ симпатизировали въ судѣ, Вѣринъ вышелъ къ нему поздороваться.

Въ общемъ присяжные повѣренные, которымъ приходилось защищать въ Московскомъ военно-окружномъ судѣ, нерѣдко говорили, что предпочитаютъ выступать въ военномъ судѣ по политическимъ и такъ называемымъ „охраннымъ“ дѣламъ, нежели въ Судебной Палатѣ. По ихъ мнѣнію, военный судъ судилъ мягче и давалъ больше свободы защитнику.

— Все готово. Можно начинать, — доложилъ Танинъ. — Судъ идетъ; прошу встать! — громко провозгласилъ онъ, вылетая изъ совѣщательной комнаты въ залъ засѣданій.

Въ залѣ, въ которомъ могло помѣститься болѣе ста человѣкъ, постороннихъ лицъ не было. За рѣшеткой около секретарскаго столика между двумя конвойными стоялъ подсудимый, человѣкъ лѣтъ сорока, съ угрюмымъ, но покорнымъ выраженіемъ лица. Ниже рѣшетки за столомъ сидѣлъ защитникъ, человѣкъ средняго роста восточнаго облика съ бритымъ лицомъ и очень добрыми карими глазами. Противъ подсудимаго на томъ же возвышеніи, гдѣ находился судейскій столъ съ зеркаломъ, стояла конторка и отдѣльный столикъ, за которымъ помѣщался обвинитель. Три портрета императоровъ во весь ростъ составляли все украшеніе зала.

Засѣданіе началось. Послѣ удаленія всѣхъ пятерыхъ свидѣтелей въ особую комнату, Танинъ монотоннымъ голосомъ, мало обращая вниманія на знаки препинанія, скороговоркой началъ читать обвинительный актъ. Временные члены съ видимымъ напряженіемъ старались вникнуть въ смыслъ читаемаго, при чемъ одинъ изъ нихъ, чтобы лучше слышать, приложилъ даже ладонь къ уху. Подсудимый съ тоской смотрѣлъ на украшенную орденами и медалями грудь одного изъ судей и временами тяжело вздыхалъ.

Суть дѣла, по обвинительному акту, заключалась въ слѣдующемъ: на Большой Грузинской улицѣ подсудимый Николаевъ въ квартирѣ своего знакомаго въ нетрезвомъ

видѣ произвелъ буйство. Мѣщанинъ Коловратовъ, хозяинъ квартиры, пригласилъ полицію. Двое городскихъ забрали Николаева и повели въ участокъ. Николаевъ въ участокъ итти не пожелалъ, а пытался застрѣлить городскихъ бывшимъ при немъ револьверомъ и при сопротивленіи до кости прокусилъ палецъ одному городскому. Раньше подсудимый судился уже два раза, при чемъ въ этомъ еще году отбылъ годичное тюремное заключеніе за причиненіе раны. По мнѣнію эксперта, осматривавшаго прокушенный палецъ городского, поврежденіе это должно быть отнесено къ разряду тяжкихъ. Для провѣрки этой экспертизы былъ вызванъ въ судъ, въ качествѣ эксперта, хирургъ изъ военнаго госпиталя.

Когда секретарь кончилъ чтеніе обвинительнаго акта, Вѣринъ обратился къ подсудимому съ обычнымъ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, при чемъ объяснилъ ему существо обвиненія.

Николаевъ не сразу отвѣтилъ, видимо, собираясь съ силами. Онъ заговорилъ, сначала сбиваясь и неохотно, но потомъ оправился и продолжалъ свою рѣчь съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Я, конечно, господа судьи, виноватъ и знаю, что мнѣ погибать. Знаю, что спасти свою голову мнѣ не удастся. На то и военный судъ. Для того меня и предали военному суду, чтобы, того, значить, порѣшить. Я къ этому, значить, приготовился. Но дозвоьте все-жъ объяснить, какъ дѣло то есть было. Я слесарь и люблю выпить. Это меня и погубило, пьянство это самое. Я два раза уже судился и оба то есть раза прорвался въ пьяномъ видѣ. Держусь, держусь, а потомъ и прорвусь. Такое мое то есть несчастіе. Какъ выпью, такъ того, все забываю, то есть, къ людямъ привязываюсь зря. У меня сожительница, въ родѣ жены, значить. Вотъ къ ней, къ сожительницѣ моей, и сталъ подмазываться Коловратовъ, который здѣсь въ свидѣтеляхъ противъ меня. Ну, конечно, я его того... въ пьяномъ видѣ сталъ отъ него требовать отчета... подрался съ нимъ даже, а онъ сію минуту за полиціей побѣжалъ. Когда пришла полиція, я сталъ грозить револьверомъ, который у меня въ починкѣ былъ. Револьверъ у меня вырвали и поволокли. Ну, конечно, я отбиваться. Тутъ господа городские бить меня! Я, вѣроятно, началъ кусаться, но не помню. Ну, а какъ меня доставили въ участокъ, запомнать, то есть ничего не помню: и отъ вина, и отъ битья, Вотъ и вся то есть правда... Признаю себя виновнымъ.

но умысла у меня то есть никакого не было, просто выпилъ лишнее. Поощадите, господа судьи!

Кончивъ свои объясненія, подсудимый замолчалъ и угрюмо началъ смотрѣть на портретъ Александра II.

Пошептавшись съ членами суда, Вѣринъ объявилъ, что, не смотря на чистосердечное сознаніе подсудимаго, судъ для всесторонняго разъясненія обстоятельствъ дѣла, приступить къ повѣркѣ доказательствъ.

Ввели свидѣтелей, двухъ дюжихъ городовыхъ, приличнаго на видъ среднихъ лѣтъ мѣщанина Коловратова, дѣвицу Меланью Ивановну Тюникову, дворника Панкратова и приказчика Романова.

Первымъ былъ допрошенъ потерпѣвшій. Онъ однимъ духомъ изложилъ передъ судомъ суть происшествія, едва не стоившаго ему пальца. По его показанію выходило, что подсудимый пьянъ не былъ, а лишь слегка выпивши. Когда его вели въ участокъ, онъ не только отбивался, кусался и вырывался, но все время взывалъ къ скопившейся на улицѣ публикѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ мастеровыхъ, требуя, чтобы за него вступились и освободили отъ „фараоновъ“. Эти дѣйствія подсудимаго вызвали около участка „неблагопріятное для власти народное волненіе“. Палецъ потерпѣвшему Николаеву прокусилъ до кости, первое время палецъ даже плохо сгибался.

На вопросъ обвинителя, пытался ли подсудимый произвести въ городскихъ выстрѣлъ изъ револьвера, свидѣтель отвѣтилъ, что пытался нѣсколько разъ, но, видимо, револьверъ далъ осѣчки.

— Скажите, свидѣтель, — мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ спросилъ защитникъ, — вы, конечно, когда вели подсудимаго, не толкали его, онъ шелъ самъ; тащить его не пришлось; онъ былъ, по вашимъ словамъ, только слегка выпивши?..

— Такъ точно, не толкали и не тащили, — весело гаркнулъ потерпѣвшій, — они-съ шли сами-съ, а мы только слегка сзади подпирали ихъ, помогали имъ и держали-съ за руки. А пьяны они были мало, хотя, конечно, шатались и неприлично по матерному ругались, какъ полагается пьяному человѣку... Вели мы ихъ очень вѣжливо, никакихъ положительно насилій не учиняли. Въ пьяномъ видѣ они-съ очень всегда буйны. Въ околodкѣ они у насъ были на замѣчаніи, какъ два раза уже судившіяся. Мы за ними имѣли всегда особое и неослабное наблюденіе.

Подсудимый на показанія городского ничего возразить не захотѣлъ.

Другой городской подтвердилъ показанія товарища и только добавилъ, что Николаевъ такъ сопротивлялся, что въ участокъ его пришлось тащить силой; онъ подгибалъ подъ себя ноги, не желая ими дѣйствовать.

Свидѣтель Коловратовъ далъ такія объясненія:

— Я жилъ съ ними, то есть съ господиномъ Николаевымъ, на одномъ дворѣ. У меня тамъ мелочная лавочка. Ихъ сожительница, Меланія Ивановна, иногда заходили ко мнѣ, но никакихъ подозрительныхъ сношеній между нами, господа судьи, не было. Я только жалѣлъ Меланію Ивановну, такъ какъ сожитель ихній въ пьяномъ видѣ до чрезвычайности тиранилъ ихъ и все грозилъ, что убьетъ ихъ, если онѣ-съ ему со мной, значить, измѣнятъ, чего у меня, конечно, и въ мысляхъ никогда не было. И вотъ подъ вечеръ двадцать перваго числа, когда я сидѣлъ у себя и пилъ чай, зашли ко мнѣ Меланія Ивановна; ну, конечно, я имъ изъ учтивости чайку предложилъ... Ну, онѣ и согласились... только это сѣли мы за столъ, сталъ я чай наливать...

— Совѣсти у васъ нѣтъ, Григорій Порфирьевичъ, а еще присягу принимали, — прервалъ свидѣтеля подсудимый, — не чай вы пили съ Меланьей, а другое дѣлали... Я же видѣлъ, не слѣпой...

Вѣринъ остановилъ Николаева и когда порядокъ былъ возобновленъ, Коловратовъ продолжалъ:

— Только мы, господа судьи, начали пить чай, какъ вдругъ влетаетъ къ намъ въ комнату Николаевъ-съ въ не своемъ видѣ. Въ рукахъ они держали заряженный левольвертъ, и я тутъ подумалъ, что смерть моя неминуха. Мнѣ все же удалось, спасая свою жизнь, проскочить во дворъ... Богъ спасъ!.. Я бросился прямо въ участокъ; онъ у насъ рядомъ. А за собой слышу я раздираемые крики Меланіи Ивановны. Ну, думаю, загубилъ онъ ее. Изъ участка привелъ я господъ городскихъ. Они, конечно, хотѣли взять душегубца, а они стали изъ своего левольверта стрѣлять, но, къ счастью, произошла осычка.

— Испорченъ былъ, — мрачно проговорилъ подсудимый.

Вѣринъ строго посмотрѣлъ на него, и онъ успокоился.

— Тутъ, — продолжалъ Коловратовъ, — господа городские мужественно, не щадя себя, бросились на посягателя и въ моментъ обезоружили его, а потомъ пригласили съ

нимъ въ участокъ пойти для протокола, какъ, то есть, полагается. Какъ дальше было, не знаю, такъ какъ я остался дома, чтобы подать помощь избитой Меланіи Ивановнѣ. Я пошелъ въ участокъ уже послѣ, когда Николаевъ находился уже въ мѣстѣ своего водворенія, то есть подъ замкомъ.

— Скажите, свидѣтель, — спросилъ Якуловъ, когда обвинитель кончилъ свой допросъ, — вы съ Меланіей Ивановной пили чай при закрытыхъ дверяхъ? Дверь ваша была заперта на задвижку или нѣтъ?

— Оно, дѣйствительно, дверь была заперта на крючекъ, маленькій совѣтъ крючекъ, но господинъ Николаевъ, когда произвели свой дебошъ, врываясь ко мнѣ, крючекъ сорвали; ну, дверь, конечно, отперлась. Я присягу принималъ, всю правду показываю!.. Какъ оно было. Мы тоже съ понятіемъ!

Когда затѣмъ Вѣринъ предложилъ подсудимому дать свои объясненія, онъ, сбиваясь и путаясь, но горячо и искренно заявилъ:

— Такъ что Коловратовъ говоритъ неправду, хотя и присягу принималъ. Онъ у меня хотѣлъ отбить сожителяницу. Съ этого, то есть, все и пошло! Меня въ этотъ день Меланія напоила и думала, что я вотъ спать буду, а я, то есть, только притворился будто сплю; въ мысляхъ я давно подозрѣніе имѣлъ. Не чай они пили, а другое дѣлали и не за столомъ, а на постели. Не думали они, видно, что я приду. Когда я это, то есть, увидѣлъ, то хотѣлъ побить своего врага, но онъ удралъ, а Меланья бросилась передо мной на колѣни и стала рыдаючи прощенія просить. Ну, я ее, дѣйствительно, два раза ударилъ, а потомъ уже хотѣлъ простить да къ себѣ отвести, а тутъ полиція явилась и забрала меня. Я, конечно, отбивался... Я же пострадалъ и меня же въ участокъ! Какая тутъ справедливость!.. Теперь я же и виноватъ! Господамъ городовымъ Коловратовъ на Пасху и на Рождество сахаръ и чай въ подарокъ даетъ, они вотъ и показываютъ за него, а я какъ два раза, то есть, судимшись, и за человѣка теперь не считаюсь... и меня хотятъ повѣсить!.. О, Господи!..

Меланія Ивановна Тюнина, маленькая невзрачная женщина, лѣтъ двадцати шести, передъ судейскимъ столомъ такъ сконфузилась, что потребовалось нѣсколько минутъ, чтобы ее успокоить. Связно и самостоятельно изложить событія она не могла, а могла отвѣчать только на вопросы. Изъ ея отвѣтовъ выяснилось, что она, хотя „вполнѣ и не

измѣнила сожителю“, но часто заходила къ Коловратову, который былъ съ нею очень любезенъ, и пила съ нимъ чай. Во всемъ печальномъ происшествіи она считала себя главной виновницей, такъ какъ Николаевъ, хотя и выпивалъ иногда, и былъ ревнивъ, но человекъ хорошій и жалѣлъ ее.

Приказчикъ и дворникъ ничего существеннаго къ показаніямъ предыдущихъ свидѣтелей не прибавили. Экспертъ-хирургъ, осмотрѣвъ палецъ потерпѣвшаго, заключилъ, что съ пальцемъ все обстоитъ благополучно. Револьверъ оказался настолько испорченнымъ, что и выстрѣлить изъ него нельзя было. Въ этомъ судьи убѣдились лично, такъ какъ эксперта по оружію забыли вызвать. Судебное слѣдствіе кончилось къ часу дня. Вѣринъ объявилъ перерывъ на полчаса.

Къ заключительнымъ преніямъ вошли въ залъ два кандидата на военно-судебныя должности и Ранкъ.

Филимовъ ограничилъ свою обвинительную рѣчь нѣсколькими словами, заявивъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ поддерживать выводы обвинительнаго акта, такъ какъ обвиняемый самъ сознался въ приписываемомъ ему преступленіи, и сознаніе его подтвердилось на судебномъ слѣдствіи. Обвинитель, видимо, поддерживалъ обвиненіе лишь формально. Этимъ воспользовался Якуловъ. Въ коротенькой, но энергичной и красивой рѣчи онъ потребовалъ полного оправданія своего подзащитнаго, который „являлся лишь жертвой несчастнаго стеченія обстоятельствъ, а не преступникомъ, заслуживающимъ висѣлицы“. Кончилъ свою защиту Якуловъ такъ:

— Я давно уже имѣю дѣло съ военнымъ судомъ, а потому совершенно спокойно ожидаю вашъ приговоръ. Я не сомнѣваюсь, что всегда справедливый и безпристрастный московскій военно-окружный судъ вынесетъ подсудимому оправданіе. Этого оправданія властно требуютъ всѣ обстоятельства настоящаго дѣла; потребуетъ его въ совѣщательной комнатѣ и ваша судейская совѣсть.

При послѣдней фразѣ голосъ защитника дрогнулъ, въ углу праваго глаза его показалась слеза, и онъ въ волненіи опустился на стулъ, при одобрительномъ кивкѣ одного изъ временныхъ судей.

— Вамъ принадлежитъ послѣднее слово, подсудимый,— обратился Вѣринъ къ Николаеву, — что вы еще желаете сказать въ свое оправданіе?

— Невинно страдаю, — съ усиліемъ проговорилъ по-

слѣдній, озираясь на защитника и какъ бы прося у него помощи, — я все сказалъ уже, — уныло добавилъ онъ.

— Объявляю заключительныя пренія окончеными. Судъ удалится для совѣщанія.

Съ этими словами Вѣринъ всталъ и прошелъ съ судьями въ совѣщательную комнату.

— Ну-съ, господа, что мы сдѣлаемъ? — сказалъ онъ, положивъ передъ собою вопросный листъ и взявъ въ руки перо. — Какъ вы думаете?

— Дѣло то пустое, — со вздохомъ проговорилъ молодой подполковникъ. — За это повѣсить нельзя.

— Я тоже думаю, что все это пустяки, — присоединился къ подполковнику полный и пожилой полковникъ, во время зазданія слушавшій дѣло съ усиленным вниманіемъ. — Этотъ Коловратовъ, конечно, находился въ связи съ бѣлобрысой... забылъ ее фамилію... Ну, а Николаевъ, натурально, приревновалъ. Городовые, видимо, друзья Коловратова. Поусердствовали! Конечно, Николаевъ, когда его тащили, сопротивлялся и палецъ прокусилъ, но... вѣшать за это человѣка?! — при этихъ словахъ полковникъ пожалъ плечами и съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— Ну, тогда оправдаемъ, — весело отозвался Вѣринъ, — я вполнѣ съ вами согласенъ. Вотъ только надо хорошенько отвѣтить на вопросы, чтобы не послѣдовало протеста со стороны прокурора.

Судьи занялись куреньемъ, а Вѣринъ началъ писать отвѣты на вопросы и затѣмъ составилъ резолюцію. Согласно этимъ отвѣтамъ на вопросы вышло такъ, что Николаевъ, когда городовые вели его въ участокъ, нисколько не сопротивлялся, а шелъ совершенно спокойно; при этомъ онъ былъ настолько пьянъ, что конвоирамъ пришлось его поддерживать. Когда же Николаевъ началъ кричать, и городской зажалъ ему ротъ, тогда подсудимый случайно безъ всякаго умысла, закрывая ротъ, прокусилъ палецъ потерпѣвшему, причинивъ ему легкую рану. Негоднымъ къ стрѣльбѣ револьверомъ Николаевъ никому не угрожалъ, а только держалъ его въ рукахъ.

Изъ всего инкриминируемаго подсудимому преступленія осталось, такимъ образомъ, только нарушеніе порядка и тишины въ публичномъ мѣстѣ. Согласно резолюціи, Николаевъ былъ признанъ виновнымъ въ этомъ послѣднемъ проступкѣ и невиновнымъ въ оказаніи сопротивленія городovýmъ при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, по недоказанности этого обвиненія. Приговари-

вался онъ къ аресту на пять дней, но, въ виду зачета въ наказаніе времени, проведеннаго въ предварительномъ заключеніи, осужденный отъ всякаго наказанія освобожденъ. Временные члены съ удовольствіемъ подписали вопросный листъ и резолюцію, послѣ чего Вѣринъ три раза надавилъ пуговку электрическаго звонка въ знакъ того, что совѣщаніе судей кончилось. Влетѣвшій черезъ нѣсколько минутъ Танинъ доложилъ судьямъ, что все готово.

Вѣринъ съ судьями вышелъ въ залъ и началъ читать резолюцію. Въ залъ собрались свидѣтели и нѣсколько писарей изъ канцеляріи суда. Николаевъ не сразу понялъ, что отъ всякаго наказанія онъ освобождается и только тогда, когда Якуловъ объяснилъ ему это, онъ началъ быстро креститься и кланяться въ сторону суда, приговаривая:

— Благодарю васъ, господа военный судъ! Не погубили человѣка!..

— Васъ, Николаевъ, освободятъ въ тюрьмѣ. Я туда бумагу пошлю сейчасъ.

Рѣшеніемъ суда, видимо, всѣ остались довольны, даже обвинитель и потерпѣвшій.

Одинъ Коловратовъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, и криво усмѣхаясь, сказалъ Тюниной:

— Поздравляю васъ, Меланія Ивановна: опять къ вамъ вашъ душегубъ вернется!

Но Тюнина отвернулась отъ Коловратова и, быстрыми шагами подойдя къ рѣшеткѣ, за которой еще стоялъ подсудимый, крикнула ему:

— Я, Митя, буду ждать тебя. Скорѣй приходи!

Николаевъ ласково улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ.

Когда Иванъ Петровичъ шелъ домой, ему казалось, что у него гора свалилась съ плечъ. Исходомъ дѣла онъ былъ доволенъ, а потому чувствовалъ себя особенно пріятно настроеннымъ.

Въ три часа онъ былъ уже дома. Милочка съ визгомъ выбѣжала къ отцу въ переднюю и объявила, что Тамарочка Пиратова проситъ ее къ себѣ завтра въ гости.

Вѣринъ увелъ дочь въ кабинетъ и, посадивъ ее около себя, серьезно сказалъ ей:

— Милочка, ты помнишь свою маму?

— Конечно, папочка, отлично помню. Я ее очень до сихъ поръ люблю. Такъ жаль, что она умерла. И она меня такъ любила!

— А Марихенъ ты любишь?

— И Марихенъ страшно люблю. Я обѣихъ люблю; не знаю даже, которую больше. Раньше, вѣроятно, я маму больше любила, ну, а теперь... ужъ не знаю сама!

Милочка замолчала и вопросительно-серьезно посмотрѣла на отца.

— Я, Милочка, — краснѣя и запинаясь сказалъ Вѣринъ, — хочу жениться на Марихенъ; тогда она будетъ твоей мамой. Ты понимаешь!..

Дѣвочка нѣкоторое время ничего не отвѣчала, потомъ прижалась къ отцу, крѣпко обняла его и прошептала:

— Папочка, я думаю, такъ хорошо будетъ. Еще даже лучше будетъ, какъ сейчасъ: Марихенъ насъ обоихъ такъ любить!

Въ кабинетъ въ эту минуту вошла Марихенъ. Милочка бросилась къ ней на шею и принялась цѣловать ее, приговаривая:

— Ты теперь будешь моей мамой! Слышишь? А я буду твоей дочерью! Чудесную вещь папа придумалъ. Онъ всегда что-нибудь придумаетъ отличное!

У Марихенъ навернулись на глазахъ слезы; чувствовалъ себя очень растроганнымъ и Вѣринъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора въ маленькой церкви на Спиридоновкѣ состоялось вѣнчаніе Вѣрина съ Марихенъ. Въ качествѣ шаферовъ на бракосочетаніи присутствовали Ранкъ, Ермановскій, Яблоковъ и Филимовъ. Свадьба отличалась скромностью. Иванъ Петровичъ хотѣлъ только, чтобы пѣніе было хорошее, а потому пригласилъ хоръ Юхова. Изъ знакомыхъ въ церкви были преимущественно сослуживцы жениха, въ томъ числѣ Новосильевъ съ женой, Лаврентьевъ и Актовъ. Марихенъ въ изящномъ, бѣломъ платьѣ, по отзыву присутствовавшихъ, имѣла видъ Гретхенъ въ тотъ моментъ, когда ее увидѣлъ впервые Фаустъ. Милочка смотрѣла на нее съ восхищеніемъ и повторяла:

— Какая моя мамочка прелесть! Какая она душка! Одинъ восторгъ!

И женихъ, и невѣста имѣли такой счастливый, сіяющій видъ, что Лаврентьевъ лукаво замѣтилъ:

— У брачующихся такой веселый огонекъ въ глазахъ, какъ будто они стоятъ не передъ неизвѣстнымъ имъ тайнствомъ любви, а закрѣпляютъ только за собой уже хорошо извѣстное имъ блаженство. Какъ вы думаете, Филимоша?

— Молчите, ядовитый генераль, — прошепталъ въ отвѣтъ Филимовъ, — ничего для васъ нѣтъ святого!..

Послѣ вѣнчанія, около семи часовъ вечера, всѣ пошли изъ церкви къ молодымъ пѣшкомъ. Осенній сухой, теплый вечеръ былъ такъ хорошъ, что даже молодые отпустили наемную карету и вернулись къ себѣ пѣшкомъ; благо квартира находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви. Милочка все время была въ возбужденно-счастливомъ настроеніи и, на вопросъ Новосильева, рада ли она, съ чувствомъ отвѣтила:

— Очень, очень рада! Я теперь знаю, что Марихенъ останется со мной вѣчно, а я ее такъ люблю. И папочка такой довольный.

— Вѣчно ты не будешь со своей Марихенъ, — возразилъ Новосильевъ, — черезъ нѣсколько лѣтъ ты сама выйдешь замужъ, а тогда оставишь и папу своего, и свою новую мамашу.

— Ну, я объ этомъ не думаю, — серьезно сказала дѣвочка. — Я хотѣла бы совсѣмъ не выходить замужъ и вѣчно жить такъ, какъ сейчасъ: мнѣ вѣдь такъ хорошо!..

На квартирѣ у Вѣриныхъ выпили за здоровье молодыхъ, а Лаврентьевъ настоялъ на томъ, чтобы они поцѣловались. Затѣмъ, пожелавъ новобрачнымъ долгой и счастливой жизни, гости ушли.

XVII.

Баронъ Михаилъ Карловичъ Ранкъ жилъ въ небольшомъ особнякѣ на Патріаршихъ прудахъ, очень близко отъ Вѣрина, съ которымъ находился въ большой дружбѣ. Между друзьями было много общаго и ихъ всегда какъ то тянуло другъ къ другу. Ранка всѣ знакомые считали баловнемъ судьбы. Женатъ онъ былъ уже около пятнадцати лѣтъ на женщинѣ, все еще сохранившей свою былую красоту и считавшейся доброй, хорошей и пріятной. Дѣтей у нихъ было двое: мальчикъ тринадцати лѣтъ и дѣвочка—четырехъ. Состояніе у Ранковъ было хорошее. Жили Ранки въ Москвѣ всего восемь лѣтъ, гдѣ купили за сорокъ тысячъ небольшой запущенный каменный домикъ. Передѣлка и перестройка этого дома обошлись неопытному въ этихъ дѣлахъ Ранку около семидесяти тысячъ.

Ранкъ, какъ и Вѣринъ, собирався выйти въ отставку послѣ 1913 года, то есть послѣ Романовскаго юбилея, и мечталъ объ общественной дѣятельности. Къ своей же службѣ по военно-судебному вѣдомству онъ особыхъ симпатій не питалъ. Въ этомъ отношеніи онъ вполне сошелся съ Вѣринымъ. Товарищи считали Ранка симпатичнымъ и хорошимъ, но очень скучнымъ человѣкомъ. Московское же коренное общество, хотя и принимало Ранковъ, но не считало ихъ своими и на первыхъ порахъ ограничивалось необходимыми съ ними сношеніями, даже ихъ нѣсколько чуждаясь. Ранка это мучило, такъ какъ ему очень хотѣлось сдѣлаться вполне „москвичемъ“, но жена успокаивала его, говоря, что въ концѣ концовъ все устроится, надо только запастись терпѣніемъ. И, дѣйствительно, красивая, элегантная и симпатичная баронесса постепенно все больше и больше расширяла кругъ своихъ знакомствъ. Этому способствовало то обстоятельство, что къ ней благосклонно отнеслась „первая московская дама“, старушка фрейлина Екатерина Петровна Ермолова. Нельзя сказать, чтобы высшее московское общество начала этого столѣтія отличалось замкнутостью или нетерпимостью. Но оно какъ-то расплылось, разбилось по группамъ и не устраивало уже ни такихъ общихъ блестящихъ пріемовъ, ни обѣдовъ, ни баловъ въ стародворянской средѣ, какъ это бывало раньше при знаменитомъ генераль-губернаторѣ, князѣ Владимірѣ Андреевичѣ Долгорукомъ, а потомъ при великомъ князѣ Сергѣѣ Александровичѣ, убитомъ въ февралѣ 1905 г. бомбой террориста Каляева у Никольскихъ воротъ. —

Уѣздный предводитель дворянства, Базилевскій, по богатству своему имѣющій возможность вести широкій образъ жизни и соединить у себя осколки стараго дворянства первопрестольной, ролью хлѣбосольнаго и радушнаго хозяина не интересовался, а жена его со скучающимъ видомъ всѣмъ повторяла, что свѣтская жизнь ей страшно надоѣла, и она терпѣть не можетъ устраивать у себя обѣды и вечера. Дмитрій Николаевичъ Самаринъ, губернский предводитель, овдовѣвъ, принималъ у себя только близкихъ лицъ. Больше всего народа въ пріемные дни можно было встрѣтить у московскаго градоначальника Адрианова. Онъ познакомился съ дворянской, купеческой и чиновной Москвой, а потому въ его гостиныхъ на Тверскомъ бульварѣ бывала вся Москва. Стародворянская Москва появлялась тамъ нехотя, какъ бы по обязанности, безъ увлеченія. Купцы же и чиновники посѣщали градоправительницу,

Анастасію Андреевну, въ дни ея пріемовъ очень усердно. Такъ вышло, что только у нея можно было видѣть „сліяніе“ всѣхъ слоевъ московскаго общества.

Ранкъ и Вѣринъ раньше служили съ Адриановымъ въ Варшавѣ, а потому были хорошо съ нимъ знакомы. На мѣсто градоначальника Адриановъ попалъ изъ военныхъ судей по рекомендаціи Гершельмана, исполнявшаго въ Москвѣ послѣ революціи 1905 года обязанности генералъ-губернатора. У Адриановыхъ Ранки познакомились съ московскимъ обществомъ. По рекомендаціи Адрианова попалъ Ранкъ и въ члены Англійскаго клуба, гдѣ разъ въ недѣлю по субботамъ на общій обѣдъ собирались „сливки“ Москвы. На первыхъ порахъ Ранкъ, очень застѣнчивый по природѣ, тяготился клубомъ. Ему все казалось, что на него тамъ мало обращаютъ вниманія и даже игнорируютъ. Но въ концѣ концовъ это чувство неловкости у него прошло, со всѣми членами клуба онъ перезнакомился и, хотя въ карты онъ не игралъ, тѣмъ не менѣе охотно посѣщалъ общіе обѣды. Въ то время московскій Англійскій клубъ по составу своему не походилъ на клубъ, описанный въ „Войнѣ и Мирѣ“, а затѣмъ въ „Аннѣ Карениной“. Число его членовъ было значительно меньше установленнаго комплекта и попасть въ члены клуба особыхъ затрудненій не представляло. Старшинамъ приходилось изыскивать способы къ привлеченію новыхъ членовъ клуба. Съ внѣшней же стороны клубъ измѣнился мало. Какъ и во времена Толстого, на воротахъ стояли безобразные каменные львы, напоминавшіе квакающихъ лягушекъ, швейцаръ въ пышной ливреѣ по старому при входѣ каждаго члена давалъ звонокъ во второй этажъ; какъ и раньше, у дверей, ведущихъ въ помѣщенія клуба, два лакея неторопливо съ поклонами открывали двери посѣтителю; та же стояла старинная мебель, тѣ же висѣли по стѣнамъ портреты царей. Тѣмъ не менѣе замѣчалось, что знаменитый когда-то клубъ находится въ періодѣ упадка. Видимо, ремонтъ зданія и мебели давно уже не производился.

Книги въ богатой нѣкогда библіотекѣ пополнялись плохо; на общіе обѣды часто являлось всего человекъ тридцать, даже лица лакеевъ носили печать какого-то унынія и тоски, въ иныхъ комнатахъ часто ощущался холодъ отъ недостатка отопленія. Прошли тѣ для клуба блаженныя времена, когда отецъ записывалъ своего сына при рожденіи кандидатомъ въ члены клуба, такъ былъ великъ наплывъ желающихъ попасть туда и такъ долго приходи-

лось кандидату ждать освобожденія вакансіи. Финансовое положеніе клуба ухудшалось съ каждымъ годомъ. Собственное зданіе клуба было давно заложено и перезаложено. Приходилось всячески изворачиваться и передъ войной застроили даже часть двора клуба подъ магазины, загородивъ, такимъ образомъ, съ улицы фасадъ историческаго зданія къ общей скорби всѣхъ любителей старинной Москвы.

Вѣринъ ни разу не бывалъ въ Англійскомъ клубѣ, и Ранкъ предложилъ ему какъ-то пойти съ нимъ туда въ качествѣ гостя. А потому, когда въ четвергъ на имя Ранка пришло письмо съ отпечатаннымъ меню субботняго обѣда и бланкъ открытаго письма съ адресомъ клуба, Ранкъ написалъ на немъ „Буду съ гостемъ“ и самолично опустилъ отвѣтъ въ почтовый ящикъ, отправляясь на службу. Эта мѣра была введена, чтобы заранѣе въ интересахъ клубной экономіи знать число собирающихся обѣдать.

Около шести часовъ вечера Вѣринъ зашелъ къ Ранкамъ. Лакей Антипъ, открывшій ему наружныя двери, радостно привѣтствовалъ гостя, котораго хорошо зналъ, и провелъ его по красивой лѣстницѣ въ небольшой, весь бѣлый залъ, а оттуда въ гостиную, заставленную старинной мебелью карельской березы; полъ гостиной былъ покрытъ толстымъ темной-зеленымъ парижскимъ ковромъ. Два шкафчика были наполнены фарфоровыми бездѣлушками; по стѣнамъ висѣли цвѣтныя англійскія гравюры. Зеленый шелкъ на обивкѣ мебели гармонировалъ со всею обстановкой.

— Мой мужъ сейчасъ выйдетъ, онъ переодѣвается, — сказала Вѣрину красивая, элегантная брюнетка съ характернымъ кавказскимъ лицомъ и огромными черными глазами, — садитесь, пожалуйста.

Вѣринъ опустился въ мягкое, широкое кресло, въ которомъ онъ почувствовалъ себя такъ пріятно, что съ улыбкой сказалъ:

— Славная у васъ мебель, баронесса! Да и вообще вся ваша гостиная мнѣ чрезвычайно нравится; хорошій и пріятный у васъ домъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Не правда-ли? — весело подхватила Ранкъ.

— Эту мебель мы купили въ Петербургѣ въ антикварномъ магазинѣ. Она раньше принадлежала извѣстному генералу Волкову, большому любителю старины. Моя гостиная, кажется, всѣмъ нравится, и я этому очень рада: она моя гордость, я сама ее выбрала... А вотъ и мужъ!

— Ну-съ, Иванъ Петровичъ, — обратился Ранкъ къ Вѣрину, — идемъ! Простите, что задержался.

Пріятели вышли на улицу и по Трехпрудному и Мамонтовскому переулкамъ вышли на Тверскую.

— Сегодня послѣ обѣда, — сказалъ Ранкъ, — въ клубѣ будутъ пѣть венгерки. Клубъ посѣщается такъ вяло, что старшины рѣшили испытать это средство для привлеченія большаго числа членовъ на субботніе обѣды. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Многіе старики, такъ называемые „шлюпики“, къ этому новшеству отнеслись очень отрицательно, считая неприличнымъ вводить къ намъ поющихъ и пляшущихъ женщинъ. Но что же дѣлать? Хоть совсѣмъ закрывай лавочку, надо же чѣмъ нибудь оживить затхлую атмосферу клуба. Ну-съ, вотъ мы и пришли, — добавилъ Ранкъ, сворачивая во дворъ, въ глубинѣ котораго виднѣлся ярко освѣщенный подъѣздъ.

Въ просторной прихожей молодой еще благообразный швейцаръ и его помощникъ разоблачили пришедшихъ, взяли у нихъ шпаги и дали звонки во второй этажъ, куда Ранкъ повелъ Вѣрина. По широкой лѣстницѣ они подошли къ дверямъ, у которыхъ стояли два старичка-лакея въ ливреяхъ. Ранкъ записалъ гостя въ книгу, послѣ чего направился съ нимъ черезъ большой залъ, увѣшанный портретами императоровъ, въ закусочную. Тамъ посреди комнаты стоялъ длинный столъ съ закусками. Вокругъ стола собралось уже человекъ тридцать, но каждую минуту подходили все новыя лица. Ранкъ представилъ Вѣрина дежурному старшинѣ, маленькому интендантскому генералу Тишенинову и нѣкоторымъ другимъ своимъ хорошимъ знакомымъ. У одного изъ концовъ стола стоялъ столикъ съ водками. Вѣринъ и Ранкъ выпили по рюмкѣ рябиновой и принялись за закуску, которая была обильна и очень разнообразна. Особенное оживленіе царило на томъ концѣ стола, гдѣ стояла ваза съ свѣжей икрой и подносы съ устрицами. Тамъ усердно старался древній старикъ въ гусарской формѣ съ некрасивымъ лицомъ. Гусаръ ѣлъ икру, какъ кашу, и такъ углубился въ это занятіе, что неохотно отрывался отъ него, чтобы отвѣчать на привѣтствія, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ.

— Это Александръ Александровичъ Пушкинъ, — шепнулъ Ранкъ Вѣрину, — сынъ поэта, очень симпатичный старикъ. Я люблю съ нимъ поговорить. Къ сожалѣнію, онъ почти глухъ. — А вотъ это, — указалъ онъ на сѣдого благообразнаго господина, — знаменитый историкъ Иловайскій;

по его учебникамъ мы съ вами учились исторіи въ корпусѣ; онъ извѣстенъ своими ретроградными мыслями, которыя усердно проповѣдуетъ... Попробуйте эти греночки съ костнымъ мозгомъ, мою любимую закуску. Да еще по рюмочкѣ рябиновки выпьемъ?

Подходили все новыя и новыя лица. Появился градоначальникъ, средняго роста блондинъ съ гладко выбритымъ лоснящимся подбородкомъ и съ сухимъ, холоднымъ выраженіемъ лица. Онъ немедленно завязалъ разговоръ съ красивымъ губернаторомъ Джунковскимъ, носившимъ свитскую форму. Около нихъ суетился маленькій Тишениновъ, молодой еще курчавый капитанъ въ адъютантской формѣ и извѣстный московскій богачъ, Кофѣевъ. Почти одновременно пришли губернский и уѣздный предводители дворянства, Самаринъ и Базилевскій. У перваго было татарское лицо съ нѣсколько оттопыренными ушами, довольно некрасивое, но въ общемъ пріятное и симпатичное; Базилевскій же, давно перешедшій сорокалѣтній возрастъ, все еще могъ считаться красивымъ мужчиной, не смотря на свою сѣдьющую бородку. Важно, какъ бы поддерживая свое высокое положеніе, расхаживалъ по закусочной генералъ Степановъ, состоявшій при великой княгинѣ Елизаветѣ Федоровнѣ. Онъ почти никого не узнавалъ и ни съ кѣмъ первый не здоровался, видимо, считая это ниже своего достоинства. Общій любимецъ московскихъ салоновъ, Анатолій Константиновичъ Тарновскій, сынъ извѣстнаго богача девятнадцатаго столѣтія, бывшій лейбъ-казакъ, и занимающій на старости лѣтъ мѣсто инспектора типографій, такъ какъ о громадномъ состояніи предковъ у него осталось одно воспоминаніе, подошелъ къ Ранку и Вѣрину и предложилъ имъ сѣсть рядомъ за обѣденнымъ столомъ.

— Я мѣста уже занялъ, — добавилъ онъ, — на томъ концѣ, гдѣ Пушкинъ сидитъ... Однако, народу сегодня порядочно: челоуѣкъ шестьдесятъ, если не больше.

Въ это время раздался звонокъ, и старый лакей, проходя по комнатамъ, громкимъ голосомъ провозглашалъ: „кушать подано“. Часы въ разныхъ мѣстахъ пробили семь разъ.

— Удивительно сегодня многолюдно, — весело проговорилъ Тарновскій, — обыкновенно у насъ одинъ столъ набирается съ трудомъ, а сейчасъ пришлось накрыть даже за колоннами. А все венгерки! Послушаемъ!

Дежурный старшина сѣлъ на свое мѣсто, посадивъ около себя градоначальника, губернатора и Самарина.

Близко отъ нихъ сѣли Кофтѣвъ, Базилевскій и желѣзнодорожный тузъ фонъ Меккъ. На противоположномъ концѣ стола противъ старшины сѣлъ Пушкинъ. Рядомъ съ нимъ сѣли Ранкъ, Вѣринъ и Тарновскій. За этимъ же столомъ помѣстились историкъ Иловайскій, нѣсколько князей Оболенскихъ, князь Голицынъ старшій и князь Голицынъ младшій, столпъ московскаго дворянства, видный и дородный князь Мещерскій, бывший кавалергардъ Есауловъ, съ обезображеннымъ при неудачной попыткѣ къ самоубійству лицомъ, занимающій значительное мѣсто въ казенной палатѣ, и нѣсколько отставныхъ генераловъ, губернаторовъ и просто стариковъ.

За другимъ столомъ расположилась, главнымъ образомъ, финансовая Москва и люди либеральныхъ профессій: директоръ Волжско-Камскаго банка Корженевскій, грузный князь Сумбатовъ, по сценѣ Южинъ, тонкій цивилистъ, присяжный повѣренный Аркадій Ивановичъ Геннертъ со своимъ многолѣтнимъ помощникомъ и неизмѣннымъ спутникомъ Кобылинымъ, бывший градоначальникъ Москвы Рейнботъ, въ отставномъ артиллерійскомъ сюртукѣ, коммерсанты Густавъ Листъ, Костанжогло, Патрикѣвъ, Корзинкинъ, городской голова Гучковъ и другіе.

За колоннами устроилась преимущественно молодежь: князь Козловскій, завѣдующій балетомъ Большого театра, бѣлокурый и курчавый капитанъ Штеръ съ лицомъ вербнаго херувима, извѣстный карточный игрокъ и спортсменъ, подполковникъ Гарденинъ, братья Христофоровы, славившіеся своими винными складами, и другія лица, не перешедшія пятидесятилѣтній возрастъ, а потому причислявшія себя къ молодежи.

Передъ каждымъ приборомъ лежало печатное меню съ гербомъ клуба—двѣ соединенныя руки. Ранкъ потребовалъ бутылку Редерера. Служили за столомъ клубные лакеи въ ливреяхъ; имъ помогали наемные лакеи въ черныхъ фракахъ. Обѣдъ, состоявшій изъ стерляжьей ухи съ растегаями, ветчины подъ краснымъ соусомъ, дикой козы, спаржи и пломбира, былъ приготовленъ на славу и дежурный старшина сіялъ, такъ какъ члены поздравляли его съ удачнымъ обѣдомъ. Вездѣ лилось шампанское, хотя старички преимущественно налегали на красное вино. Въ серединѣ обѣда къ Ранку и Вѣрину подошелъ лакей съ подносомъ, на которомъ стояли два стаканчика съ виномъ и монотоннымъ голосомъ заявилъ:

— Отъ Александра Александровича Адрианова.

Ранкъ и Вѣринъ поймали взглядъ градоначальника и, поднявъ вверхъ вино, пригубили его.

— Не люблю я этого обычая, — проворчалъ Ранкъ, — иногда и не хочется пить, а тебѣ пріятели посылаютъ вино; совсѣмъ лишнее!

— Это давнишняя традиція, — сказала Тарновскій, — существующая чуть ли не съ основанія клуба. Она заставляетъ членовъ клуба расходоваться на вино; теперь народъ такъ прижимистъ, что многіе вина не пьютъ. Только такимъ путемъ иного и можно заставить потребовать бутылку шампанскаго: надо же отплатить. А безъ вина и картъ клубъ процвѣтать не можетъ.

— Да, — вмѣшался въ разговоръ старичекъ, сидѣвшій рядомъ съ Тарновскимъ, — нашъ клубъ захирѣлъ, совсѣмъ захирѣлъ. Его золотое время прошло! Теперь, изволите ли видѣть, и членовъ до комплекта не хватаетъ, а раньше годами приходилось ожидать открытія вакансіи. Да и выборы теперь не тѣ: всякій можетъ пройти. Не то было прежде! И члены были совсѣмъ другіе; жить безъ своего клуба не могли и высоко держали его знамя. А сейчасъ, изволите ли видѣть, насъ приходится заманивать сюда какими то венгерками. Вспоминается мнѣ изъ жизни клуба одинъ курьезный случай. Было это, изволите ли видѣть, въ семидесятыхъ годахъ. Я тогда былъ еще молодымъ членомъ клуба. И вотъ одна партія захотѣла провести къ намъ знаменитаго богача, Лазаря Полякова. Многіе противились, но въ концѣ концовъ Полякова избрали. Тогда Свербинъ, большой юдофобъ, почтеннѣйшій и уважаемый человекъ, пришелъ въ ярость и заявилъ, что онъ собой пожертвуетъ, но Англійскій клубъ до такого позора не допуститъ. И что же онъ сдѣлалъ? А вотъ что. Когда Лазарь Поляковъ, изволите ли видѣть, послѣ своего избранія пришелъ въ клубъ, весь сіяющій и торжествующій, Свербинъ въ большой гостиной, въ присутствіи многихъ лицъ, подошелъ къ нему и, изволите ли видѣть, помочился на него... Прямо, вотъ взялъ и помочился!.. Каково!.. Свербина, конечно, изъ числа членовъ исключили, но послѣ этой вонючей исторіи пришлось оставить клубъ и Полякову. И многіе, должны вамъ сказать, считали Свербина героемъ и сочувствовали горячо его поступку. Право!..

Всѣ расхохотались, и старичекъ, довольный тѣмъ, что на нѣкоторое время сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе, повеселѣлъ, даже покраснѣлъ и медленно началъ потягивать стоявшее передъ нимъ согрѣтое красное вино.

— Отца своего, конечно, я не помню, — говорилъ въ это время Пушкинъ своему сосѣду, — а мать помню. Говорятъ, что лицомъ я похожъ на отца, онъ только былъ ниже меня ростомъ. Отъ моихъ африканскихъ предковъ вотъ все, что у меня осталось... Смотрите!.. У моихъ дѣтей уже этого отличія нѣтъ.

Съ этими словами старикъ показаль свои ногти; у основанія они были слегка темны.

— Интересный человекъ, — сказалъ Тарновскій Вѣрину, указывая глазами на Пушкина, — очень неглупый и симпатичный, но съ нимъ почти невозможно разговаривать: совсѣмъ глухъ. Онъ сейчасъ занимаетъ должность почетнаго опекуна, но, вѣроятно, работать уже не можетъ.

— Ну, что, Владиміръ Федоровичъ, — обратился Адриановъ съ самой любезной своей улыбкой къ Джунковскому, — давно видѣли великую княгиню? Какъ она изволить поживать? Мнѣ докладывали, что вы у нея были въ среду?

— Великая княгиня отлично себя чувствуетъ и страшно занята, — учтиво отвѣтилъ губернаторъ, пользовавшійся, какъ бывший адъютантъ Сергѣя Александровича, благосклонностью его вдовы.

Адриановъ и Джунковскій другъ другу не симпатизировали, а потому во время взаимныхъ встрѣчъ старались говорить другъ другу особенно пріятныя вещи съ отѣнкомъ изысканной вѣжливости.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Нѣкоторые члены встали изъ-за стола и перешли въ другія комнаты, гдѣ было сервировано кофе; нѣкоторые же потребовали кофе въ столовую.

— Кто этотъ господинъ? — спросилъ Вѣринъ, — лицо его мнѣ какъ будто знакомъ; онъ похожъ на еврея Западнаго края. Этотъ типъ мнѣ хорошо знакомъ.

— Это сынъ Льва Николаевича Толстого, — отвѣтилъ Тарновскій, — онъ страшно похожъ на своего отца и, дѣйствительно, смахиваетъ лицомъ на стараго виленскаго еврея. А тамъ рядомъ съ Иваномъ Павловичемъ Шаблыкинымъ сидитъ Берсъ, братъ жены Льва Николаевича, Софьи Андреевны.

Лакеи начали все приводить въ порядокъ въ столовой для предстоящаго представленія. Тарновскій и Ранкъ повели Вѣрина по всему клубу. Въ одной изъ комнатъ его подвели къ мраморному камину и, указывая на барельефное украшеніе камина, Тарновскій съ улыбкой сказалъ:

— Обратите вниманіе на эти фигуры. Этотъ каминъ одна изъ достопримѣчательностей нашего клуба. Посмотрите на фигуры длиннородаго мужчины и юноши!

Обѣ фигуры изображали очень неприличную картину.

Потомъ Вѣрину показали билліардную, огромную холодную читальню, гдѣ на безконечномъ столѣ лежали газеты и журналы; они заглянули среди прочихъ комнатъ и въ небольшую комнату съ круглымъ столомъ и вдѣланной посрединѣ его металлической чашкой.

— Здѣсь, — замѣтилъ Ранкъ, — ведется крупная азартная игра. Это совсѣмъ изолированный уголокъ.

Въ помѣстительной уборной, гдѣ у стѣнъ красовались солидные, хотя и ветхіе умывальники, они застали древняго лакея, почти слѣпого. Онъ считался пенсіонеромъ клуба и во время общихъ обѣдовъ дежурилъ въ уборной, подавая мыло и чистыя полотенца. Старичекъ, уныло дремавшій около одного изъ умывальниковъ, при входѣ гостей быстро вскочилъ и засуетился, предлагая то почистить платье, то подать мыло или теплую воду. Вѣринъ заговорилъ съ нимъ. Старикъ оказался необыкновенно разговорчивымъ.

— Я, ваше сіятельство, — затараторилъ онъ, — въ клубѣ уже болѣе тридцати пяти лѣтъ. Кого только ни зналъ, кого только ни видѣлъ. Хорошо жилось прежде, совсѣмъ не то, что сейчасъ. И клубъ-съ тогда процвѣталъ... Я уже семь лѣтъ какъ почти слѣпой, только и могу въ уборной служить. Вотъ сижу здѣсь на стульчикѣ цѣлыми часами одинъ и вспоминаю иногда прошлое-съ: не та была жизнь! Совсѣмъ не та! Истинно такъ-съ!

Глядя на маленькое сморщенное лицо старичка, на его мутные чуть-чуть слезящіеся глаза, Вѣринъ почувствовалъ необыкновенную жалость.

— Какъ ужасно дойти до такого состоянія, — думалъ онъ, намыливая руки, — вотъ ужъ жизнь печальная! Какъ важно во время умереть, чтобы не пережить самого себя.

Выходя изъ уборной, онъ далъ лакею пятирублевку на чай и ласково попрощался съ нимъ.

Когда Вѣринъ, Ранкъ и Тарновскій вернулись въ столовую, тамъ царило большое оживленіе. У піанино въ углу сидѣлъ молодой человекъ, а рядомъ съ нимъ три музыканта. На стульяхъ въ рядъ сидѣли „венгерки“ въ національных костюмахъ. Ихъ было десять. Только троихъ изъ нихъ можно было назвать хорошенькими. Противъ хора стояло нѣсколько рядовъ креселъ для зрителей.

Представленіе началось и заключалось въ пѣніи и

пляскѣ. Пѣли „артистки“ очень неважно. Слушатели переглядывались съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, съ танцами же пошло значительно лучше. Въ нихъ отличались хорошенькая стройная брюнетка съ пушкомъ на верхней губѣ, отрекомендовавшаяся Мильдой и ея подруга, Сидія, миловидная шатенка, одѣтая въ мужской блестящій костюмъ. Обѣ онѣ лихо проплясали зажигательный чардашъ, вызвавшій улыбку на лицѣ даже одного хмураго отставного тайнаго совѣтника, который въ общемъ не одобрялъ этихъ новшествъ. Во время антракта члены клуба тутъ же въ столовой за маленькими столиками угощали венгерокъ виномъ и конфетами. Около Мильды и Сидіи составились кружки.

— Вы ко мнѣ ходите визитъ, — стрѣляя глазами, обратилась Мильда къ высокому, худому барону Шеппингу, отцу огромной семьи, — а вотъ мой картъ съ адресъ. И вы приходите, — обратилась она къ другому старичку, передавая ему свою крошечную съ золотымъ обрѣзомъ визитную карточку.

За другимъ столикомъ центромъ вниманія была Сидія.

— Можно посѣтить васъ? — шутиливо спросилъ ее Тарновскій.

— Ja wohl, ja wohl! Gewiss, gewiss! Я радъ, — игриво отвѣчала шатенка. Я квартиру habe Газетный, двадцать домъ, квартиръ пятнадцать! Запишите. Я гостей люблю. Отъ часу до четырехъ...

Веселыя венгерки и вино подняли общее настроеніе и въ клубѣ воцарилось давно небывалое здѣсь оживленіе. Только около часу ночи вернулся Вѣринъ домой въ наилучшемъ расположеніи духа.

— Хорошо я провелъ вечеръ, — думалъ онъ, — чудный обѣдъ, отличное вино, пріятные разговоры, хорошіе и интересные люди!.. А какая славная эта венгерка съ усиками! Огонь!.. Хорошая вообще штука жизнь, говоря по совѣсти!..

Когда Иванъ Петровичъ, совершивъ свой ночной туалетъ, въ халатѣ вошелъ въ спальню, Марихенъ, хотя еще не спала, но находилась уже въ постели.

— Ахъ, ты моя прелесть; ахъ, ты моя бѣлоснѣжная крошка, мое счастье!.. — прошептала Вѣринъ, цѣлуя жену и привлекая ее къ себѣ.

— Хорошій мой, — чуть слышно отвѣтила та, отвѣчая на его ласки горячимъ долгимъ поцѣлуемъ.

XVIII.

6-го декабря въ храмѣ Христа Спасителя по случаю тезоименитства Государя вся чиновная Москва собралась на обычный торжественный молебенъ. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Для официальныхъ лицъ около алтаря была отведена площадка, отдѣлявшаяся отъ остальной части храма переносными рѣшетками. Около этихъ рѣшетокъ полицейскимъ и жандармамъ удавалось съ большимъ трудомъ сдерживать напоръ толпы, грозившій снести рѣшетки и залить завітную площадку сѣрымъ народомъ.

— Господа,—громкимъ шепотомъ вразумлялъ публику высокій, бравый, съ иголки одѣтый околоточный, — не напирайте такъ, нельзя-же; осадите, вѣдь это храмъ, а не толкучка!.. Будьте любезны, осадите!..

— Да какъ осадить-то, — желчно прошипѣла худая старуха, одѣтая во все черное, — вѣдь на насъ напирають задніе, мы податься назадъ не можемъ... Вамъ легко говорить „осадите“, а я не то, что осадить, а и дохнуть не могу, сдавили со всѣхъ сторонъ.

— Зачѣмъ эта рѣшетка,—злобно проворчалъ молодой человекъ съ интеллигентнымъ лицомъ, но одѣтый въ костюмъ мелкаго ремесленника,—въ храмѣ-то, казалось бы, ужъ всѣ должны быть равны! Почему всѣмъ генераламъ и мундирамъ эта привилегія, а мы, народъ, на положеніи скотовъ въ загонѣ.

— А потому,—внушительно возразилъ околоточный,—что это начальство, коему надлежитъ повиноваться. А вамъ, господинъ, въ такомъ вольномъ духѣ совѣтую не болтать, такъ какъ, замѣчу я вамъ, это съ вашей стороны является агитационнымъ приѣмомъ противъ властей. Васъ жандармы заберутъ.

„Агитаторъ“, проворчавъ нѣчто нелестное по адресу „фараоновъ“, исчезъ въ толпѣ.

Мундирная Москва входила въ храмъ со стороны рѣки. За дверьми толпились солдаты и курьеры разныхъ учрежденій, которымъ прибывающіе отдавали на сохраненіе свои шинели и шубы. Къ двѣнадцати часамъ вся огоро-

женная рѣшетками площадка заполнилась военными и чиновниками. На первомъ мѣстѣ стоялъ маленькій, невзрачный командующій войсками округа, Плеве. Онъ былъ лютераниномъ, но особенно внимательно относился ко всѣмъ обрядамъ православной церкви и въ дни официальныхъ молебновъ являлся въ церковь къ началу богослуженія и простаивалъ не только молебенъ, но и всю обѣдню. Къ Плеве присоединились высокій, красивый князь Одоевскій-Масловъ, управляющій московскими дворцами, въ кавалергардской формѣ, градоначальникъ, губернаторъ Джунковскій въ свитской формѣ, почетные опекуны Пушкинъ и Баумгартенъ, предводители дворянства Самаринъ и Базилевскій и еще нѣсколько высокопоставленныхъ генераловъ и чиновниковъ. За этой группой толпились остальные лица. На службу мало кто обращалъ вниманія, хотя пѣвчіе пѣли восхитительно, а басъ знаменитаго протодіакона Розанова гудѣлъ особенно мягко и красиво. Между мундирами у одной изъ колоннъ виднѣлись и дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ и съ фрейлинскими шифрами, но ихъ было мало.

— Васъ, баронъ, можно поздравить съ Владиміромъ,— обратился Новосильевъ къ Ранку, здороваясь съ нимъ.

— Да, очень вамъ благодаренъ, я получилъ сегодня объ этомъ отъ пріятеля телеграмму изъ Петербурга,— отвѣтилъ Ранкъ, горячо пожимая руку своего предсѣдателя, представившаго его къ наградѣ.—Кто у насъ еще получилъ?

— Лаврентьевъ и Цапфейль. Лаврентьевъ—аннинскую ленту, а Цапфейль, какъ и вы, Владиміра на шею.

Ранкъ чувствовалъ себя въ удивительно пріятномъ настроеніи. Хотя онъ всегда увѣрялъ и другихъ и себя, что ордена рѣшительно никакого значенія не имѣютъ, тѣмъ не менѣе полученіе очередной награды чрезвычайно его обрадовало.

— По крайней мѣрѣ,—думалъ онъ,—будетъ болтаться Владиміръ на шеѣ, а то даже неловко: генераль и безъ Владиміра. Нѣтъ, все же очень, очень хорошо, что я получилъ этотъ орденъ. А черезъ три года и ленту получу. Для отставки это важно: генераль безъ ленты, особенно отставной, не настоящій генераль.

Къ Ранку подошелъ Варваринъ въ подполковничьихъ густыхъ эполетахъ и поздоровался съ нимъ.

— А, князь, поздравляю васъ съ производствомъ, — весело сказалъ Ранкъ.

— А васъ съ орденомъ,—въ тонъ ему отвѣтилъ Варваринъ. — Будете завтракать у Кофтѣва?

— Да, мы приглашены. Послѣ молебна прямо къ Николаю Лукичу. Вы не знаете, дали ему сегодня, наконецъ, ленту?

— Дали, дали,—прошепталъ Варваринъ, механически осѣняя себя крестомъ и благочестиво наклоняя голову, такъ какъ въ ихъ сторону въ это время кадили. — Вотъ счастливъ-то! Сегодня-то онъ угоститъ насъ на славу! А, и баронесса здѣсь?! Прoberусь къ ней!

Съ этими словами осторожно, стараясь никого не задѣть и по дорогѣ здороваясь со знакомыми, Варваринъ подошелъ къ баронессѣ Ранкъ, которая стояла съ другими дамами, и тихо сказалъ ей:

— Поздравляю, баронесса, съ монаршей милостью. Какъ вамъ это платье идетъ! И какое чудное сооруженіе у васъ на головѣ! Впрочемъ, не даромъ „на Москвѣ“ всѣ васъ считаютъ красавицей.

Ранкъ вся вспыхнула и не знала, что отвѣтить. Хотя она и любила, когда отдавали дань ея красотѣ, но слушать комплименты въ храмѣ ей было очень неловко, а потому она, ничего не отвѣчая, чуть кивнула головой Варварину и едва замѣтно улыбнулась, сдѣлавъ сейчасъ же строгое и молитвенное лицо.

Въ это время подъ напоромъ толпы рѣшетки начали трещать и полиціи съ неимовернымъ трудомъ удавалось сдерживать этотъ людской потокъ, который, казалось, прорветъ все и неудержимо хлынетъ въ часть храма, отведенную „властямъ предержащимъ“.

— Смотрите,—шепнула Ранкъ фрейлинѣ Ермоловой,—они свалятъ рѣшетку и сомнутъ насъ. Кого-то тамъ, кажется, задавили... Кого-то выносятъ... Вотъ ужасъ!.. Если-бъ я была въ этой толпѣ, я просто умерла бы отъ страха.

— Ничего, полиція справится, привыкла, — спокойно отвѣтила Ермолова, невозмутимо поглядывая на гудящую, волнующуюся и напирющую толпу,—это обычное явленіе.

— „Благочестивѣйшему, самодержавнѣйшему, Великому Государю нашему Императору Николаю Александровичу... Многая лѣта!“—прокатился по всему храму громopodobный басъ протодіакона.

— „Мно-о-гія лѣ-та“... — рывкнулъ хоръ и одновременно началась пальба изъ орудій, поставленныхъ на берегу Москвы-рѣки. Молебенъ кончился. Начался разъѣздъ.

Ранки съѣли въ карету, которую нанимали помѣсячно, и поѣхали на Моховую къ Кофтѣеву, который просилъ своихъ гостей пріѣхать, не переодѣваясь, прямо съ молебна.

Жилъ Кофтѣевъ въ особнякѣ, выкрашенномъ въ кофейный цвѣтъ. Николай Лукичъ Кофтѣевъ въ нѣкоторыхъ московскихъ кругахъ пользовался большой извѣстностью. Дѣдъ его пришелъ въ Москву изъ деревни безъ сапогъ съ десятью рублями капитала, но уже отецъ Николая Лукича владѣлъ въ Москвѣ нѣсколькими домами, пассажемъ, загороднымъ дворцомъ и велъ большую торговлю модными товарами. Николай же Лукичъ наслаждался плодами дѣятельности дѣда и отца, ликвидировалъ ихъ торговое дѣло и основалъ благотворительное учрежденіе, которое дало ему чины, ордена и дворянство, и жилъ въ свое удовольствіе. Онъ былъ вдовъ.

Николай Лукичъ въ мундирѣ вѣдомства императрицы Маріи со станицлавской лентой черезъ плечо сидѣлъ въ гостиной около архіерея Анастасія, заѣхавшаго поздравить именинника. Маленькій, коренастый Кофтѣевъ, съ некрасивымъ лицомъ, крошечными хитрыми глазками, небольшими рыжими усами и коротко остриженными на головѣ волосами неопредѣленно-желтаго цвѣта производилъ впечатлѣніе еще вполне свѣжаго человѣка, хотя ему было уже шестьдесятъ пять лѣтъ.

Анастасій, сухощавый среднихъ лѣтъ монахъ, съ очень добрыми, умными и пріятными темными глазами, улыбаясь привѣтливо, слушалъ хозяина и отвѣчалъ ему.

— Не закусите-ли, Ваше Преосвященство, сдѣлайте честь, — говорилъ Кофтѣевъ.

— Не могу, дорогой Николай Лукичъ, никакъ не могу, надо къ митрополиту ѣхать; я къ вамъ завернулъ на минутку.

— Хоть чайку стаканчикъ выкушайте, сюда принесутъ, чтобы вамъ не беспокоиться, — настаивалъ хозяинъ. — Варя, распорядись, — обратился онъ къ сидѣвшей тутъ-же дочери.

Архіерей улыбнулся и, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяину, взялъ стаканъ чаю, который поднесъ ему лакей, видимо, ожидавшій за дверями.

Начали подъѣзжать гости и подходить подъ благословеніе владыки. Почти всѣ, даже дамы, почтительно цѣловали ему руку. Быстро покончивъ съ чаемъ, Анастасій сталъ прощаться. Кофтѣевъ провожалъ его съ мужьями

своихъ дочерей: черненькимъ молодымъ человѣкомъ въ инженерной формѣ и высокимъ кавалерійскимъ поручикомъ.

Небольшой залъ и просторная гостиная скоро наполнились гостями. Общество отличалось своей разношерстностью. Съ большой помпой хозяинъ встрѣтилъ Адріановыхъ и горячо цѣловать сталъ руки Анастасіи Андреевны, принимая ея поздравленія и съ днемъ своего ангела, и съ „царской милостью“.

Пріѣхалъ маленькій Плеве съ женой. Появились разные генералы, въ ихъ числѣ нѣсколько въ жандармскихъ мундирахъ. Съ дочерьми хозяина оживленно начали цѣловаться пріѣзжія дамы; все волновалось, какъ въ муравейникѣ.

Около красавицы баронессы Ранкъ увивалось нѣсколько кавалеровъ, особенно Варваринъ.

— Что это за генераль? — спросилъ Ранкъ Тарновскаго, указывая на большой поясной фотографическій портретъ на стѣнѣ.

— Это знаменитый генераль Дитятинъ въ изображеніи незабвеннаго рассказчика Горбунова, — отвѣтилъ Тарновскій, — Николай Лукичъ считалъ себя его пріятелемъ; они вмѣстѣ много кутили.

Варварину во время завтрака удалось сѣсть рядомъ съ баронессой Ранкъ, за которой онъ рѣшилъ поухаживать; величественная брюнетка со своимъ классическимъ лицомъ ему очень нравилась.

Коктѣевъ повелъ къ столу градоначальницу, а Адріановъ жену командующаго войсками. Въ столовой размѣстились болѣе почетные гости; для остальныхъ были накрыты круглые столы въ залѣ. Всего набралось около ста человѣкъ.

— За здоровье августѣйшаго именинника, — звучнымъ голосомъ, стараясь покрыть голоса гостей, провозгласилъ хозяинъ, поднимаясь съ мѣста.

— Ура! Ура! — подхватили присутствующіе, шумно вставая.

— Какъ это... своеобразно, — проворчалъ Тарновскій, — во время частнаго завтрака провозглашать официальные тосты! Совсѣмъ по-московски!

— Тутъ столько жандармовъ и всякихъ генераловъ, что Николай Лукичъ спѣшитъ обнаружить передъ ними свою полную политическую благонадежность, — ядовито замѣтилъ его сосѣдъ, мрачнаго вида штатскій. — Это никогда не мѣшается!

Черезъ нѣсколько времени Адріановъ предложилъ выпить за здоровье хозяина и его семьи. Кофтѣвъ съ бокаломъ въ рукахъ сталъ обходить своихъ гостей. Онъ размякъ, крошечные глазки его слезились, дамамъ онъ горячо цѣловаль руки, называя ихъ „красавицами“ и „ангелами“, а мужчинъ сладко лобызалъ прямо въ губы.

Послѣ завтрака, который затянулся до четырехъ часовъ дня, нѣкоторые гости уѣхали, но большая ихъ часть осталась. Въ гостиной и сосѣднихъ комнатахъ приглашенные разбились на группы. Вино и вкусный, обильный завтракъ такъ подняли общее настроеніе, что вездѣ слышались веселыя шутки, смѣхъ, остроты. Адріановъ и Плевѣ уѣхали, но жена Адріанова осталась, и Николай Лукичъ большую часть времени проводилъ около нея, смотря на нее преданными, готовыми отъ восторга заплакать глазами.

— Я безкорыстно преданный другъ Адріановыхъ, — часто говариваль Кофтѣвъ, закатывая глаза къ небу, — я ихъ такъ люблю, такъ люблю, какъ своихъ! Анастасія Андреевна прямо мой ангель. Никто по отношенію ко мнѣ не проявляль столько участія и сердечности, какъ она.

Во время чая оживленія не замѣчалось, настроеніе упало; видимо, всѣ устали. Даже Кофтѣвъ при всей своей крѣпкой натурѣ осовѣлъ и съ меньшей энергіей увивался около Анастасіи Андреевны.

Еще до ужина Ранки уѣхали домой, вытребовавъ по телефону свою карету.

— Ну, какъ, дорогая моя, весело тебѣ было? — спросиль Ранкъ, когда дверцы кареты захлопнулись и они очутились вдвоемъ.

— Очень весело, но мнѣ сдѣлалось грустно, когда я замѣтила, что ты опять приревноваль меня. Во время завтрака одно время ты имѣль очень скучный видъ. Мнѣ жаль было на тебя смотрѣть. И зачѣмъ только ты напрасно мучаешь себя? Право, это глупо! Неужели ты думаешь, что я могу промѣнять тебя на такого хлыща, какъ Варваринъ? Я люблю, когда за мною ухаживаютъ, когда въ обществѣ со мной говорятъ. Мнѣ тогда весело и пріятно, но вѣдь отъ этого наши отношенія не страдаютъ; я вѣдь любила и люблю только тебя, только одного тебя, дорогого моего!.. Неужели ты этого не чувствуешь?

Ранкъ почувствовалъ себя пристыженнымъ и виноватымъ. Онъ взяль руку жены, крѣпко пожалъ ее и тихо сказалъ:

— Ты права, а я осель! Но это выше моихъ силъ! Я

понимаю, что Варваринимъ ты увлечься не можешь. И все же я злюсь, когда онъ смотритъ на тебя плотоядными глазами, точно раздѣваетъ тебя. А ты на эти взгляды отвѣчаешь обворожительными улыбками. Мнѣ противно видѣть это: все кажется, что ты довольна, что этотъ глупый фатъ почти открыто заявляетъ тебѣ, что хотѣлъ бы тебя... Ну, ты понимаешь! Это отвратительно! Счастье мое, что ты идеальная жена и серьезныхъ поводовъ къ моей ревности не подаешь, а то я въ конецъ извелся бы. Съ чувствомъ ревности совладать страшно трудно.

Тѣмъ временемъ карета быстро катилась по Пречистенскому и Никитскому бульварамъ, потомъ свернула на Спиридоновку и оттуда къ Патріаршимъ прудамъ.

Около одиннадцати часовъ Ранки вернулись домой. Дѣти уже спали. Швейцарка-бонна, m-lle Louise, доложила, что Ксюша, пятилѣтняя дочь Ранковъ, весь вечеръ капризничала, а Коля усердно занимался и велъ себя отлично.

Отпустивъ бонну, Ранкъ прошелъ въ свою отдѣльную уборную, гдѣ его ждалъ старый камердинеръ, Василій, который помогъ ему раздѣться.

Ранкъ съ наслажденіемъ погрузился въ теплую ванну, и, хотя лицо Василія ясно выражало, что онъ ненавидитъ все и всѣхъ на свѣтѣ, въ томъ числѣ и своего барина, все же пытался ласково заговорить съ нимъ. Но Василій началъ отвѣчать такъ неохотно, почти грубо, что Ранкъ немедленно прекратилъ съ нимъ разговоръ.

— А хорошая у меня жена, — думалъ Ранкъ, входя въ спальню и глядя на прекрасные, вопросительно устремленные на него глаза, — на рѣдкость хорошая! И какъ она до сихъ поръ замѣчательно сохранилась! Какой-то феноменъ! Прямо, удивительно! Въ общемъ, я страшно счастливъ и, дѣйствительно, баловень судьбы! А все плохое въ моей жизни создаю я себѣ самъ. Неврастенія проклятая!..

— Хочешь спать? — низкимъ тихимъ голосомъ спросила Наталья Николаевна.

— Нѣтъ! А ты устала? — отвѣтилъ Ранкъ, снимая халатъ и укладываясь на свою постель.

— Ничуть. Отлично себя чувствую! Поговоримъ, хочешь? — сказала баронесса тѣмъ же своимъ низкимъ груднымъ голосомъ, какимъ говорила только съ мужемъ и то въ интимной обстановкѣ.

— Поговоримъ, — отвѣтилъ мужъ, и между супругами въ ночной тишинѣ завязалась оживленная бесѣда...

XIX.

Въ Большомъ театрѣ шель абонементный балетный спектакль. Давали „Саламбо“. Музыку этого балета написалъ капельмейстеръ Аренсъ. Ранкъ имѣлъ абонированное кресло въ первомъ ряду, жена его сидѣла въ ложѣ бенуара съ Речиллями.

— Люблю я нашъ Большой театръ, — говорилъ Ранкъ Ермановскому, стоя съ нимъ въ первомъ ряду спиною къ оркестру и оглядывая ложи. . . — Посмотрите только, какъ залъ чудно отдѣланъ, какая восхитительная позолота, не слишкомъ кричащая, какая во всемъ гармонія линий, какъ все ласкаетъ глазъ!

— Вполнѣ съ вами согласенъ, баронъ, я также поклонникъ нашего дивнаго Большого театра. Жаль, что сегодня Балашева не танцуетъ. Я такъ люблю ее, она такая душа.

— Гельцеръ все же гораздо лучше, какъ балерина, — возразилъ Ранкъ. — Она хоть и некрасива, но ея лицо до того подвижно и выразительно, что о недостаткахъ его забываешь; ну, а танцуетъ она, конечно, лучше всѣхъ.

— Это правда, — согласился Ермановскій, — но Балашева моя слабость. Особенно зажигательно исполняетъ она матросскій танецъ. Ужъ такой миленькій матросикъ, что прямо умопомраченіе! Вы видѣли?

— Мнѣ говорилъ Аренсъ, — замѣтилъ Ранкъ, — что у Балашовой удивительно развито чувство ритма, она замѣчательно музыкальна; ей все дается легко, но она лѣнива и мало работаетъ.

— Правда-ли, что Ушковъ женится на Балашевой, — спросилъ Ермановскій.

— Ну, едва-ли, — отвѣтилъ Ранкъ. — Зачѣмъ ему это? Кажется, у нихъ и такъ все идетъ хорошо.

Тѣмъ временемъ громадный театръ сверху до низу заполнился публикой; кой-гдѣ только пустовали еще ложи бенуара. Офиціальныя мѣста въ партерѣ заняли разные

мелкіе чиновники, а въ ложу министра двора вошелъ князь Одоевскій-Масловъ со своими знакомыми. Ровно въ восемь часовъ за дирижерскимъ пультомъ появился худенькій, старенькій уже, но все еще бодрый Аренсъ.

Ранкъ подошелъ къ нему со словами:

— Здравствуйте, Андрей Федоровичъ! Какъ поживаете? Сегодня ваше торжество. Такъ, вѣроятно, пріятно дирижировать своимъ собственнымъ произведеніемъ! Вашъ балетъ мнѣ страшно нравится. Я смотрю его уже третій разъ.

Аренсъ улыбнулся, пожалъ руку Ранка и очень медленно, какъ всегда, протянулъ:

— Я очень радъ, что вамъ моя музыка нравится.

Въ это время за кулисами раздался стукъ. Аренсъ встрепенулся, взялъ палочку, обвелъ глазами свою послушную армію, причемъ ласково улыбнулся концертмейстеру, длинноволосому брюнету Сибору, поднялъ руки и затѣмъ опустилъ ихъ плавнымъ движеніемъ. По залу полились стройные звуки.

Балетъ начался.

Поставленъ онъ былъ великолепно. Въ главныхъ роляхъ отличались Гельцеръ, Каралли и Мордкинъ. Общій энтузіазмъ вызвали также Федорова 2-ая въ танцѣ со змѣями и жгучая, съ испанскимъ обликомъ лица, Девильеръ.

Въ одинъ изъ антрактовъ Ранкъ вошелъ въ ложу къ Речіямъ. Тамъ онъ засталъ много посѣтителей; въ ихъ числѣ Варварина, Минакова и Тамарова. Варваринъ пытался завязать разговоръ съ баронессой Ранкъ, но та дѣлала видъ, что всецѣло поглощена бесѣдой съ Минаковымъ. Ранкъ этому не обрадовался, а, наоборотъ, почувствовалъ себя огорченнымъ:

— Это она для меня дѣлаетъ,—подумалъ онъ,—чтобы не возбуждать моей ревности. Вотъ до чего я довелъ ее, бѣдняжку!

Ему стало стыдно, и онъ учтиво заговорилъ съ Варваринымъ.

Затѣмъ Ранкъ отправился съ визитомъ въ ложу Пиратовой. Пиратова, въ свѣтломъ вечернемъ платьѣ съ роскошными обнаженными плечами, красивой волнующейся грудью, вся усыпанная брилліантами, распространяющая вокругъ себя сладкій запахъ сирени, произвела на Ранка ошеломляющее впечатлѣніе. Онъ давно ея не видѣлъ, и красота ея, въ рамкѣ вечераго восхитительнаго туалета, подѣйствовала на него, какъ разрядъ Лейденской банки.

— Она красивѣе моей Наты,—пронеслось у него въ головѣ.

— А вы, баронъ, совсѣмъ забыли меня,—привѣтливо заговорила Пиратова,—наконецъ, вспомнили.

— Я боюсь васъ, Анна Богдановна,—пошутил Ранкъ.— Вы до того прекрасны, что видѣть васъ часто опасно, еще забудешь жену и дѣтей. Вотъ и сейчасъ, когда я взглянулъ на васъ, на ваши глаза, услышалъ вашъ голосъ, право, у меня даже сердце ёкнуло. Не вѣрите?

— Всѣ вотъ говорятъ, что меня боятся, — съ капризной ноткой въ голосъ протянула Пиратова, подавая руку вошедшимъ въ ложу Тамарову, Пурданянцу и Бадагову.— Обидно даже! Точно я сирена какая-то!

— Сирена вы и есть, мадамъ! — засмѣялся Тамаровъ, обнаруживая свои большіе, крѣпкіе зубы. — Нельзя быть такой ослѣпительной, какъ вы, безнаказанно. Для насъ, простыхъ смертныхъ, вы просто слишкомъ... слишкомъ „дивны“, что-ли, какъ это сказать... Да, вы именно сирена!

— Перестаньте, докторъ! А то я, если правда, что я сирена, съ васъ и начну! Я васъ погублю, вы будете моей первой жертвой...

Тамаровъ ничего не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ антрактъ кончился: большая часть электрическихъ лампочекъ въ залѣ потухла, и всѣ направились къ своимъ мѣстамъ.

Въ одномъ изъ антрактовъ Ермановскій спросилъ Варварина:

— Куда же вы, князь, послѣ балета? Вѣроятно, куда-нибудь ужинать?..

— Нѣтъ, — съ нѣкоторой заминкой отвѣтилъ Варваринъ, — я на Рождественскій бульваръ...

— И я туда, — сорвалось неожиданно у Ермановскаго, причемъ онъ слегка покраснѣлъ.—Какое совпаденіе!..

— Ну, Алексѣй Григорьевичъ, я вамъ откровенно сознаюсь, мы вѣдь оба свободны и давно знаемъ другъ друга. Я къ Люсьень.

— Заказали? — спросилъ генераль.

— Еще съ утра; по телефону, какъ всегда.

— Не буду и я передъ вами скрываться. Я тоже къ мадамъ Люсьень, а заказъ ей сдѣлалъ еще вчера... Ъдемъ вмѣстѣ?..

— Отлично, — отвѣтилъ Варваринъ.

Началось послѣднее дѣйствіе балета. Гельцеръ презвошла самую себя, какъ говорили ея поклонники, а Морд-

кинъ умиралъ съ такимъ чувствомъ и такъ трогательно, что у многихъ навернулись слезы на глазахъ. Послѣ паденія занавѣса публика дружно аплодировала всѣмъ исполнителямъ, особенно Гельцеръ и Мордкину. Вызывали и Аренса, котораго вывели на сцену за руки Гельцеръ и хорошенькая Каралли.

Варваринъ и Ермановскій на лихачѣ отправились на Рождественскій бульваръ. Около двухъэтажнаго домика они остановили извозчика. На ихъ звонокъ къ двери подошла толстая старая горничная.

Она сначала лишь приоткрыла двери, не снимая цѣпочки, и, только убѣдившись, что люди ей знакомы, впустила гостей.

— Вамъ, ваше превосходительство, — дѣловито заявила горничная Ермановскому, — приготовлена большая комната внизу, гдѣ вы въ прошлый разъ изволили быть. А васъ прошу наверхъ, — обратилась она къ Варварину.

— Да, — подумалъ Ермановскій, механически разсматривая гравюру, изображавшую двухъ полунагихъ женщинъ, — какъ скверно на старости лѣтъ, съ сѣдиной въ волосахъ, сидѣть въ этой комнатѣ, на этомъ диванѣ... Но что подѣлаешь? Гдѣ же выходъ?... Какъ иначе разрѣшить этотъ проклятый вопросъ? Совѣмъ оставить?!.. не въ силахъ... Физически не могу... Жениться не пришлось! Эхъ, лучше объ этомъ не думать!.. Съ кѣмъ-то сегодня познакомлюсь?... Общались какую-то гувернантку изъ Ревеля... Посмотримъ!..

Размышленія генерала были прерваны легкимъ стукомъ въ дверь. У Ермановскаго сильнѣе забилося сердце, и онъ нѣсколько измѣнившимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Войдите!

Дверь тихо отворилась и въ комнату, сконфуженно и робѣя, вошла Эльза Миллеръ. На ней было скромное синее платьѣ; ея красивые волосы были по-модному причесаны хорошимъ парикмахеромъ. Предсказанія Фанни сбылись! Армянинъ надулъ нѣмку въ Баку, и она, съ трудомъ выбравшись оттуда, пріѣхала въ Москву, гдѣ французенка познакомила ее съ Люсьенъ. Дебютировала Эльза въ первый разъ, а потому очень смущалась.

Ермановскій чувствовалъ себя тоже неловко, не находя вѣрнаго тона съ этой миловидной особой, которая по годамъ могла быть его дочерью. Въ смущеніи онъ посадилъ ее на диванъ.

— Какая вы симпатичная, — попытался онъ завязать разговоръ. — Какой у васъ восхитительный цвѣтъ лица, какіе чудные глазки! Какъ васъ зовутъ?

— Меня здѣсь будутъ звать Лизой. Настоящимъ своимъ именемъ здѣсь называться не принято. Я здѣсь первый разъ и потому мнѣ неловко... Я довольна, что вы генераль и такой солидный. Я не люблю слишкомъ молодыхъ. Солидные мужчины, какъ вы, мнѣ больше нравятся. Я буду стараться вамъ понравиться...

Эльза замолчала; молчалъ и генераль.

— Несчастное существо, — думалъ Ермановскій, — совсѣмъ глупенькая, а какая молоденькая и свѣженькая! Что-то съ ней будетъ, бѣдняжкой, черезъ годъ-два!..

XX.

Наступило Рождество. На второй день праздниковъ у Ранковъ была назначена елка, которую предполагали зажечь въ пять часовъ вечера. По этому случаю Милочка Вѣрина страшно волновалась съ утра и нѣсколько разъ повторяла Марихень:

— Только-бы что-нибудь не помѣшало! Я такъ боюсь! такъ боюсь! Вдругъ Ксюша заболѣетъ или Коля. Вотъ будетъ ужасъ!

У Вѣриныхъ елку предполагалось устроить на третій день Рождества, а потому для Милочки елка у Ранковъ была первой. Опасенія дѣвочки не оправдались, и около пяти часовъ она въ легкомъ батистовомъ платицѣ съ счастливымъ, сіяющимъ лицомъ входила въ просторную комнату нижняго этажа дома Ранковъ, гдѣ дѣти должны были ожидать момента, когда ихъ пригласятъ въ залъ.

Какъ только Милочка появилась среди дѣтей, къ ней подбѣжали Коля Ранкъ, хорошенькій мальчикъ въ лицейскомъ мундирчикѣ и его пятилѣтняя сестра, Ксюша. Въ отношеніи Ксюши Милочка держалась покровительственно-материнскаго тона, а Колю боготворила, считая его самымъ умнымъ и хорошимъ мальчикомъ на свѣтѣ. Дѣти были очень дружны, часто видѣлись и привыкли другъ къ другу.

— Славная у насъ будетъ елка, Милочка, — сказалъ Коля, усаживая дѣвочку на диванъ и самъ садясь около нея, — папа даже музыкантовъ пригласилъ, восемь человѣкъ; они будутъ играть въ аванзалѣ.

— Ты будешь со мною танцовать? — спросила Ксюша, прижимаясь къ Милочкѣ и цѣлуя ее въ шею.

— Буду, буду, крошка моя, — солидно отвѣтила Милочка, проводя рукой по вьющимся волосамъ дѣвочки.

Скоро къ дѣтямъ присоединились Тамарочка Пиратова, Соня Первова, Коля Оболенскій, Андрюша Речиль и еще нѣсколько дѣтей, приглашенныхъ на елку. Въ ожиданіи вожделѣннаго звонка дѣти принялись возиться, бѣгать и играть подобно наблюденіемъ гувернантокъ, которыя вели между собою чинную и натянутую бесѣду.

Въ верхней гостиной и въ кабинетѣ, между тѣмъ, собрались взрослые: Пиратова, Вѣрины, Речиль съ Вѣрочкой, Первовы, Толчины, Новосильевы, Ермановскій, Яблоковъ, Патины, Тарновскій, Филимовъ, Тамаровъ и профессоръ-піанистъ Фрей. Ранки сіяли, радушно встрѣчали гостей и радовались тому, что всѣ приглашенные явились, даже вѣчно опаздывавшій Тамаровъ.

Когда все было готово, дѣтей ввели въ почти совершенно темный залъ, музыка грянула маршъ изъ „Конька-Горбунка“, и Ранкъ зажегъ конецъ бикфордова шнура, обвивавшаго концы свѣчей.

Яркій огонекъ, слегка шипя, змѣей побѣжалъ по всей елкѣ, и въ нѣсколько секундъ загорѣлись всѣ свѣчи.

— Вотъ чудесно, какъ въ сказкѣ! — широко раскрывая свои темные глаза, воскликнула Милочка, — прямо волшебная сказка!

Въ первый моментъ дѣти стояли около елки молча, какъ очарованныя. Затѣмъ Ранки при помощи Луизы Гофманъ роздали дѣтямъ подарки, лежавшіе на особомъ столѣ.

Заиграли вальсъ. Ранкъ предложилъ Пиратовой сдѣлать съ нимъ два тура. Пиратова вскинула на генерала своими прекрасными глазами и небрежно положила ему свою выше локтя обнаженную руку на плечо.

Ранкъ давно уже не танцовалъ, а потому нѣсколько смущался, тѣмъ болѣе, что въ молодости его учили вальсу въ три па, и лишь въ послѣдствіи онъ самъ усвоилъ вѣнскій вальсъ, который сейчасъ танцовали. Но Пиратова такъ ловко и незамѣтно руководила своимъ кавалеромъ, что онъ очень скоро началъ кружиться съ увлеченіемъ, думая въ это время:

— Грѣшникъ я! Какъ пріятно держать въ своихъ объятіяхъ эту чудную женщину! Какъ она вся волнуетъ меня! Прямо все забыть можно! Грѣхи, грѣхи!

— Довольно, баронъ, — раздался вдругъ около самаго его уха низкій мелодичный голосъ, — благодарю васъ, отдохнемъ!

— Какъ вы, Анна Богдановна, дивно танцуете, — сказалъ Ранкъ, усаживая свою даму въ гостиной на удобное монументальное кресло, — а главное, вы чудно управляли мною, такъ какъ, вѣроятно, замѣтили, что я танцоръ неважный. Должно быть и въ жизни вы умѣете такъ же руководить мужчинами, какъ въ танцахъ.

— Боги мои! Какія я говорю пошлости! — спохватился Ранкъ, произнеся послѣднюю фразу.

— Къ сожалѣнію, — отвѣтила Пиратова, — мужчинами мнѣ руководить не приходится... Я такъ одинока, мнѣ такъ все надоѣло, — вдругъ неожиданно добавила она, глубоко вздохнувъ.

У Ранка сердце упало. Ему вдругъ страшно жаль стало этой красавицы, созданной какъ будто для счастья, а, между тѣмъ, о чемъ-то тоскующей. Ему страстно захотѣлось сказать ей что-нибудь особенно нѣжное, пріятное, приласкать, развеселить ее, но онъ только съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ея красивый, чувственный ротъ, на ея классическія сдвинутыя брови и не находилъ словъ, чтобы выразить свои чувства. Къ нимъ подошли Тамаровъ и Патина.

— Ну, какъ ваше пѣніе, Анна Богдановна? — спросила Патина. — Продолжаете брать уроки у Мазетти? Если бы вы намъ сегодня спѣли что-нибудь? Вотъ обрадовали бы!

Ранкъ прошелъ въ столовую, гдѣ мрачный Василій съ злымъ и недовольнымъ лицомъ, веселый Антипъ и красивый солидный лакей, котораго пригласили на вечеръ изъ Англійскаго клуба, накрывали столъ.

Когда свѣчи на елкѣ догорѣли, всѣхъ пригласили къ чаю. Дѣтямъ подали чай въ столовой, а взрослымъ въ гостиной. Обширная свѣтлая столовая, когда юные гости усѣлись за длиннымъ столомъ, представляла оживленную картину. Маленькая Ксюша пожелала непременно сидѣть рядомъ съ Милочкой, не выпуская изъ рукъ своей новой куклы. Коля Ранкъ тоже увивался около Милочки. Тамарочка принялась съ увлеченіемъ рассказывать Сонѣ Первой о томъ, какія новыя почтовые марки появились въ ея коллекціи. Повеселѣли и разговорились бонны и гувернантки, уплетая съ аппетитомъ разныя вкусныя вещи. Въ

поль-голоса онѣ рассказывали другъ другу, что Марихенъ такая же милая, какъ и раньше, хотя все же замѣтно, что она нѣсколько гордится своимъ генеральствомъ.

Около восьми часовъ музыку отпустили, и дѣти начали разѣзжаться. Когда они уѣхали, Ранкъ обратился къ Фрею съ просьбой „усладить общество своей музыкой“. Фрей, красивый молодой человекъ съ длинными, густыми, прекрасно вымытыми волосами, не ломаясь, сѣлъ за рояль и сыгралъ свою фантазію „Souvenir du Kremlin“, сочиненную имъ подѣ впечатлѣніемъ пасхальной ночи, проведенной композиторомъ въ Московскомъ Кремлѣ. Въ этой фантазіи слышались и музыка курантовъ на Спасскихъ воротахъ, и красный звонъ московскихъ колоколовъ, и русскія народныя мелодіи. Ранку это произведение очень нравилось, хотя Толчинъ и другіе музыканты находили его скучнымъ. Потомъ Фрей исполнилъ сонату *A passionat'u* Бетховена.

Когда Фрей кончилъ и всталъ изъ-за рояля, Ранкъ, горячо пожимая ему руку, сталъ благодарить его. Фрей считался однимъ изъ лучшихъ піанистовъ въ Москвѣ. Подкупала также пріятная наружность швейцарца, его скромный видъ, умѣнье держать себя въ обществѣ и его деликатность.

— Вполнѣ культурный человекъ, — говорилъ о немъ Толчинъ. — Не то, что нашъ братъ, хотя онъ всегда себѣ на умѣ и даже очень!.. А человекъ славный и музыкантъ дивный!..

Около Фрея сѣли Вѣрина, Пиратова и Новосильева. Дамы восхищались талантомъ профессора. Разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ: Фрей едва-едва говорилъ по-русски.

— А теперь вы должны спѣть намъ, — съ улыбкой обратился Фрей къ Пиратовой. — Мнѣ Мазетти говорилъ, что у васъ отличный голосъ. Если хотите, я готовъ вамъ аккомпанировать.

Всѣ присоединились къ просьбѣ піаниста. Пиратова страшно заволновалась, но въ концѣ концовъ согласилась. Сначала голосъ ея слегка дрожалъ, и звукъ получался нѣсколько сдавленный, но потомъ она распѣлась, щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ и романсъ Шумана „Я не сержусь“ былъ исполненъ ею такъ хорошо, съ такой глубиной, съ такимъ увлеченіемъ, что у Ранка на глазахъ показались слезы восторга, а Фрей дѣловито замѣтилъ:

— Вы готовая пѣвица, мадамъ! Теперь вамъ надо только совершенствоваться, а фундаментъ у васъ отличный, вполнѣ прочный.

Пиратова благодарно взглянула на Фрея и перешла съ нимъ въ гостиную. Во время пѣнія лицо Анны Богдановны дѣлалось еще привлекательнѣе; присущее этому лицу чаще всего надменно-холодное выраженіе замѣнялось совершенно другимъ: нѣжнымъ, застѣнчивымъ, почти робкимъ, но удивительно милымъ.

— О, боги! — проговорилъ Ранкъ, подходя къ пѣвицѣ, — какъ я вамъ благодаренъ, Анна Богдановна! Какъ вы восхитительно спѣли этотъ мой любимый романсъ, я такъ потрясенъ, что почти плачу отъ восторга. Позвольте облобызать вашу ручку!

— Вы надо мной вѣчно подсмѣиваетесь, баронъ, — сверкнувъ глазами, дѣланно-небрежно проронила Пиратова, протягивая свою красивую руку для поцѣлуя, но Ранкъ былъ увѣренъ, что красавица считаетъ его похвалу вполне искренней.

Въ это время въ дверяхъ гостиной появилась угрюмая фигура Василія, доложившаго хозяйкѣ, что ужинъ поданъ. Всѣ прошли въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ вкусный и обильный ужинъ: Наталья Николаевна Ранкъ была большая охотница хорошо угостить своихъ гостей. Мужчины налегли на водку, особенно Толчинъ и Патинъ; дамы начали съ мадеры. Фрей сидѣлъ между Вѣриной и Патиной и монотоннымъ голосомъ началъ рассказывать имъ о своихъ концертныхъ турнѣ.

— А знаете, господа, — зычнымъ голосомъ вдругъ загремѣлъ Патинъ, который страшно любилъ говорить и быть центромъ всеобщаго вниманія, — вотъ мы здѣсь пируемъ, намъ такъ хорошо, а надъ нами собирается гроза. Въ Петербургѣ, откуда я на дняхъ пріѣхалъ, мнѣ „вѣрные“ люди говорили, что каждую минуту можетъ начаться война, а если будетъ война, то можетъ и революція вспыхнуть, какъ въ 1905 году.

— Не карчай, никакой войны не будетъ, — стала останавливать мужа Патина. — Нашелъ моментъ говорить о политикѣ. Кушай лучше этотъ восхитительный паштетъ.

— Если война и будетъ, — сказалъ Филимовъ, сидѣвшій рядомъ съ Патиной, — то она протечетъ страшно быстро. Экономическая жизнь Европы такъ сложна, что продолжительную войну она выдержать не въ состояніи. Въ полгода, самое большее въ годъ, все будетъ кончено. По этому поводу многіе офицеры генеральнаго штаба увѣряли меня, что всякая большая война теперь пройдетъ необыкновенно быстро.

— Наши дипломаты, — опять загремѣлъ Патинъ, стараясь покрыть остальные голоса, — именно и доведутъ насъ до войны. Все болтаютъ о какомъ-то нашемъ союзѣ съ Англіей. Англія-то и втравитъ насъ въ войну съ нѣмцами, а воевать съ нѣмцами намъ не слѣдуетъ. Еще Бисмаркъ сказалъ... — Тутъ кто-то перебилъ Патина, и завязался общій споръ. Въ концѣ концовъ выяснилось, что большинство того мнѣнія, что въ скоромъ времени войны ожидать нельзя, а если она и вспыхнетъ, то долго она продолжаться не будетъ.

Ранкъ сидѣлъ между Пиратовой и Новосильевой. Пиратова противъ обыкновенія слегка кокетничала съ Ранкомъ. Генераль мѣлъ и чувствовалъ, что начинаетъ терять голову. Ему неудержимо хотѣлось покрыть поцѣлуями эти глубокіе, нѣсколько лѣниво глядящіе на него глаза и эти яркія чувственные губы, подъ которыми сверкали безукоризненно ровные зубы.

— Грѣшникъ я и сладострастникъ, — думалъ онъ, любуясь своей сосѣдкой и оживленно болтая съ нею.

Баронесса Ранкъ со своего мѣста наблюдала за мужемъ, но не ревновала его къ прекрасной армянкѣ: она считала своего Мишу не способнымъ на измѣну.

— Пусть увлекается, пусть ухаживаетъ за Анной, — разсуждала она сама съ собой. — Это его развлекаетъ, а вреда нашему семейному счастью принести не можетъ. И не ему удастся зажечь эту холодную статую. Она ищетъ другое. Пусть флиртуютъ.

Гости разошлись только около двухъ часовъ ночи.

Когда Ранки были въ спальнѣ, жена сказала:

— А я, дружокъ, замѣтила, какъ ты пріударялъ за Анной Богдановной. Меня ревнуешь, а самъ занимаешься флиртомъ. Развѣ это хорошо?

Ранкъ взялъ руку жены, поцѣловалъ ее и съ подавленнымъ вздохомъ отвѣтилъ:

— А ты ревнуешь? Меня, дѣйствительно, эта волоокая Гера очень волнуетъ. Удивительно она красива! На тебя похожа! Но ты, душка, не ревнуй меня! Я вѣдь не сердцѣдъ! Все это только такъ...

— Я, милый мой, — ласково пожимая руку мужа, проговорила Наталья Николаевна, — ничуть тебя не ревную. Я не ревнива. Я понимаю, что въ отношеніи къ Пиратовой въ тебѣ говоритъ только чувственность. Ты ее не любишь, а только меня одну, но вы, мужчины, такіе скверные: каждое новое красивое лицо кружитъ вамъ голову... Ну,

подѣлуй меня за то, что я такая хорошая хозяйка. Какъ все было отлично у насъ сегодня! И прислуга служила превосходно. Паша прямо отличилась.

XXI.

Наступила весна 1913 года. Она выдалась ранняя, свѣтлая, теплая. Москва находилась въ большомъ волненіи: она торжественно праздновала трехсотлѣтіе дома Романовыхъ. Все въ городѣ подбодрилось, подчистилось, даже трамвайные столбы по всей Тверской украсились горшками съ цвѣтами. Замученные полицейскіе щеголяли въ новыхъ мундирахъ, гостиницы были переполнены, въ публичныхъ мѣстахъ въ огромномъ числѣ сновали, такъ называемыя, гороховыя пальто, ко всему прислушивавшіяся и жадно нюхавшія воздухъ.

Но въ воздухѣ ничѣмъ дурнымъ не пахло и все обѣщало, что праздники пройдутъ спокойно. Адріановъ за-благовременно энергично „почистилъ“ городъ, т. е. выслалъ изъ столицы весь „неблагонадежный“ элементъ; кое-кто и вовсе на время лишился свободы: предлоги для этого нашлись.

Начались праздники съ торжественнаго вѣзда царской семьи въ Первопрестольную. У Ранковъ оказались знакомые, имѣвшіе домъ на Тверской вблизи Охотнаго ряда. Эти знакомые разрѣшили Ранкамъ и Вѣринымъ воспользоваться окнами ихъ квартиры, чтобы полюбоваться красивой картиной. Обѣ семьи заблаговременно у оконъ, выходящихъ на Тверскую, заняли свои мѣста и поглядывали на улицу. День былъ солнечный, теплый, по всей Тверской отъ Александровскаго вокзала окна во всѣхъ домахъ были открыты настежь и изъ нихъ выглядывалъ нѣсколько смущенный, но все же довольный обыватель. Смущался обыватель потому, что боялся за порядокъ, боялся анархистовъ, боялся кровавыхъ инцидентовъ, а радовался тому, что полиція на этотъ разъ, видимо, старалась дать возможность вѣрноподданнымъ лицезрѣть своего царя, не слишкомъ стѣсняя публику и идя навстрѣчу ея законному любопытству.

Въ 1912 году градоначальникъ перестарался, охраняя царя, и на прощаніе вмѣсто пожалованія въ свиту Государь сказалъ Адріанову съ сожалѣніемъ и не безъ ехидства, что онъ видѣлъ въ Москвѣ лишь войска и полицію, но не видѣлъ народа. Поэтому на этотъ разъ Адріановъ рѣшилъ поставить все на карту и „приблизить народъ къ царю“.

— Или панъ, или пропалъ, — думалъ онъ, доказывая въ особой комиссіи, организованной для охраны монарха, о необходимости дать возможность москвичамъ вполнѣ насладиться лицезрѣніемъ своего царя и его семьи.

— Иначе опять улыбнутся мнѣ свитскіе аксельбанты, — думалъ онъ.

Новая тактика удалась. Народъ свободно сновалъ по улицамъ и громадными толпами собирался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ожидался царскій проѣздъ.

Милочка и дѣти Ранковъ сидѣли у самаго окна; сзади нихъ стояла швейцарка Луиза. Ранки и Вѣрины расположились у другого окна.

— Скорѣй бы, скорѣй-бы, — шептала Милочка, высываясь изъ окна. — А народу какъ много! Вотъ интересно! Какъ въ театрѣ!

Вдали слышалось раскатистое „ура“, которое слышалось все ближе. Изъ окна можно было замѣтить, что шествіе поровнялось съ памятникомъ Скобелеву. Мимо проѣхали конвойцы. Цѣпь солдатъ, стоявшая около тротуара, замерла. Въ публикѣ все тревожно всколыхнулось; задніе напирали на переднихъ, передніе пятились назадъ. Наконецъ, „ура“ рывкнули подъ самыми окнами, гдѣ стояли Ранки, и мимо нихъ на великолѣпномъ гнѣдомъ конѣ въ гусарскомъ мундирѣ шагомъ проѣхалъ Николай II, отъ времени до времени прикладывая руку къ головному убору и привѣтливо посматривая по сторонамъ. За нимъ въ открытой коляскѣ, запряженной à la Daumont, на бѣлоснѣжныхъ арабскихъ лошадяхъ прослѣдовала императрица съ хорошенькимъ наслѣдникомъ, а дальше промелькнула Елизавета Федоровна съ великими князьями.

— Боже, Боже! — воскликнула Милочка, — какой наслѣдникъ хорошенькій! Какъ я его хорошо вижу! Онъ только блѣдный и грустный.

— А какъ нашъ императоръ дивно сидитъ на лошади, — подхватилъ Коля, — и лошадь же у него чудная! Пріятно быть царемъ!

— Какія прелестныя лица у великихъ князей, —

сказала Наталья Николаевна, — такіа души! Какъ онѣ мило улыбаются!..

— Будь я царицей,—восторженно заявила Милочка,— я постоянно показывалась бы всѣмъ! Такъ весело, когда всѣ тобой любятъ, и всѣ передъ тобой склоняются. Папочка, а царица наша добрая, хорошая?

— Очень добрая, Милочка, — съ улыбкой отвѣтилъ Вѣринъ. — Вся царская семья очень добрая, но не очень счастливая. Бѣдный наслѣдникъ все боленъ; никакъ не удастся ему пока совсѣмъ поправиться. Онъ почти не ходитъ, говорятъ.

— Бѣдный, бѣдненькій, — съ чувствомъ проговорила дѣвочка; глаза ея затуманились грустью.

— Страшно находиться на такой высотѣ, какъ царь,— замѣтилъ Ранкъ, —"какая отвѣтственность и какъ трудно остаться человѣкомъ! Онъ, говорятъ, удивительно добръ, но совершенно не отъ міра сего! Не понимаетъ простѣйшихъ вещей. И окружаетъ себя прескверно: не любитъ около себя выдающихся людей. И удивительно же не везетъ ему: Ходынка, Японія, 1905 годъ...

Пышные празднества захватили всю служащую, дворянскую и купеческую Москву, а „сѣрый народъ“ часами заполнялъ тѣ улицы, гдѣ ожидался проѣздъ кого-либо изъ членовъ царской семьи и выражалъ свои вѣрноподданичeskія чувства и энтузіазмъ въ раздирающихъ душу крикахъ „ура“.

Блестяще прошелъ въ великолѣпномъ помѣщеніи Благороднаго собранія балъ, данный дворянами. Не омрачилъ этотъ балъ и досадный инцидентъ, который потомъ усиленно комментировался въ московскомъ обществѣ.

Инцидентъ заключался въ томъ, что одинъ изъ дирижеровъ, капитанъ Штеръ, обмосквитившійся бывшій преобразенецъ, вопреки этикета открылъ балъ съ дочерью градоначальника, тогда какъ его должна была открыть одна изъ великихъ княженъ. Пріѣхавшіе петербуржцы злобно поспѣшили отмѣтить это недоразумѣніе, и бѣдный Штеръ имѣлъ потомъ много непріятностей. Московскія же дамы въ свою очередь неодобрительно отнеслись къ приглашенному предводителемъ петербургскому дирижеру, стрѣлку, барону Притвицу. Его обвиняли дамы въ излишней рѣзкости.

— Впрочемъ, — говорили старыя кумушки, — баронъ Притвицъ славится тѣмъ, что онъ, дирижируя танцами, забываетъ, что онъ не на парадѣ, а на балу. Странно

было приглашать его; точно у насъ не нашлось бы своихъ дирижеровъ.

Двѣ старшія дочери Государя, Ольга и Татьяна Николаевны, присутствовавшія на балу, были очаровательны. Такъ рѣшила вся Москва. Держали онѣ себя очень мило, много танцовали и, видимо, веселились отъ души.

— Посмотри, Ната, — сказалъ Ранкъ женѣ, которая сидѣла съ Вѣринымъ, — какія эти великія княжны прелестныя. Не правда-ли?

— Удивительно! — согласилась Наталья Николаевна. — Въ нихъ столько свѣжести, молодости, жизни, чего у меня уже нѣтъ! — со вздохомъ добавила она.

— Ну, нѣтъ, ты еще молодчина, — весело любуясь женой, возразилъ Ранкъ. — Не правда-ли, Иванъ Петровичъ?

— Конечно, — подхватилъ Вѣринъ, — баронессѣ рано еще беспокоиться о своей свѣжести и красотѣ.

Наталья Николаевна, дѣйствительно, въ своемъ прекрасно сшитомъ платьѣ производила наивыгоднѣйшее впечатлѣніе: чудное жемчужное кольцо на красивой шеѣ, прекрасные, восточные темные глаза, восхитительный цвѣтъ лица и классически правильныя черты лица обращали вниманіе не только москвичей, но и пріѣзжихъ гостей. Какъ бывшая фрейлина, она надѣла свой фрейлинскій брилліантовый шифръ, и этотъ шифръ еще больше выдѣлялъ ее среди остальныхъ дамъ.

Особый фуроръ произвела Пиратова. О ней справлялись высокопоставленные лица, и на этомъ балу многіе добивались чести быть ей представленными.

Знаменитый Рябовъ дирижировалъ бальнымъ оркестромъ, расположеннымъ въ одномъ изъ угловъ великолѣпнаго зала и заслужилъ общее одобреніе.

Императрица отсутствовала по болѣзни, но Государь съ великими князьями, великіе князья, великія княгини и петербургская высшая бюрократія осчастливили балъ своимъ присутствіемъ. Вообще балъ удался, и о немъ москвичи потомъ долго говорили.

Памятенъ остался всѣмъ и Высочайшій выходъ въ Большомъ кремлевскомъ дворцѣ. Государь шель подъ руку съ государыней, которая тяжело переступая ногами, опиралась на зонтикъ-трость. Ноги ея передвигались съ трудомъ, а лицо имѣло усталый и страдальческій видъ.

Хорошенькаго восьмилѣтняго Алексѣя Николаевича, лицо котораго, какъ многимъ показалось, выражало тоску, несъ на рукахъ дюжій матросъ Деревенко. Этотъ несчаст-

ный блѣдный мальчикъ произвелъ на всѣхъ очень тяжелое впечатлѣніе.

— Зачѣмъ его выносили, зачѣмъ демонстрировали, что онъ, бѣдненькій, не можетъ ходить,—говорили многіе,—его всѣ видѣли въ экипажѣ, этого достаточно; тащить же на Красное крыльцо несчастнаго калѣку не слѣдовало.

— Но, позвольте, — возражали другіе, — мальчику только временно запрещено ходить; онъ поправится. Его участіе во всѣхъ торжествахъ необходимо; онъ и самъ этого настойчиво требовалъ.

Когда члены царской семьи, пройдя по всѣмъ заламъ дворца, появились на Красномъ крыльцѣ, вся многотысячная толпа, заливавшая площадь, подняла неистовый ревъ. Публика, бывшая въ залахъ, послѣ прохода процессіи въ Успенскій соборъ, высыпала на обширный дворцовый балконъ и оттуда любовалась видомъ волнующейся и ревушей „ура“ толпы.

— О, Боже, — закатывая глаза къ небу, громко сказала Адріанова, — какъ великъ русскій народъ, какъ онъ любить своего монарха, какъ онъ боготворитъ всю семью царя и какъ безумны тѣ, которые думаютъ, что великій народъ согласится хоть одинъ мигъ пробыть безъ царя! Россія и царь не могутъ существовать другъ безъ друга!

— Ну, Анастасія Андреевна,—со скептической улыбкой возразилъ красивый, моложавый брюнетъ въ камергерскомъ мундирѣ,—никогда не придавайте значенія изліяніямъ черни: сегодня она боготворитъ царя, а завтра съ такимъ же энтузіазмомъ пойдетъ за краснымъ знаменемъ. Вѣдь чернь всегда останется чернью! Пока надъ ней кулакъ—хорошо, а нѣтъ кулака—все можетъ рушиться, даже любовь къ царю.

— Что вы, что вы, графъ, — съ нѣскольکو дѣланнымъ жаромъ запротестовала Адріанова.—Вы, вѣроятно, не знаете сердца русскаго народа. Я много жила въ деревнѣ и, не хвалясь, скажу, что хорошо знаю простолюдина. Вѣрьте, онъ страшный патріотъ и царь для него все.

— Амен! Будемъ на это надѣяться,—отвѣтилъ камергеръ, видимо, не желая продолжать разговоръ на эту щекотливую тему.

— А я, коренной петербуржецъ, все же люблю вашу старушку Москву. Какъ мнѣ нравятся вотъ эти башни и стѣны Кремля, эта Москва-рѣка, вся фیزیомія города со всей его азіатчиной. А ваши восхитительные храмы, Красная площадь, переулочки съ дворцами въ итальянскомъ

вкусъ, трактиры съ половыми въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, дивный Большой театръ!.. „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“... А день то сегодня какой дивный; какъ ярко солнце!.. Счастливыцы—„живущіе на Москвѣ“.

Высочайшій выходъ кончился вполне благополучно. Благополучно прошелъ и молебень на Красной площади, хотя въ одномъ мѣстѣ толпа прорвала желѣзныя цѣпи, отдѣляющія часть площади, предназначенной для народа и чуть не произошла новая Ходынка. Съ невѣроятными усилиями полиціи, солдатамъ и жандармамъ удалось предотвратить катастрофу.

Англійскій клубъ далъ для высшихъ сановниковъ обѣдъ въ саду клуба, прошедшій, несмотря на героическія усилія его старшинъ, натянуто и скучно. Министры во главѣ съ Коковцевымъ, видимо, скучали, а нѣкоторые, измученные торжествами, даже откровенно зѣвали...

Во время большого парада на Ходынскомъ полѣ, во время объѣзда Государемъ войскъ, какой-то солдатъ съ ружьемъ въ рукахъ выскочилъ изъ рядовъ войскъ и бросился по направленію къ царю. Одному изъ генераловъ, находившихся въ свитѣ, удалось въ десяти шагахъ отъ Государя сбить его съ ногъ. Оказалось, что солдатъ хотѣлъ подать прошеніе о томъ, что его будто бы неправильно взяли на службу. Этотъ случай очень всполошилъ всѣхъ и всѣ рѣшили, что командующему войсками, Плеве, не видать вензелей.

Въ день парада въ Большомъ кремлевскомъ дворцѣ состоялся обѣдъ для генераловъ и командировъ отдѣльных частей.

Ранкъ, Вѣринъ и Новосильевъ заблаговременно пріѣхали во дворецъ и всѣ встрѣтились въ вестибюлѣ. По пути во дворцовыя залы вездѣ по лѣстницамъ стояли офицеры мѣстнаго гарнизона, тщательно провѣрявшіе входные билеты. Когда Ранкъ со своими сослуживцами вошелъ въ Георгіевскій залъ, тамъ еще почти никого не было. Къ генераламъ подошелъ высокій плотный пожилой человекъ въ залитой золотомъ ливреѣ и добродушно-покровительственно спросилъ ихъ:

— Что такъ рано, ваши превосходительства, изволили пожаловать? Пообождать придется.

— Ничего, подождемъ, — отвѣтилъ Новосильевъ. — А позвольте спросить, какую вы исполняете должность?

— Я гофъ-фурьеръ Ферапонтьевъ. Служу уже при третьемъ императорѣ. Вотъ сейчасъ радъ, что попалъ

опять въ Москву, которую очень люблю. А черезъ два дня мы уже уѣзжаемъ.

Словоохотливый старикъ, который, видимо, былъ свободенъ, разговорился съ генералами и принялся повѣствовать о разныхъ обычаяхъ и мелочахъ придворной жизни. Разсказывалъ онъ такъ занимательно, что слушали его съ любопытствомъ не только Ранкъ, Вѣринъ и Новосильевъ, но и другіе подошедшіе генералы и полковники.

— Однако, ваши превосходительства, мнѣ пора, счастливо извольте оставаться; сейчасъ откроютъ столовую, и вы тамъ заранѣе по плану найдете свои мѣста, — въ заключеніе проговорилъ Ферапонтьевъ, вѣжливо поклонившись и направляясь во внутренніе покои.

Въ громадный залъ прибывали все новыя и новыя лица. Виднѣлись почти исключительно кителя защитнаго цвѣта и нѣсколько свѣтлыхъ дамскихъ платьевъ; штатскіе отсутствовали, такъ какъ для гражданскихъ чиновъ долженъ былъ состояться другой обѣдъ на слѣдующій день. На нѣкоторое время распахнули двери въ столовую и предложили всѣмъ отыскать свои мѣста. Потомъ опять все офицерство перешло въ залъ, а прислуга продолжала накрывать столы.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый моментъ: придворные чины пригласили гостей стать передъ своими приборами. Ранкъ, Вѣринъ и Лаврентьевъ очутились рядомъ на лѣвой сторонѣ стола, расположеннаго въ видѣ буквы „п“. Когда всѣ размѣстились, въ столовую, кланяясь налево и направо, вошелъ Государь подъ руку съ Государыней, а за нимъ великій князь Михаилъ Александровичъ съ одной изъ великихъ княгинь и остальные члены царской семьи. Государь сѣлъ; послѣ этого сѣли и гости. Два оркестра—Большого театра и военный—начали исполнять свою программу, играя попеременно.

— Какая чудная картина! — обратился Ранкъ къ Вѣрину. — Какія, однако, у насъ удачныя мѣста: всѣхъ видимъ! Государыня, обратите вниманіе, имѣетъ совсѣмъ убитый и больной видъ. Она нарушаетъ нѣсколько общую гармонию, надо признаться.

— Н-да, — замѣтилъ тихо Лаврентьевъ, — она, бѣдняжка, вѣроятно, по Григорію Ефимовичу скучаетъ. Одинъ соблазнъ!

— Ну, маленькій генераль, — сказалъ шутливо Вѣринъ, — молчите лучше, а то прямо съ царскаго обѣда попадете въ Сибирь.

— Нѣтъ-съ, милый человѣкъ, — весело возразилъ Лаврентьевъ, осушая рюмку портвейна, — теперь у насъ не Павелъ, а Николай „второй“, и свобода слова объявлена; обо всемъ могу говорить. Я вѣдь къ тому же ничего противъ Григорія Ефимовича не имѣю. Онъ, говорятъ, превеселый парень и выпить не дуракъ, человѣкъ компанейскій. Жаль, что его здѣсь нѣтъ, хотѣлось бы очень поглядѣть на него!

— Посмотрите на нашего Павла Адамовича, — прервалъ Ранкъ Лаврентьева, такъ какъ замѣтилъ, что нѣкоторые сосѣди стали прислушиваться къ словамъ маленькаго генерала и одобрительно хихикать. — Какъ онъ, бѣдный, печаленъ. Этотъ случай на парадѣ сразилъ его окончательно; не видать ему вензелей.

Всѣ посмотрѣли въ сторону Плеве и согласились съ тѣмъ, что „краше въ гробъ кладутъ“, какъ выразился Лаврентьевъ по адресу командующаго войсками.

Обѣдъ показался всѣмъ очень вкуснымъ, хотя, казалось, его трудно было приготовить на нѣсколько сотъ человѣкъ. Когда лакеи разлили шампанское, Михаилъ Александровичъ, видимо, волнуясь, произнесъ тостъ за Государя и семью его. Музыка грянула гимнъ, генералы и штабъ-офицеры поднялись со своихъ мѣстъ и принялись оглушительно кричать „ура“, а монархъ привѣтливо кивалъ головой во всѣ стороны. Затѣмъ онъ поднялъ заздравицу за войска округа. Только эти два тоста и были провозглашены.

— Налейте еще шампанскаго, — обратился Лаврентьевъ къ лакею. Но лакей куда-то испарился, и маленькій генералъ началъ волноваться. Когда лакей появился снова, Лаврентьевъ вторично предложилъ ему наполнить стоявшій передъ нимъ пустой бокалъ, но лакей сдѣлалъ видъ, что не слышитъ обращенной къ нему просьбы. Тогда генералъ взбѣсился и громко заявилъ:

— Ты что-жъ это, любезный, не наливаешь мнѣ шампанскаго; хочешь, чтобы я о тебѣ довелъ до свѣдѣнія Николая Ивановича? Слышишь? Немедленно налей!

Упоминаніе имени Николая Ивановича произвело магическое дѣйствіе: шампанское немедленно появилось и не только Лаврентьевъ, но и его сосѣди получили по третьему бокалу.

— Какіе эти петербургскіе лакеи каналы! — съ улыбкой проговорилъ Лаврентьевъ, — они во время такихъ обѣдовъ стараются сохранить большую часть вина, которую

потомъ продають въ свою пользу. Я ихъ штучки хорошо знаю! А во время подобнаго обѣда особенно пріятно дернуть лишній бокаль вина! Вся обстановка къ этому располагаетъ. А эти господа хотятъ коммерціей своей заняться!

— Почему это, — спросилъ Вѣринъ, — лакей такъ испугался, когда вы пригрозили, что пожелаетесь Николаю Ивановичу и кто онъ?

— Онъ ими завѣдуетъ, — отвѣтилъ генераль, — они страсть боятся его. Я съ нимъ знакомъ. Онъ-то мнѣ и рассказывалъ о продѣлкахъ своихъ подчиненныхъ: воруютъ немилосердно!

— Какія чудныя лангусты, — замѣтилъ Вѣринъ.

— Вообще весь обѣдъ хорошъ, — отозвался Ранкъ, — удивляюсь, какъ возможно такъ хорошо приготовить обѣдъ на такое количество людей. Впрочемъ, и поваровъ вѣдь сколько и средства какія на это идутъ! А, право, пріятно иногда быть гостемъ царя. Не въ смыслѣ ѣды, конечно. Главная суть здѣсь во всей обстановкѣ, во всемъ этомъ блескѣ, который насъ окружаетъ, въ томъ сознаніи, что ты сидишь за однимъ столомъ съ „хозяйномъ земли русской“. Если у насъ когда-нибудь водворится республика, я буду вздыхать о монархіи, право!

— Надѣюсь, — весело подхватилъ Лаврентьевъ, — что мы до республики не доживемъ. Я не хочу жить въ республиканской Россіи. Богъ съ ней! Тамъ еще больше произвола! Ну, а если бы въ Россіи, дѣйствительно, господа революціонеры совершили переворотъ, то первымъ дѣломъ повѣсили бы жандармовъ, полицейскихъ и насъ, военныхъ судей. Пока я ихъ вѣшаю, а при республикѣ, конечно, меня повѣсятъ.

— Знаете, — сказалъ Вѣринъ, — сегодня одинъ господинъ, указывая мнѣ на новую юбилейную медаль, изрекъ слѣдующее: „на этой медали изображены первый и послѣдній царь изъ дома Романовыхъ. Все къ тому идетъ“.

— Кто же этотъ предсказатель, чтобы чортъ его побралъ, — спросилъ Лаврентьевъ.

— Ну, зачѣмъ называть его фамилію? Это очень почтенный человѣкъ и даже монархистъ, но очень большой пессимистъ и считаетъ, что Россія наканунѣ страшнаго переворота. По его словамъ, все наше благополучіе виситъ на волоскѣ. Больше всего намъ нужно опасаться войны, которой непременно воспользуются всѣ антигосударственные элементы, чтобы сокрушить имперію...

Обѣдъ кончился. Государь, государыня и остальные

высокопоставленные лица прошли въ сосѣдній залъ; за ними туда же устремились генералы и штабъ-офицеры. Около одной изъ стѣнъ столпилась небольшая кучка дамъ, къ которой подошла императрица для „милостивой бесѣды“. Лакеи стали разносить кофе. Вправо отъ двери въ столовую плотной массой стояли военные. Почти всѣ взоры были устремлены по направленію къ фигурѣ Государя, разговаривавшаго съ министромъ двора, графомъ Фредериксомъ. Генералы съ нетерпѣніемъ ожидали момента, когда Государь подойдетъ къ нимъ: многіе изъ нихъ мечтали о томъ, какое было бы для нихъ счастье, если бы царь вдругъ поговорилъ съ ними.

— Что это, — недовольно проворчалъ Лаврентьевъ, — Государь такъ увлекся бесѣдою со своимъ министромъ, котораго каждый день видитъ. Пора бы ему и къ своимъ гостямъ подойти и осчастливить ихъ „милостивымъ разговоромъ“.

Наконецъ, Николай Александровичъ, видимо, наговорился съ Фредериксомъ досыта, и нерѣшительными шагами, потрагивая правой рукой усы, направился къ группѣ генераловъ. Всѣ они насторожились и замерли. Воцарилось молчаніе. Усталыми глазами обвелъ Государь присутствующихъ, выбирая мысленно лицо, съ котораго начать свой обходъ. Впереди бросалась въ глаза своей невзрачностью крабообразная унылая фигура Плеве, командующаго войсками округа.

— Меня сегодня, — обратился къ нему Государь ровнымъ и негромкимъ голосомъ, — очень грустно поразили инцидентъ съ этимъ солдатомъ на парадѣ. Это нѣчто небывалое! Неслыханная дерзость! Какое страшное нарушеніе дисциплины! Я очень, очень огорченъ!

Плеве позеленѣлъ и заплетающимся языкомъ забормotalъ:

— Я, Ваше Величество, убить этимъ случаемъ...

Государь отошелъ отъ Плеве и взглянулъ на осанистаго генерала Ренненкампа, который, по солдатскому выраженію, „ѣлъ“ своего монарха „глазами“. Рядомъ съ Ренненкампомъ стоялъ толстенькій артиллерійскій генералъ Гаитеновъ; его маленькіе монгольскіе глазки весело блестя.

— Вотъ и участники японской войны, — съ улыбкой обратился Николай къ обоимъ генераламъ.

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество! — бодро и преданно гаркнулъ Ренненкампфъ.

— На этой войнѣ,—продолжалъ Государь, — особенно наглядно выяснилось значеніе пулеметовъ. Я считаю, что всякая армія должна стремиться имѣть какъ можно больше пулеметовъ. Это отличное оружіе! Въ Красномъ въ прошломъ году я присутствовалъ при стрѣльбѣ изъ новыхъ пулеметовъ. Удивительные результаты!

Замѣтивъ, что царь выговорился, Ренненкампфъ оживленно и горячо воскликнулъ:

— Пулеметы—вещь дивная, Ваше Императорское Величество, незамѣнимая! Жаль, что въ японскую войну ихъ у насъ было маловато... Отличное оружіе! У японцевъ пулеметовъ было страшно много...

— И артиллерія японская,—вставилъ свое слово генералъ Гаитеновъ, — была не хуже нашей, если не лучше! Эта война намъ дала большой опытъ.

— Если бы, Ваше Императорское Величество, — перебилъ Гаитенова Ренненкампфъ, при чемъ голосъ его дрожжалъ, а красные глаза наполнились слезами, — если бы не заключили съ японцами мира, мы бы ихъ разбили, непременно разбили, увѣренъ въ этомъ. Въдь всѣ, кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣ хотѣли постоять за родину до конца и постояли бы! Сломили бы ихъ, непременно сломили!

При этихъ словахъ генерала лицо Николая Александровича озарилось пріятной улыбкой, и онъ опять заговорилъ:

— Да, конечно, вы, возможно, правы, но мнѣ со всѣхъ сторонъ говорили, что войска изнемогли, что они слишкомъ устали, что начались между солдатами разныя эпидеміи. Мнѣ было жаль нашихъ героевъ. Меня все старались убѣдить, что наступленіе вновь предпринято быть не можетъ, и я долженъ поскорѣе заключить миръ. Въ концѣ концовъ я уступилъ, хотя допускаю, что былъ введенъ въ заблужденіе, что продолжать войну еще можно было...

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество,—дрожащимъ отъ избытка чувствъ голосомъ подхватилъ Ренненкампфъ,—непремѣнно бы побѣдили этихъ японцевъ!

Въ это время близко отъ Государя сталъ Фредериксъ въ выжидательной позѣ. Когда царь вопросительно взглянулъ на него, онъ доложилъ:

— Ея Императорское Величество чувствуетъ себя очень усталой и просила доложить объ этомъ Вашему Величеству.

Эти слова министра какъ бы обрадовали Государя.

Онъ привѣтливо кивнулъ головой въ разныя стороны и довольно быстрыми шагами направился къ императрицѣ, которая съ совершенно усталымъ и тоскующимъ лицомъ вяло вела разговоръ съ женами главнокомандующаго войсками и градоначальника. Николай Александровичъ подаль Александрѣ Федоровнѣ руку и направился съ нею во внуренніе покои.

— Мало ужъ очень батюшка-царь поговорилъ съ нами, — началъ ворчать Лаврентьевъ, очутившись на улицѣ, — могъ бы онъ проявить себя болѣе любезнымъ хозяиномъ. Выругалъ Плеве и о пулеметахъ болталъ съ этимъ дутымъ героемъ. Вотъ и все! Не такъ монархъ долженъ подогрѣвать чувства къ своей особѣ! Право!.. А, впрочемъ, обѣдъ былъ отличный, а остальное ерунда!

Черезъ два дня вся чиновная Москва и генералитетъ вечеромъ собрались на Александровскомъ вокзалѣ: царская семья покидали Первопрестольную. У платформы стоялъ императорскій поѣздъ, около котораго прохаживались провожающіе.

— Мнѣ говорили, — сказалъ Вѣринъ Ранку (пріятели стояли вблизи царскихъ комнатъ и съ любопытствомъ смотрѣли на роскошные бѣлые вагоны), — что младшихъ дѣтей уже уложили спать; вотъ они въ этомъ вагонѣ, гдѣ опущены занавѣски. И фигура дядьки наследника виднѣется въ дверяхъ вагона. Видите?

— А пріятно кататься въ такихъ шикарныхъ вагонахъ — замѣтилъ Ермановскій, — какихъ только тамъ нѣтъ удобствъ!

— Ну, что, — спросилъ Новосильевъ, — получилъ Адриановъ аксельбанты?

— Пока нѣтъ, — отвѣтилъ Ранкъ, — и онъ страшно волнуется и беспокоится. Думаю, что все же завѣтное желаніе его исполнится: все вѣдь прошло вполнѣ гладко! А вотъ бѣдный Плеве, вѣроятно, не только не получитъ генераль-адъютанта, а изъ-за этого глупаго случая на парадѣ совсѣмъ слетитъ, несмотря на протекцію Сухомлинова. Онъ отъ огорченія прямо постарѣлъ лѣтъ на пять, совсѣмъ осунулся, жаль смотрѣть на него.

— Жалкій старикашка! — сочувственно проронилъ Новосильевъ. — Не везетъ ему. Въ 1912 году Государь обрушился на него за то, что онъ во время какого-то торжества, согласно уставу, надѣлъ длинныя брюки, а не высокіе сапоги, какъ Государь. Плеве попытался объяснить, что носить мундиръ офицерской кавалерійской школы и въ

пѣшемъ строю ему полагается быть въ длинныхъ брюкахъ. Плеве былъ правъ, но царь строго замѣтилъ ему: „вы должны быть одѣты, какъ вашъ Государь“ и вензелей не далъ ему. Теперь же его погубилъ этотъ случай на парадѣ. Отъ какихъ пустяковъ, подумаешь, зависитъ наша жизнь!

— Ну, — вмѣшался въ разговоръ Лаврентьевъ, — полученіе или неполученіе вензелей, вѣдь это такой вздоръ! Не все ли равно?

— Не говорите! — возразилъ Новосильевъ, — для такихъ старыхъ служакъ, какъ Павелъ Адамовичъ, никакихъ другихъ радостей уже нѣтъ. Его самолюбіе страдаетъ, когда его обходятъ, а, кромѣ того, такая холодность можетъ кончиться его смѣщеніемъ.

Въ это время около поѣзда все зашевелилось. На площади передъ вокзаломъ слышались крики „ура“. Въ царскихъ покояхъ, гдѣ собрались высшіе чины, появились Государь съ Государыней, великія княжны и Елизавета Феодоровна.

Около Государя все время вертѣлся градоначальникъ, стараясь поймать его взглядъ, но царь не обращалъ на него никакого вниманія. Монархъ обошелъ присутствовавшихъ, кое-кому сказалъ нѣсколько словъ, привѣтливо улыбнулся предводителю Самарину, подавъ ему руку, и затѣмъ подъ руку съ Государыней, которая тоже обошла собравшихся, вышелъ на платформу, гдѣ собрались военные. Плеве, опустивъ голову, виновато и жалко плелся за императорской четой, а Адриановъ съ блѣднымъ лицомъ и нервно подергивающейся отъ волненія нижней челюстью все пытался попасть въ поле зрѣнія царя, который, медленно кланяясь направо и налево, двигался къ вагону вмѣстѣ съ Александрой Феодоровной.

— Неужели не попаду въ свиту? — пронеслось въ головѣ градоначальника, и сердце его вдругъ такъ страшно заняло, что онъ чуть не упалъ.

Въ этотъ моментъ, пропустивъ жену въ вагонъ, Государь, круто повернувшись назадъ и глядя на Адрианова, какъ тому показалось, равнодушно, почти непривѣтливо, тихо сказалъ:

— Благодарю васъ за порядокъ... зачисляю васъ въ свиту.

У Адрианова отъ прилива безграничной радости все помутилось въ головѣ, онъ механически приложилъ губами (такъ сдѣлать ему заблаговременно посовѣтовали опытные царедворцы) къ протянутой рукѣ императора, глаза его

наполнились слезами, а сердце его на нѣсколько мгновений какъ бы замерло. Поѣздъ плавно поплылъ впередъ, раздались крики „ура“, и семья Романовыхъ отбыла изъ Злато-главой Москвы.

Сіяющаго градоначальника окружила большая толпа. Всѣ поздравляли его, многіе цѣловали, нѣкоторые дѣлали видъ, будто плачутъ отъ избытка чувствъ; къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ Кофтѣвъ, повторявшій сквозь слезы:

— Какъ я радъ, Александръ Александровичъ! Какъ я радъ за васъ! Какъ безмѣрно счастливъ!..

Адріановъ успѣлъ уже вполнѣ оправиться отъ своихъ внутреннихъ переживаній и молодцовато, коротенькими фразами, нѣсколько лающимъ голосомъ рассказывалъ окружающимъ о томъ, какъ царь въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ его за порядокъ во время торжествъ и съ очаровательной улыбкой пожаловалъ его вензелями.

Начался разъѣздъ.

Москва погрузилась въ свою прежнюю будничную жизнь. Къ прежнимъ знакамъ отличія, у всѣхъ носящихъ ордена и медали, прибавилась новая медаль въ память юбилея.

XXII.

Послѣ юбилейныхъ торжествъ Ранкъ вышелъ въ отставку. Онъ рѣшилъ, что продолжать службу для него не имѣетъ никакого смысла: служба только тяготила его.

— Зачѣмъ мнѣ служить? — часто говаривалъ онъ женѣ, не сочувствовавшей его отставкѣ. — Служба никакого нравственнаго удовлетворенія мнѣ не даетъ и сама по себѣ довольно непріятна. Жалованья я получаю всего четыре тысячи, а пенсіи и эмеритуры буду получать болѣе двухъ тысячъ, значитъ, въ годъ нашъ доходъ уменьшится всего на двѣ тысячи. При нашемъ общемъ бюджетѣ въ тридцать тысячъ это пустяки. Не такъ-ли, дорогая моя? Въ отставку же я получу полную свободу и займусь общественной дѣятельностью.

— Это твое дѣло, другъ мой! — нѣсколько грустно

отвѣчала Наталья Николаевна. — Конечно, если тебѣ такъ тяжело служить, ужъ лучше выйти въ отставку. Главное, сохранить здоровье, а ты такой нервный, что, дѣйствительно, судить всякихъ разбойниковъ не по твоему характеру. Денегъ у насъ достаточно, проживемъ и безъ твоей службы. Только соскучишься ты безъ дѣла!..

Почти всѣ родные и знакомые, особенно дамы, очень не одобряли рѣшеніе Ранка, говоря, что мужчине въ сорокъ пять лѣтъ стыдно сидѣть сложа руки, что молодой генераль долженъ былъ дослужиться до лентъ, звѣздъ и высшихъ чиновъ, но Ранкъ пренебрегъ благими совѣтами и лѣтомъ 1913 года въ „Инвалидъ“ появился Высочайшій приказъ объ его отставкѣ „съ мундиромъ и пенсіей“.

— Вотъ чудакъ, — проворчалъ Патинъ, читая объ отставкѣ Ранка. — Не могъ дослужиться до генераль-лейтенанта?!.. И даже ленты не имѣеть! Чудакъ!..

Сослуживцы поднесли отставному генераль-маіору традиціонный серебряный блокъ-нотъ, при чемъ Новосильевъ сказалъ по адресу уходящаго на покой судьи нѣсколько теплыхъ словъ. Затѣмъ Ранкъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ бывшихъ товарищей на обѣдъ, и во время его произнесъ заранее заготовленную имъ рѣчь, въ которой слышались грустные нотки.

— Мнѣ кажется, — сказала Ранкъ Вѣрину, когда послѣ обѣда всѣ перешли въ гостиную пить кофе, — что я присутствую на своихъ похоронахъ. Странно даже! Я такъ мечталъ объ этой отставкѣ, о свободѣ, а сейчасъ мнѣ грустно до слезъ. Почему это?

— Нервы, дорогой баронъ, нервы, — отвѣтилъ Вѣринъ. — Ты страшный неврастеникъ; въ этомъ все дѣло. А отставку твоей я сочувствую. Въ будущемъ году осенью я послѣдую твоему примѣру; я это твердо рѣшилъ. Сдѣлаюсь нотаріусомъ или присяжнымъ повѣреннымъ. А ты что рѣшилъ?

— Я и самъ еще не знаю, но сложа руки сидѣть не буду; сначала осмотрюсь. Начну съ того, что буду баллотироваться въ московскіе почетные мировые судьи. Октябристы обѣщали меня провести. А тамъ, надѣюсь, сама жизнь натолкнетъ меня на такую работу, которая будетъ мнѣ по душѣ. Я какъ то началъ писать свои мемуары; теперь закончу ихъ и обработаю. Это заполнить мои досуги.

Однако, на первыхъ же порахъ планы Ранка потерпѣли неудачу. Отцы города провалили его и не смотря на поддержку октябристовъ, черныхъ шаровъ у него оказа-

лось на двѣнадцать больше, нежели бѣлыхъ: въ почетные мировые судьи онъ не попалъ.

Какъ потомъ сообщили ему пріатели, черныхъ шаровъ насыпали ему „принципіально“ кадеты, не желая допустить „милитаризаціи“ почтеннаго института мировыхъ судей, лично противъ его кандидатуры ничего не имѣя. Эта неудача глубоко огорчила Ранка и сильно обезкуражила его. Онъ почувствовалъ, что ему едва ли когда либо удастся попасть въ число „общественныхъ дѣятелей“; какъ онъ мечталъ: прежняя его служба въ роли военного судьи и генеральскій чинъ стояли на пути.

Ранкъ затосковалъ. Иногда онъ не зналъ, чѣмъ заполнить свой длинный день и начинать временами жалѣть о томъ, что бросилъ службу.

Жена, замѣтивъ меланхолію мужа, заставила его вести свѣтскій образъ жизни, которому никогда не сочувствовалъ Ранкъ. Каждый день послѣ четырехъ часовъ они ѣздили съ визитами, а вечера проводили въ театрахъ. Оставалось наполнять чѣмъ нибудь только утра. Ранкъ опять взялся за свои мемуары, которые началъ писать нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сначала дѣло не шло. Онъ часами сидѣлъ въ своемъ уютномъ кабинетѣ, но вяло заполнялъ листы великолѣпной бумаги, спеціально купленной для этой работы.

Такъ продолжалось съ недѣлю, при чемъ нѣсколько разъ онъ думалъ отказаться отъ своего намѣренія. Но постепенно и незамѣтно это занятіе увлекло его. Скоро у него явилась потребность по утрамъ сидѣть за своими воспоминаніями, и эти утренніе часы стали проходить для него быстро и пріятно.

— Недурно выходить,—думалъ онъ, перечитывая написанное.—И интересно, и бойко! Право, у меня хорошее перо. И чувствуешь нѣкоторое нравственное удовлетвореніе! Это не то, что писать приговоры. Когда кончу, напечатаю! „На правахъ рукописи“, конечно. Вотъ и хорошо, что я вышелъ въ отставку! Умный человекъ всегда найдеть, чѣмъ заполнить время, а свобода — великая вещь! Теперь я отлично проведу будущее лѣто; попутешествую, перечитаю многое... Жизнь, однимъ словомъ, наладится!..

Настала весна 1914 года. Однажды къ Ранкамъ зашелъ Вѣковъ. Разговорились о планахъ на лѣто.

— Жена съ дѣтьми, — сказалъ Ранкъ, — поѣдетъ на лѣто къ своимъ родителямъ въ Боржомъ, гдѣ у нихъ дача,

а я сначала хочу побывать въ Крыму; тамъ я еще не бывалъ, и оттуда присоединюсь къ семьѣ.

— Дѣло хорошее,—одобрилъ Вѣковъ. — А я, баронъ, вотъ что вамъ посоветую. Мы съ вами въ такомъ возрастѣ, когда приходится думать уже о своемъ здоровьѣ. Вы, какъ сами утверждаете, неврастеникъ, нервы у васъ не въ порядкѣ. Такъ вотъ, отправляйтесь въ Евпаторію и поступайте въ санаторію. Тамъ двѣ хорошихъ санаторіи. Поживете на положеніи больного недѣль шесть и сами себя не узнаете.

Когда Ранкъ обратился къ Тамарову, тотъ вполне одобрилъ планъ Вѣкова.

Въ силу всѣхъ этихъ разговоровъ, отправивъ семью въ Боржомъ, Ранкъ въ срединѣ мая направился въ Севастополь, а оттуда моремъ въ Евпаторію. И Севастополь, и коротенькое морское путешествіе при дивной погодѣ произвели на него наилучшее впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ послѣ курса лѣченія объѣхать весь Крымъ и побывать и въ Ялтѣ, и въ Гурзуфѣ, и въ другихъ мѣстахъ крымскаго побережья.

Въ Евпаторіи Ранкъ поселился въ „Приморской Санаторіи“. На слѣдующій же день по пріѣздѣ Ранкъ пошелъ къ врачу, одному изъ пайщиковъ санаторіи и тотъ прописалъ ему обливанія позвоночника для укрѣпленія нервной системы, массажъ, солнечныя ванны, песочныя ванны и гимнастику. Полный пансіонъ и лѣченіе обходились около десяти рублей въ день.

Ранкъ принялся усердно исполнять всѣ врачебныя предписанія. Уже черезъ десять дней онъ почувствовалъ, что общій режимъ въ санаторіи дѣйствуетъ на его здоровье самымъ благотворнымъ образомъ. Народу въ санаторіи было много и со многими онъ перезнакомился. Особенно часто Ранкъ бесѣдовалъ съ однимъ больнымъ, страдавшимъ хроническимъ воспаленіемъ почекъ, который жилъ въ санаторіи съ двумя хорошенькими дочерьми, — шестнадцати и семнадцати лѣтъ — и съ женой, сорокалѣтней дамой, очень эффектной, но сильно подкрашивавшейся и потому не понравившейся Ранку.

Звали больного Иваномъ Сергѣевичемъ Ивковымъ. До послѣдняго времени онъ служилъ въ Петербургѣ, гдѣ занималъ крупный постъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1913 году онъ вышелъ въ отставку.

Какъ то разъ послѣ четырехчасового чая Ивковъ, несмотря на теплую погоду закутанный въ пледъ, грустно

полулежалъ на раскидномъ креслѣ, въ садикѣ, окружавшемъ зданіа санаторіи. Ранкѣ подсклѣлъ къ нему и участливо спросилъ:

— Ну, что, Иванъ Сергѣевичъ? Какъ дѣла? Гдѣ ваши?

— Дѣла мои плохи,—со вздохомъ отвѣтилъ больной,—одно время, казалось, почки мои рѣшили измѣнить свое скверное поведеніе, а вчера вдругъ опять у меня былъ мучительный припадокъ.

— А я съ вами поболтаю, если позволите. Продолжимъ нашъ вчерашній разговоръ. Вотъ вы мнѣ рассказывали о Петрѣ Николаевичѣ Дурново, котораго такъ хорошо знали. Вы говорили, что въ февралѣ этого года онъ подалъ Государю замѣчательную докладную записку, въ которой пророчилъ всякіе ужасы. Что это за записка? Меня это очень интересуеъ. Конечно, Петръ Николаевичъ страшный ретроградъ, но, говорятъ, большая умница. Что онъ писалъ царю?

Ивковъ оживился и проговорилъ:

— Записка эта — большой секретъ, но вы меня не выдадите. У меня съ нея есть копія; я вамъ прочту оттуда нѣкоторыя выдержки. Дѣйствительно, документъ интересный.

Съ этими словами Ивковъ, поднявшись съ трудомъ, пошелъ въ занимаемое имъ помѣщеніе. Онъ скоро вернулся съ небольшой тетрадкой. Затѣмъ, улегшись снова въ свое кресло, окутался пледомъ и началъ:

— Вотъ слушайте! Я всего вамъ читать не буду, а только выдающіяся мѣста. Итакъ... Дурново пишетъ:... „Центральнымъ факторомъ переживаемаго нами періода міровой исторіи является соперничество Англіи и Германіи. Это соперничество неминуемо должно привести къ вооруженной между ними борьбѣ, исходъ которой будетъ, по всей вѣроятности, смертеленъ для побѣжденной стороны. Несомнѣнно, что Англія постарается прибѣгнуть къ не разъ испытанному ею средству и рѣшится на вооруженное выступленіе не иначе, какъ обезпечивъ участіе на своей сторонѣ стратегически болѣе сильныхъ державъ. А такъ какъ Германія въ свою очередь не окажется изолированной, то будущая англо-германская война превратится въ вооруженное столкновеніе между двумя группами державъ, придерживающимися одна—германской, другая—англійской ориентации... Основная группировка при будущей войнѣ очевидно: Россія, Франція и Англія съ одной стороны,

Германія, Австрія и Турція—съ другой. Не исключена возможность выступленія Италіи на сторонѣ противогерманской коалиціи. При такихъ условіяхъ борьба съ Германіей представитъ для насъ огромныя трудности и потребуетъ отъ насъ неисчислимыхъ жертвъ. Война не застанетъ противника врасплохъ и степень его готовности, вѣроятно, превзойдетъ самыя преувеличенныя наши ожиданія... Не исключена даже возможность выступленія Америки и Японіи на противной Германіи сторонѣ, но, конечно, только въ качествѣ захватчиковъ тѣхъ или другихъ германскихъ колоній“.

Далѣе Дурново предсказываетъ неминуемое отпаденіе Польши, говоритъ о нашей технической отсталости, которой не учитываютъ наши дипломаты въ своей агрессивности противъ Германіи... Но самое интересное,—продолжалъ Ивковъ, — въ концѣ; послушайте только: „...Эта война потребуетъ такихъ огромныхъ расходовъ, которые во много разъ превысятъ болѣе чѣмъ сомнительныя выгоды, которыя мы можемъ получить отъ избавленія отъ нѣмецкаго засилья. Финансово-экономическія послѣдствія нашего пораженія не поддаются ни учету, ни даже предвидѣнію и, безъ сомнѣнія, отразятся полнымъ разваломъ всего народнаго хозяйства. По глубокому убѣжденію, основанному на многолѣтнемъ изученіи противогосударственныхъ теченій, полагаю, что въ побѣжденной странѣ неминуемо разразится социальная революція. Что она будетъ носить именно социальный, а не политическій характеръ, въ томъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній и это не только въ отношеніи Россіи, но и въ отношеніи Германіи. Особенно благоприятную почву для социальныхъ потрясеній представляетъ Россія, гдѣ народныя массы несомнѣнно исповѣдуютъ принципы безсознательнаго социализма. Въ случаѣ неудачной войны, социальная революція, въ самыхъ крайнихъ ея проявленіяхъ, у насъ неизбежна. Въ странѣ начнутся революціонныя выступленія... выдвинуть социалистическіе лозунги, единственные, которые могутъ поднять и сгруппировать широкіе слои населенія; сначала черный передѣлъ, а за симъ и общій раздѣлъ всѣхъ цѣнностей и имуществъ. Побѣжденная армія, лишившись къ тому же за время войны наиболѣе надежнаго кадрового состава своего, охваченная въ большей ея части стихійно общимъ крестьянскимъ стремленіемъ къ землѣ, окажется слишкомъ деморализованною, чтобы послужить оплотомъ законности и порядку“...

— Вотъ все главное, — прервавъ чтеніе, сказала Ивковъ. — Какъ это пророчество вамъ нравится?

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, — задумчиво отвѣтилъ Ранкъ. — Хотя Дурново, по общимъ отзывамъ, большая умница, но полагаю, что онъ просто старается запугать царя, чтобы тотъ не вздумалъ воевать съ нѣмцами. Видимо, почтенный Петръ Николаевичъ германофиль. Конечно, война для насъ будетъ страшнымъ несчастьемъ, но страхи автора записки явно преувеличены.

Въ это время къ разговаривающимъ подошелъ одинъ изъ паціентовъ санаторіи симпатичный инженеръ-технологъ, Петръ Петровичъ Савинъ.

— А я получилъ изъ Петербурга любопытное письмо, — сказалъ онъ, присаживаясь около Ранка и Ивкова, съ которыми часто бесѣдовалъ. — Мнѣ пишутъ, что на нашемъ Путиловскомъ заводѣ рабочіе очень волнуются и грозятъ забастовкой. И странное дѣло! Я свой заводъ хорошо знаю и увѣренъ, что рабочихъ подстрекають какіе-то иностранные агитаторы. Возможно, что дѣйствуютъ нѣмцы; они заинтересованы въ нашей дезорганизациі.

— Неужели можетъ вспыхнуть война? — воскликнулъ Ранкъ.

— И очень легко, — грустно протянулъ Ивковъ. — Я знаю изъ очень достовѣрнаго источника, что Сазоновъ — преданнѣйшій слуга англичанъ; они обязательно въ концѣ концовъ втравятъ насъ въ войну; обойдутъ насъ самымъ коварнымъ образомъ, по-англійски!

— Я очень боюсь войны, — сказалъ Савинъ, — главнымъ образомъ потому, что, какъ мнѣ кажется, на всѣхъ нашихъ заводахъ начнутъ безпорядки. Нашего рабочего вѣдь такъ легко разжечь, а разъ заводы начнутъ бастовать, какъ можно будетъ вести войну! Обязательно насъ побьютъ!

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ двухъ прехорошенькихъ барышень, почти дѣвочекъ, очень одна на другую похожихъ, хотя младшая была красивѣе старшей.

— Здравствуйте, Зиночка и Ниночка, — съ теплой улыбкой обратился къ дочерямъ Ивковъ. — Какъ гуляли, кого видѣли?

Дѣвушки принялись весело щебетать и рассказывать отцу о своей прогулкѣ. Глядя на ихъ веселыя оживленные лица и слушая ихъ беззаботную болтовню, мужчины забыли и о мрачныхъ пророчествахъ Дурново, и о возможной войнѣ съ нѣмцами, и о досадныхъ мелочахъ повседневной жизни.

— Вотъ амурчики, — подумаль Савинъ, — особенно, Зиночка. Что за прелестный ребенокъ! Какъ обворожительно эта ямочка на ея подбородкѣ. А эти васильковые глазки! Я, кажется, втюрился въ нее, хотя мнѣ тридцать два года, а ей всего шестнадцать!

XXIII.

Дни тянулись за днями и мелькали, какъ верстовые столбы.

— Удивительно быстро проходитъ время, — часто думаль Ранкъ. — Я живу здѣсь почти уже мѣсяцъ, а кажется, что только вчера пріѣхаль. Весь день такъ заполненъ, что оглянуться не успѣешь, какъ подошелъ уже вечеръ. А спишь какъ чудесно! Да, эта санаторія отличная вещь!

Ранку было разрѣшено купаться въ морѣ. Эти морскія купанья доставляли ему особенное удовольствіе. Физически онъ чувствовалъ себя превосходно. Волновали его нѣсколько газетныя извѣстія, касающіяся общаго натянутого политическаго положенія въ Европѣ, но онъ успокаиваль себя тѣмъ, что все уладится и до войны дѣло никогда не дойдетъ.

— Я становлюсь легкомысленнымъ, — размышляль генераль, — а, между тѣмъ, въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то очень нехорошимъ. У меня же подъ вліяніемъ физическаго благополучія всѣ мысли игривыя и веселыя. Даже стыдно!

Ранкъ, дѣйствительно, началъ вести себя нѣсколько легкомысленно. Такъ, на примѣръ, онъ замѣтилъ, что въ одной изъ раздѣвальныхъ каютокъ имѣется щель, черезъ которую видна вся женская половина купальни. Сдѣлавъ это открытіе, онъ часто старался занять именно эту каютку со щелью и безцеремонно созерцаль купающихся дамъ, которыя, снявъ купальные костюмы, иногда грѣлись на солнцѣ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ возможность подробно рассмотреть и расплывшіяся тѣлеса лѣжившейся отъ ожирѣнія знаменитой пѣвицы, и красивую еще фигуру Ивковой, и стройныя, безукоризненныя формы ея дочерей. Ему было стыдно заниматься этимъ некрасивымъ дѣломъ, но нездоровое любопытство было сильнѣе стыда. Когда

онъ потомъ встрѣчался съ дамами въ столовой или саду санаторіи, ему вспоминалась то хорошенькая родинка подъ лѣвой грудью Зиночки, то мышка на лѣвой ногѣ ея матери, такъ пикантно отгнѣнявшая бѣлизну ея кожи.

Созерцали дамъ во время купанья и прочіе мужчины. Въ концѣ концовъ, дамы, особенно пожилыя и некрасивыя, обнаружили предательскія щелочки и всполошились. По ихъ требованію администраціей санаторіи щели вездѣ были тщательно задѣланы. Тогда мужчины занялись другимъ видомъ спорта. Они, вооружившись сильными биноклями, съ самымъ невиннымъ видомъ принялись за наблюденіе горизонта, но при этомъ вводили въ поле зрѣнія биноклей также и ту часть морского берега, гдѣ дамы принимали солнечныя ванны, считая себя въ полной безопасности отъ нескромныхъ взоровъ.

Изъ Евпаторіи на автомобилѣ Ранкъ проѣхалъ въ Симферополь съ возвращавшимся въ Петербургъ Савинымъ; изъ Симферополя по желѣзной дорогѣ Ранкъ доѣхалъ до Севастополя, а изъ Севастополя на лошадахъ черезъ Байдарскія ворота добрался до Ялты. Все это путешествіе, особенно черезъ Байдарскія ворота съ видомъ на необозримую морскую даль, Ранку очень понравилось. Понравилась ему и нарядная Ялта, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней, и откуда онъ переѣхалъ въ Гурзуфъ, гдѣ поселился въ, такъ называемой, четвертой гостиницѣ.

Въ это время въ газетахъ появилось извѣстіе объ убійствѣ въ Сараевѣ австрійскаго наслѣдника. По мнѣнію Ранка, убійство это не могло повредить Россіи, такъ какъ покойный эрцгерцогъ считался руссофобомъ и сторонникомъ войны съ Россіей. Но вскорѣ въ печати заговорили объ австрійскомъ ультиматумѣ Сербіи, о присоединеніи къ этому ультиматуму Германіи и о приготовленіи къ общей войнѣ.

— Неужели начнется война, — съ тоской думалъ Ранкъ, перечитывая тревожныя телеграммы. — Не можетъ быть! И стоитъ ли изъ-за Сербіи втрапляться намъ въ эту грязную исторію? Конечно, побряцаютъ оружіемъ и успокоятся. Ужъ сколько разъ мы переживали подобныя тревоги!

Но газеты говорили все настойчивѣе объ общемъ критическомъ положеніи въ политикѣ и о „наглости и коварствѣ“ австрійцевъ и нѣмцевъ. „Новое Время“ же энергично требовало взять родственную Сербію подъ могу-

щественную защиту Россіи и помнить о „великодержавіи“ и призваніи славянской Руси.

Наконецъ, 18-го іюля катастрофа разразилась. Рано утромъ перепуганный лакей со слезами на глазахъ, войдя въ комнату Ранка, сообщилъ ему, что объявлена мобилизація, и мы будемъ воевать съ нѣмцами.

Все всколыхнулось, заволновалось и засуетилось. Многіе спѣшили уѣхать, многіе надѣялись, что все еще какъ-нибудь „образуется“ и война будетъ избѣгнута.

Не хотѣлось повѣрить и Ранку въ то, что начинается война; онъ какъ-то все еще на что-то надѣялся и ему казалось, что въ послѣдній моментъ дипломаты уладятъ всѣ недоразумѣнія.

Многіе спѣшно покидали Гурзуфъ, чтобы успѣть добраться до дому; особенно торопились запасные офицеры. Ранкъ, какъ состоявшій въ ополченіи, пока мобилизаціи не подлежалъ. Въ день ея объявленія онъ на пароходѣ съѣздилъ въ Ялту. Тамъ царило необычайное оживленіе; около расклеенныхъ вездѣ манифестовъ группами собирались прохожіе; люди, совершенно незнакомые, вступали въ продолжительныя бесѣды.

На ялтинской набережной къ Ранку подошелъ какой-то пожилой господинъ съ желчнымъ и болѣзненнымъ лицомъ и, замѣтивъ, что генераль задумчиво и меланхолично смотритъ по направленію мола, тихо сказалъ:

— Не слышали, ваше превосходительство, что будетъ Англія дѣлать? Пока вѣдь поведеніе ея совершенная загадка. Если она выступитъ съ нами, тогда еще польза бѣды, ну, а если она сохранитъ нейтралитетъ, тогда намъ не позовится!

— Откуда онъ знаетъ, что я генераль,—мелькнуло у Ранка. Онъ забылъ, что вмѣсто штатскаго платья, въ которомъ обыкновенно ходилъ, онъ надѣлъ военное, захваченное имъ для дороги.

— Пока положеніе Англіи не опредѣлилось,—отвѣтилъ онъ желчному господину,—но надо надѣяться, что она будетъ на нашей сторонѣ.

— Тогда, быть можетъ, — горячо подхватилъ его собесѣдникъ, — мы нѣмцевъ расколотимъ и война долго не протянется... Вы вотъ военный, и, вѣроятно, знаете: долго-ли можетъ длиться такая война? Правда-ли, что большае года она никакъ протянуться не можетъ?

— Затрудняюсь отвѣтить вамъ. Я читалъ и слышалъ, что въ настоящее время по экономическимъ причинамъ

большія европейскія войны будутъ протекать страшно быстро, но такъ-ли это?

— Вотъ именно, — перебилъ Ранка господинъ, — такъ-ли это? Вы изволили правильно выразиться. А вдругъ война затянется на два и даже на три года? Какой ужасъ! Можемъ ли мы выдержать такое напряженіе? Не развалится ли тогда все у насъ?

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ Ранкъ, — то утѣшительно, что не мы начали войну. Насъ къ ней принудили. У Россіи не было другого выхода. Это сознаніе моральной правоты должно утѣшить насъ.

Съ этими словами Ранкъ простился со своимъ новымъ знакомымъ, отрекомендовавшимся ему присяжнымъ повѣреннымъ Соколовымъ, и пошелъ по набережной къ пристани, откуда отходилъ пароходикъ въ Гурзуфъ.

Ярко свѣтило солнце, темно-синее море слегка красиво волновалось, морской вѣтерокъ нѣжно щекоталъ лицо и безмятежная природа, какъ всегда, равнодушно сіяла своей красотой, но Ранку было такъ грустно, такъ тяжело, что южное горячее солнце, и волшебная красота моря на него уже не дѣйствовали.

Большая часть мужской прислуги призывалась на службу, а потому весь заведенный въ гостиницахъ и ресторанахъ порядокъ нарушался. И безъ того всегда плохой обѣдъ въ этотъ день оказался совершенно несъѣдобнымъ; впрочемъ, всѣ ѣли вяло и неохотно.

Ранкъ рѣшилъ переждать нѣсколько дней и затѣмъ ѣхать въ Москву черезъ Одессу; такимъ путемъ онъ надѣялся доѣхать съ меньшими затрудненіями.

Когда вечеромъ Ранкъ очутился одинъ въ своемъ просторномъ номерѣ и попытался заснуть, — ничего изъ этого не вышло. Онъ всталъ, одѣлъ халатъ и вышелъ на балконъ. Ночь была темная, безлунная, но звѣзды горѣли удивительно ярко и красиво, теплый вѣтерокъ чуть-чуть шевелилъ листья деревьевъ, до балкона доходилъ ароматъ цвѣтовъ, росшихъ вокругъ гостиницы, откуда то доносились звуки шопеновскаго полонеза, исполняемаго, видимо, выдающимся піанистомъ...

А внизу на нижнемъ балконѣ кто-то неутѣшно плакалъ.

Ранкъ осторожно заглянулъ внизъ и различилъ фигуру женщины. Рядомъ съ ней сидѣлъ офицеръ, который покрывалъ ея руки поцѣлуями и тихо, нѣжно говорилъ:

— Успокойся, Ниночка, не плачь, родная! Война больше шести мѣсяцевъ продолжаться не будетъ. Это рѣ-

шительно всѣ говорить. И оглянуться не успѣмъ, какъ все уже кончится. А для насъ, военныхъ, война имѣть и свою положительную сторону: и награды я получу, и повышение, и карьеру могу сдѣлать...

— А если тебя убьютъ? — раздался плачущій женскій шопотъ. — Вѣдь всего два мѣсяца мы женаты!.. Что я буду безъ тебя, голубчикъ мой, дорогой мой, единственный мой, дѣлать? . Я... я... сама умру!..

Опять послышались рыданія и успокаивающій мужской голосъ:

— Будь мужественна, дѣтка моя, цвѣточекъ мой ненаглядный!.. Не унывай. Все хорошо кончится! И имѣй въ виду, что я не пѣхотный офицеръ, а кавалеристъ; убилъ же въ кавалеріи всегда ничтожная! Право!.. Ну, а теперь, дѣтка, пора и въ кроватку! Засидѣлись!.. Бѣдная моя, бѣдная овечка!

Ранкъ услышалъ затѣмъ звуки поцѣлуевъ и стукъ запираемой двери балкона.

Печальные торжественные звуки полонеза росли все шире и шире и Ранку показалось, что сердце его готово разорваться на части.

— Вѣроятно, Боровскій играетъ, — подумалъ онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ вслушиваясь въ гениальную музыку. — И на кой дьяволъ эта война? Кому она нужна? Кому отъ этого будетъ лучше? Что намъ за дѣло до этихъ братушекъ, которыхъ Австрія хочетъ скушать? Вѣдь, если война затянется, что насъ можетъ ожидать? Неужели сбудется пророчество Дурново? Вся наша жизнь теперь искалѣчена и испорчена!.. Придется и мнѣ опять поступить на службу!.. Нельзя будетъ сидѣть сложа руки, особенно, нося нѣмецкую фамилію. Вѣроятно, изъ-за фамиліи мнѣ придется испытать много непріятностей, но ничего не подѣлаешь: это нѣчто роковое и неизбѣжное...

Когда піанистъ кончилъ играть, Ранкъ вошелъ въ комнату, заперевъ дверь балкона. Но спать онъ не могъ. Почти всю ночь онъ, какъ маятникъ, равномерными шагами ходилъ по комнатѣ и, чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше волновался и мучился. Ему казалось, что война, благодаря подготовленности нѣмцевъ, выльется въ нѣчто кошмарное...

— А вдругъ она продлится нѣсколько лѣтъ? — думалъ онъ, шагая равномерно отъ дверей балкона къ дверямъ комнаты и обратно. — Что тогда будетъ? Во что превратится вся наша жизнь?.. Странная вещь: у меня сейчасъ

какъ будто какое-то ясное предчувствіе, что въ моей жизни совершается ужаснѣйшій переломъ, что я стою передъ зіяющей пропастью, куда скоро свалюсь. Малодушіе это и нервы или же предчувствіе, предвидѣніе? Во всякомъ случаѣ, никогда въ жизни я не мучился такъ, какъ сейчасъ и не впадалъ въ такое отчаяніе.

Только передъ утромъ онъ забылся сномъ часа на два, но сонъ его былъ тяжелый и безпокойный.

Въ послѣдующіе дни Ранкъ успокоился и даже иногда удивлялся тому отчаянію, которому онъ предавался въ первый день объявленія войны.

Начались патріотическія манифестаціи.

Пріѣхалъ въ Гурзуфъ ялтинскій градоначальникъ Думбадзе и въ присутствіи многочисленной публики обратился къ оставлявшему Гурзуфъ военному оркестру, состоявшему преимущественно изъ евреевъ, съ напутственной рѣчью, покрытой звуками гимна и жидкими кликами „ура“. Вездѣ сновали заплаканныя лица женщинъ, мужья которыхъ призывались въ войска; всѣ бѣгали, суетились, о чемъ-то справлялись, жадно читали газеты, но въ этой суетѣ, въ этомъ оживленіи чувствовалось что-то жалкое, безпомощное и растерянное. Кое-кто громко поносилъ „проклятыхъ нѣмцевъ и подлаго Вильгельма II“, но на первыхъ порахъ эта ругань среди публики сочувствія не встрѣчала.

Когда выяснилось, что Англія на сторонѣ Россіи и Франціи, настроеніе значительно поднялось и общее уныніе начало смѣняться шовинистскимъ направленіемъ. Многимъ казалось, что дни Германіи сочтены и въ самомъ скоромъ времени она будетъ разгромлена.

Черезъ недѣлю Ранку удалось попасть на пароходъ „Русскаго Общества“, который отходилъ въ Одессу. Ходили слухи, что на пути могутъ попасться турецкія подводныя лодки, которыя взорвутъ пароходъ. Всѣ—и пароходная администрація, и публика страшно нервничали. При помощи особой протекціи лакея Ранкъ получилъ мѣсто въ каютѣ. Началась качка. Ранка закачало. О войнѣ, подъ вліяніемъ приступовъ морской болѣзни, онъ уже не думалъ, онъ мечталъ только о томъ, когда ему снова удастся ступить на твердую землю. —

Въ Одессѣ Ранку пришлось прожить нѣсколько дней, такъ какъ, благодаря мобилизаціи, не такъ-то легко было оттуда выбраться.

Какъ-то разъ онъ очутился вблизи дома командующаго войсками округа, Никитина, въ тотъ моментъ, когда

тамъ происходила патріотическая манифестація. Толпа, главнымъ образомъ, состоявшая изъ мальчишекъ, съ знаменами и жиденькимъ оркестрикомъ какого-то училища сгруппировалась передъ домомъ Никитина и кричала „ура“. Оркестрикъ сыгралъ „Боже, Царя Храни“, а какой-то человекъ съ краснымъ и нѣсколько пьянымъ лицомъ все время то подымалъ, то опускалъ портретъ царя, какъ бы благословляя имъ толпу. На балконѣ показался престарѣлый генералъ Никитинъ. Ура смолкло, остановился и оркестръ. Генералъ силымъ и надорваннымъ отъ усталости голосомъ обратился къ манифестантамъ съ рѣчью. Онъ говорилъ о преданности царю, о непобѣдимости русскаго оружія, о коварствѣ и предательствѣ подлаго врага и кончилъ рѣчь возгласомъ:

— Съ нами Богъ! Да поможетъ Онъ нашему царю-батюшкѣ одолѣть лютаго врага!

Окончивъ рѣчь, Никитинъ принялся раскланиваться на всѣ стороны, а толпа, вновь заревѣла „ура“, оркестрикъ, страшно фальшивя, опять загремѣлъ гимнъ, а господинъ съ пьянымъ лицомъ принялся опять благословлять толпу портретомъ Государя.

Съ грустнымъ чувствомъ пошелъ Ранкъ дальше. Манифестація произвела на него самое неблагоприятное впечатлѣніе.

— Эта красная рожа, благословляющая толпу портретомъ Государя, — подумалъ онъ, — вѣроятно, изъ охраннаго отдѣленія. И странная толпа! Все больше мальчишки и подозрительнаго вида субъекты; приличныхъ лицъ вовсе не замѣтно... И стояло Никитину, у котораго въ эту минуту, навѣрное, не мало дѣла, тратить свои силы на эту патріотическую болтовню, отъ которой, видимо, онъ уже лишился голоса.

Дальнѣйшее свое путешествіе Ранкъ совершилъ съ нѣкоторыми затрудненіями. До Знаменки, гдѣ была пересадка, онъ доѣхалъ еще сравнительно хорошо, но отъ Знаменки поѣзда шли переполненными. Ранкъ со своими вещами устроился въ коридорчикъ спальнаго вагона перваго класса и четыре часа просидѣлъ на своемъ чемоданчикѣ, который поставилъ стоймя. Рядомъ съ нимъ на откидной скамейкѣ сидѣла красивая молодая дама. Изъ разговора съ нею Ранкъ узналъ, что она спѣшитъ въ Москву, чтобы застать мужа, который, какъ прапорщикъ запаса, подлежалъ мобилизаціи.

— Мой мужъ присяжный повѣренный, а вотъ теперь

ему придется сражаться. Ужасно! И къ чему эта война! Неужели нельзя было все уладить безъ войны?

— Неужели намъ придется всю ночь просидѣть въ коридорѣ, — въ раздумьи проговорилъ Ранкъ, — пойду, поговорю съ проводникомъ.

Отыскавъ проводника, Ранкъ предложилъ ему пятнадцать рублей, если онъ устроить его и жену присяжнаго повѣреннаго. Проводникъ долго морщилъ лобъ и въ концѣ концовъ предложилъ свое маленькое отдѣленіе въ концѣ вагона съ одной коротенькой деревянной жесткой лавочкой. Ранкъ предложилъ своей новой знакомой перебраться туда, на что та съ радостью согласилась. Весь вечеръ они болтали и время пролетѣло незамѣтно. Когда же наступила ночь, пришлось подумать о томъ, какъ ее провести.

Послѣ многихъ дебатовъ Ранкъ уложилъ свою спутницу на диванчикъ, при чемъ ей пришлось свернуться калачикомъ, а самъ онъ легъ на свои чемоданы, положивъ ихъ плашмя на полъ.

Дама очень скоро заснула крѣпкимъ, здоровымъ молодымъ сномъ. Ранкъ же долго ворочался на своихъ чемоданахъ и продолжалъ думать о войнѣ и о тѣхъ перемѣнахъ, которые она вызоветъ въ его жизни.

— Въ нормальное время, — невольно думалось ему, — если бы я очутился въ отдѣльномъ купѣ съ такой хорошенькой женщиной, мнѣ пришли бы въ голову фривольныя мысли, а сейчасъ намъ обоимъ уже не до этого, и оба мы безъ всякаго стѣсненія заперлись въ этой каюткѣ, не думая ни о чемъ дурномъ... Одна изъ немногихъ хорошихъ сторонъ войны: общее горе очеловѣчиваетъ людей.

Въ Москвѣ Ранкъ разстался со своей спутницей. За время своего путешествія они такъ много успѣли переговорить, какъ иногда это не удастся сдѣлать въ теченіе долгаго знакомства. Разстались они, видимо, довольные другъ другомъ.

XXIV.

Черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ въ Москву Ранкъ попалъ въ Большой кремлевскій дворецъ на Высочайшій выходъ.

Это было пятого августа 1914 года. Какъ московскій дворянинъ, онъ сталъ въ дворянской группѣ. Въ томъ же залѣ находились представители города и другихъ сословій. При появленіи царской четы отъ дворянъ отдѣлился предводитель дворянства, Александръ Дмитріевичъ Самаринъ, который отъ имени дворянъ громкимъ и прочувствованнымъ голосомъ произнесъ патріотическую рѣчь. Потомъ очень плохо и неясно прочелъ заготовленное слово Брянскій, исполняющій обязанности городского головы, а затѣмъ выступилъ съ адресомъ представитель московскаго купечества. Доведя до середины зала государыню, съ которой вошелъ подъ руку, царь повернулся въ сторону предшествовавшихъ ораторовъ и, держа передъ собой листочекъ бумаги, повышеннымъ голосомъ прочиталъ слѣдующее:

— Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки моимъ намѣреніямъ надвинувшейся на миролюбивый народъ мой, я по обычаю державныхъ предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святынь московскихъ. Въ стѣнахъ древняго Московскаго Кремля, въ лицѣ вашемъ, жители дорогой мнѣ первопрестольной Москвы, я привѣтствую весь вѣрный мнѣ русскій народъ повсюду, — и на мѣстахъ, въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, — единодушно откликнувшійся на мой призывъ стать дружно всей Россіей, откинувъ распри, на защиту родной земли славянства. Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились воедино всѣ безъ различія племена и народности великой Имперіи нашей и вмѣстѣ со мной никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія. Такое единеніе моихъ чувствъ и мыслей со всѣмъ моимъ народомъ даетъ мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ бу-

душемъ. Отсюда, изъ сердца Русской земли, я шлю доблестнымъ войскамъ моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, заодно съ нами поднявшимся за поправленіе начала мира и правды, горячій привѣтъ! Съ нами Богъ!“

Рѣчь эта присутствующимъ не очень понравилась. Слышались такіе замѣчанія:

— Что стоило выучить рѣчь наизусть?.. Неужели у него такая плохая память? Взялъ бы примѣръ съ Александра Дмитріевича: какъ онъ хорошо сказалъ! Сухо какъ-то! Нѣтъ въ рѣчи подъема!

Хотя по улицамъ Москвы часто ходили манифестанты съ портретами Николая II, хотя въ театрахъ постоянно передъ началомъ спектакля исполнялись народные гимны державъ согласія, хотя все всколыхнулось и волновалось, но многимъ казалось, что общество, а особенно масса не были проникнуты чувствомъ общаго одушевленія, общаго подъема. Замѣчалось, что большинство страстно жаждетъ одного — скорѣйшаго во что бы то ни стало окончанія войны.

Ранку стало тяжело оставаться только зрителемъ совершающагося громадной важности событія, не принимая въ немъ непосредственнаго участія. Тяготило его также его нѣмецкое происхожденіе. Въ душѣ онъ чувствовалъ себя вполне русскимъ. Нѣмецкимъ языкомъ владѣлъ онъ плоховато, уже дѣдъ его могъ считаться вполне обрусѣвшимъ, всѣ его симпатіи были, конечно, на сторонѣ Россіи, но тѣмъ не менѣе съ началомъ войны онъ сталъ замѣчать, что нѣкоторые знакомые начали нѣсколько чуждаться его, а иногда ему приходилось выслушивать такіе фразы:

— Ну, вамъ, баронъ, этого не понять! Вѣдь въ вашихъ жилахъ все же течетъ нѣмецкая кровь. А кровь— великое дѣло! Человѣкъ всегда безсознательно тяготеетъ къ своимъ по крови!

— Какой я нѣмецъ,—грустно говорилъ Ранкъ женѣ,—когда по нѣмецки я говорю даже порядочно не умѣю. Какъ могу я считаться нѣмцемъ, когда все мое существо, весь мой духовный міръ такъ неразрывно связаны съ Россіей. Ея интересы—вѣдь мои интересы, а сейчасъ всѣ меня считаютъ нѣмцемъ, даже Василій вчера, глядя на меня со злобой, прошепталъ: „...вашихъ всѣхъ проклятыхъ нѣмцевъ повѣсить надо, уничтожить... подлый народъ!“

— Василій идиотъ и безсовѣстный,—пылко возразила Наталья Николаевна. — Не обращай на него, голубчикъ,

вниманія. И вообще только дураки могут считать тебя нѣмцемъ.

Первоначально попытки Ранка снова поступить на службу не удались. По какому-то канцелярскому недоразумѣнію въ присутствіи по воинскимъ дѣламъ его не взяли на учетъ, а потому пришлось еще хлопотать по этому поводу. Ранкъ отправился къ вновь назначенному командующему войсками генералу Сендецкому съ просьбой дать ему какое-либо назначеніе. Сендецкій предложилъ Ранку подать прошеніе, чѣмъ дѣло и ограничилось. Возвращаться въ военно-судебное вѣдомство Ранку не хотѣлось, да и тамъ услужь его не требовалось, такъ какъ въ началѣ войны налицого состава хватало для обслуживания всего вѣдомства.

Однажды въ Англійскомъ клубѣ Ранкъ столкнулся съ генераломъ Рейнботомъ, съ которымъ былъ знакомъ давно. Рейнботъ на нѣсколько дней пріѣхалъ въ Москву изъ Варшавы, гдѣ занималъ высокій постъ по санитарной части. Ранкъ во время обѣда случайно сидѣлъ съ нимъ рядомъ и въ разговорѣ какъ-то упомянулъ о томъ, что на время войны онъ охотно вновь поступилъ бы на службу.

— Хотите получить мѣсто въ Варшавѣ начальника тылового эвакуаціоннаго пункта,—неожиданно предложилъ Рейнботъ,—у меня какъ разъ имѣются свободныя вакансіи. Что вамъ кинуть въ Москвѣ? Дайте мнѣ прошеніе на Высочайшее имя о поступленіи на службу и копію со своего указа объ отставкѣ. Я вамъ мигомъ устрою. Служить же съ вами мнѣ будетъ пріятно, я васъ такъ хорошо знаю.

Слѣдствіемъ этой совершенно случайной встрѣчи было то, что въ концѣ декабря 1914 года Ранкъ получилъ изъ Варшавы телеграмму о назначеніи его начальникомъ пятого варшавскаго тылового эвакуаціоннаго пункта съ предложеніемъ немедленно выѣхать на мѣсто службы.

Съ одной стороны Ранку было пріятно, что онъ приметъ участіе въ общей работѣ, хотя бы и въ тылу арміи, съ другой же стороны, новая служба пугала его, такъ какъ должность начальника пункта считалась крайне отвѣтственной и хлопотливой, особенно по хозяйственной части.

Быстро собрался онъ въ путь, пріобрѣтѣя полушубокъ, теплые сапоги и все то, что полагается имѣть тыловому офицеру.

Проводить его на Александровскомъ вокзалѣ собрались его семья и близкіе знакомые. Сынъ Ранка, который съ объявленіемъ войны настоялъ на томъ, чтобы отецъ

перевелъ его изъ лица въ Александровское военное училище, превратился въ красиваго семнадцатилѣтняго юношу съ темнымъ пушкомъ на верхней губѣ. Онъ гордился тѣмъ, что отецъ отправляется на театръ военныхъ дѣйствій и мысленно желалъ, чтобы война еще продолжалась долгое время и онъ по окончаніи училища успѣлъ бы принять въ ней участіе.

При прощаніи съ отцомъ горько плакала его любимица, семилѣтняя Ксюша. Всплакнула слегка и баронесса, хотя въ общемъ она радовалась тому, что ея Миша опять поступить на службу; за него она не беспокоилась, такъ какъ считала, что служить въ тылу арміи совершенно безопасно.

— Быть можетъ, вы что-нибудь узнаете о моемъ мужѣ, — сказала Вѣрина Ранку на прощанье. — Живъ ли онъ или въ плѣну? Постарайтесь что-нибудь узнать о немъ.

Вѣринъ получилъ, оказывается, назначеніе предсѣдателемъ корпуснаго суда въ отрядѣ генерала Самсонова, котораго окружили нѣмцы и большая часть отряда котораго попала въ плѣнъ. О своемъ мужѣ Марихенъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не имѣла никакихъ извѣстій. Эта катастрофа страшно подѣйствовала и на нее, и на Милочку. Обѣ онѣ послѣ разгрома Самсонова не могли найти себѣ покоя, часто, крѣпко обнявшись, плакали вдвоемъ и говорили объ отсутствующемъ ежедневно.

Ранкъ общался Вѣриной употребить всѣ усилія, чтобы узнать о судьбѣ ея мужа.

Наконецъ, раздался послѣдній звонокъ; Ранкъ вошелъ въ вагонъ, поѣздъ тронулся, а съ платформы послышались послѣдніе привѣты, послѣднія пожеланія.

— Пиши чаще, дорогой папочка, — сквозь слезы, махая платочкомъ, прокричала Ксюша.

— Счастливый папа! — со вздохомъ сказалъ Коля, усаживаясь со всѣми въ экипажъ, — когда-то я попаду на театръ военныхъ дѣйствій! Еще годъ цѣлый придется зубрить. А тутъ вдругъ война кончится!

— Дай то Богъ, чтобы скорѣе кончилась, — грустно поглядывая на сына, проговорила Наталья Николаевна. — Эта война вѣдь такой ужасъ! Папа, положимъ, будетъ въ сравнительной безопасности, а когда тебя произведутъ въ офицеры, ты прямо попадешь въ строй. Мнѣ страшно и думать объ этомъ! Напрасно, дружочекъ, ты бросилъ лицей!

— Это было необходимо, мамочка, — горячо возразилъ юнкеръ. — Всѣ мои лучшіе друзья поступили, какъ я.

Иначе мнѣ было бы стыдно передъ другими, да и передъ самимъ собой. Право, мнѣ страшно, страшно хочется попасть на войну. Это вѣдь такъ интересно! Подумай только! И не всѣхъ же убиваютъ! Меня могутъ легко ранить въ руку или ногу, и я вернусь благополучно. Право, мамочка, ты не огорчайся. Впрочемъ, цѣлый годъ еще ждать... Вотъ это такъ скверно!

Коля умолкъ и сталъ мечтать о томъ, что выпускъ въ офицеры могутъ ускорить, что онъ за отличие на войнѣ получить Георгія, и всѣ близкіе будутъ гордиться его геройскими подвигами...

Когда Вѣрина вернулась домой, входную дверь ей открыла Милочка, которая очень выросла и похудѣла за послѣдніе годы; глаза ея глядѣли уже не такъ жизнерадостно, какъ раньше.

— Ну, что, Марихень, — спросила она, — баронъ уѣхалъ? Просила ты его навести справки о папѣ, о моемъ бѣдномъ, дорогомъ папѣ? Гдѣ-то онъ теперь?

— Просила, Милочка, — отвѣтила Вѣрина, привлекая къ себѣ дѣвочку и крѣпко цѣлуя ее. — Я надѣюсь, что папа попалъ въ плѣнъ и въ концѣ концовъ мы получимъ отъ него извѣстія.

Онѣ перешли въ гостиную и зажгли на угловомъ столикѣ электричество. Милочка прижалась къ своей мачихѣ и начала вслухъ мечтать:

— Я папочку постоянно вижу во снѣ. И онъ все такой грустный, грустный, но здоровый. Я твердо вѣрю, что увижу его, что онъ вернется. Вотъ будетъ счастье! Не можетъ быть, чтобы его убили. Онъ, бѣдный, сидитъ въ плѣну и думаетъ сейчасъ о насъ, какъ мы думаемъ о немъ. Хорошій мой папа! И зачѣмъ его послали? Я слышала, что на войну долженъ былъ ѣхать не онъ, а другой судья, который испугался и притворился больнымъ; бѣдному папѣ и пришлось ѣхать вмѣсто него. Правда это?

— Нѣтъ, Милочка, это не такъ, — отвѣтила тихо Вѣрина, задумчиво перебирая въ своей рукѣ нервные красивые пальчики дѣвочки. — Судья, вмѣсто котораго пришлось ѣхать папѣ, дѣйствительно, заболѣлъ; онъ не притворялся.

— Знаешь, Марихень, — перескочила Милочка, — я часто теперь думаю о томъ, что папа, женившись на тебѣ, отлично сдѣлалъ. И ты, я знаю, моего папу очень любишь, хоть и не такъ, какъ я, но все же любишь его по своему.

— А какъ же ты любишь папу? — съ улыбкой спросила Вѣрина.

— Какъ я люблю папу! — съ загорѣвшимися глазами воскликнула Милочка. — Я его такъ люблю, какъ никого въ жизни, даже тебя меньше люблю, особенно съ того времени, какъ онъ попалъ въ плѣнъ.

— Ну, и я люблю папу, какъ никого въ жизни, и тебя меньше, чѣмъ его. Довольна?

— Этого-то я не боюсь, — серьезно возразила Милочка, — хотя мнѣ кажется, что меня ты любишь не меньше папы... Впрочемъ, если ты любишь папу больше меня, то это меня не огорчаетъ, такъ какъ лучше папы никого на свѣтѣ нѣтъ.

— А уроки на завтра ты приготовила?

— Давно уже; уроки пустые.

Милочка училась въ гимназіи Фишера и очень любила свою гимназію; занималась она отлично.

— Ахъ, Милочка, Милочка! — вырвалось у Марихенъ, — Къ чему вся эта глупая война!.. Мы жили такъ счастливо!.. Зачѣмъ все это?

— Будемъ думать о папѣ, — съ нѣкоторой торжественностью прошептала дѣвочка. — Онъ почувствуетъ, что мы о немъ думаемъ, и ему это будетъ пріятно... Ну, Марихенъ, сильнѣй думай, и я буду сильно, сильно думать... Вотъ я смотрю на его фотографію и все думаю... думаю о немъ, вспоминаю его голосъ, его слова... Сегодня опять постараюсь видѣть его во снѣ...

Въ комнатѣ на нѣкоторое время воцарилось полное молчаніе. И молодая женщина, и дѣвочка, дѣйствительно, всецѣло погрузились въ воспоминанія объ отсутствующемъ, который въ это время тоже думалъ о нихъ въ мѣстѣ своего заключенія, въ крѣпости Кенигштейнѣ на Эльбѣ.

К О Н Е Ц Ъ

Продолженіємъ „Зарева“ является находящійся въ печати романъ „Живые и мертвые“, въ которомъ дѣйствующія лица перваго произведенія переживаютъ войну, революцію 1917 года и большевицкій переворотъ.

